

ГЕЛО НИПОС

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

НАДЕЖДА

Гело Нипос

Надежда

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43932778

SelfPub; 2020

Аннотация

Препарат «Новая жизнь» – великое открытие человечества. Чудодейственная формула способна навсегда улучшить интеллект и укрепить иммунитет. В связи с нехваткой ресурсов для его создания общество делится на два сословия. Мир изменился. Появились новые причины ненавидеть друг друга. Лео и Майкл – два обычных человека, не желающих принимать новые законы и правила. Именно им предстоит изменить жизнь единственного города на земле. И вряд ли в этом замкнутом пространстве у кого-то получится остаться безучастным в конфликте, спровоцированном неравенством общества, ведь здесь бежать некуда. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Предисловие	5
22 октября 2060 год	5
Глава 1	23
2075 год	23
Глава 2	58
2060 год	58
Глава 3	80
2075 год	80
Глава 4	90
2060 год	90
Глава 5	120
2075 год	120
Глава 6	146
2060 год	146
Глава 7	156
2075 год	156
Глава 8	178
2060 год	178
Глава 9	229
2075 год	229
Глава 10	251
2060 год	251
Глава 11	272

2075 год	272
Глава 12	279
22 октября 2060 год	279
Глава 13	305
2075 год	305

Предисловие

22 октября 2060 год

Среди шумной толпы около десяти часов вечера несколько близких друзей сидели в небольшом баре и громко разговаривали, перебивая друг друга, вспоминая времена, оставшиеся за пределами города Надежды. Заведение находилось в бедном квартале, и для многих это подвальное скрытое помещение было чуть ли не единственным местом, где было возможно, не опасаясь полиции или «помощников полиции», говорить о чём вздумается, высказать свою точку зрения по поводу нынешней власти и вообще вести себя так, как вздумается несовершеннолетним. Сюда заходили исключительно взрослые мужчины, и, казалось, лучшего места для общения с друзьями просто не найти. У этого бара даже не было названия или какой-нибудь рекламы, все посетители знали друг друга в лицо, так как жили по соседству уже очень давно, и если кто чужой и мог сюда зайти, то это было совершенно случайно.

– Ричард, сделай громче! – крикнул Шон, и все разом замолчали, уставившись в телевизор. Начался вступительный ролик. На экране появилась надпись о том, что передача посвящена пятидесятилетию всемирной войны, затем замель-

кали фотографии погибших знаменитых людей, и ведущий попросил почтить их память.

– Благодаря уколу с препаратом «Новая жизнь» увеличивалась мозговая активность за счёт задействия неиспользуемой части мозга и значительно укреплялась иммунная система. Укол можно было сделать только один раз, и действие его длилось всю жизнь, – сказал ведущий Адриано Налетти. – В связи с этим общество разделилось на два сословия: совершенные, которые могли позволить себе купить «Новую жизнь», считавшие себя новой идеальной расой, и несовершенные – люди, у которых не было возможности приобрести дорогостоящий препарат. Вскоре препарат «Новая жизнь» перестали выпускать из-за нехватки ресурсов для его создания, но так называемые улучшения передавались по наследству, – продолжал Налетти. Причёска Налетти менялась каждый день. Это были прямые рваные пряди или каре с какими-нибудь повязками или обручем. Сегодня его тёмные волосы были уложены назад и немного приподняты. Широкие брови были слегка дорисованы, глаза с подводкой, бордовый костюм с чёрной рубашкой и белым галстуком – это был его сегодняшний образ.

– Эх, как бы я жил сейчас, если бы сделал этот проклятый укол? Наверное, не сидел бы...

– Заткнись, Крис! – грубо перебил его Шон и пригладил свои светлые волосы ладонью на правую сторону.

– Доказано, что несовершенные, или ещё их называют

несовы, больше подвержены различным заболеваниям и отличаются менее развитым интеллектом. Несовершенные и совершенные внешне почти ничем не отличаются. Лишь по одежде, манерам можно определить человека высшей расы или несова, – говорил Адрианно Налетти, и каждый раз, когда его начинали показывать с нового ракурса, через пару секунд он эффектно поворачивался к камере.

– Они вообще уже охренели! Говорить такие вещи по телевизору! – возмутился здоровяк Эл после воцарившейся паузы, за время которой присутствующие с шокированными лицами проанализировали последнее высказывание Налетти. Здоровяк сильно ударил кулаком по столу. Вспомнив, что хозяин бара неоднократно за это его ругал, ведь не один стол погнулся под огромными кулаками-кувалдами Эла, здоровяк виновато посмотрел на Ричарда и улыбнулся, продемонстрировав отсутствие нескольких зубов. Рич в ответ закатил глаза и покачал головой.

– Скажи спасибо, что нас ещё не называют отбросами в прямом эфире, – недовольным тоном произнёс Шон и продолжил: – Несмотря на их безупречность, они не смогли спасти планету от ядерной войны, начавшейся из-за акта терроризма. Пожары, возникшие как следствие обмена атомными бомбами, оккупировали почти весь мир.

– Уверен, это совы сами же и подстроили, – утвердил Крис с невозмутимым выражением лица и поднёс бокал пива ко рту.

– Да глупости. Зачем им это? Много сов тоже погибло. Они просто не настолько умны, как им кажется. Я придерживаюсь мнения, что это устроила Белая община.

– Политики некоторых государств оказались на редкость предусмотрительными, заранее создав убежище. Всё-таки, думаю, это совершенные. Надежда – это тебе не шутки! Вот! Как раз про неё! – закричал Крис, показывая в телевизор пальцем, и пригладил волосы назад, прикрыв лысину, одновременно стыдливо стреляя взглядом по сторонам, не заметил ли этого кто-нибудь.

– Я уверен, что среди членов правления есть несовершеннолетние. Такие, как мы. Друг моего друга, знакомый с парнем, у которого жена общалась с женщиной, знающей одну совершенную из Дома власти, так вот, она рассказывала, как видела, что жена Главы Правления кашляла и чихала. А, как известно, совершенные не болеют простудными заболеваниями.

– Ну, это веское доказательство. Кто, говоришь, тебе это сказал? – рассмеялся Крис.

– Так, всё! Тихо! – холодно сказал Шон и уставился в телевизор. На экране появился мужчина с сигаретой между жёлтыми от никотина пальцами. Он затянулся посильнее, выпустил дым на почти высохший цветок, и это были последние секунды жизни для них обоих. Яркий свет ослепил его. Вдалеке выросла огромная фигура из дыма и огня, напоминающая брокколи. Взрывной волной ему выбило барабанные

перепонки, и из ушей потекла кровь. Он упал на колени и вспыхнул пламенем. Плавилась и горели бетонные стены, асфальт, металлические крыши. Адрианно с печальным видом продолжил:

– Всё, что было домом, умерло по вине своих хозяев. Многие люди, не сумевшие купить себе место в Надежде, сгорели заживо. Совершенные ясно дали понять, что убежище почти заполнено. Проектирование Надежды и поиск благоприятного места для её постройки заняли двенадцать лет. На постройку убежища ушло ещё пять лет. Окончательный размер составил 243 809 квадратных километров. Ветряная электростанция, которая благодаря своей продуманной высочайшей надёжности пережила ядерный взрыв и последующий мощный импульс электромагнитного излучения, размещалась вокруг купола снаружи. Купол из толстого слоя, включающий в себя кирпич, рыхлый и плотный грунт, сталь, свинец и воду, защищает жителей Надежды от продуктов радиоактивного распада и радиационных осадков, возникших в результате ядерного взрыва. Кроме этого, купол служит в качестве огромного испарителя. Собранная дождевая вода проходит глубокую очистку, и система циркуляции создаёт эффект кондиционирования. Таким образом, мы прекрасно чувствуем себя в мягком микроклимате Надежды. Помимо этого, под куполом крепятся атмосферные комплексы, которые обеспечивают подачу очищенного воздуха и, как нам обещают в будущем, смогут создавать различные погод-

ные условия. Уникальная система ультрафиолетовых ламп является аналогом солнца. Огромный город с необходимыми условиями выживания стал новым домом, пока значительная часть планеты является открытым источником радиации.

– Ага, ага! Домом для многих! Вы это слышали? – обратился к посетителям бармен Ричард, шустро протирая барную стойку. – Они не хотели нас пускать! Это потом они уже подумали заселить нас в Надежду за надобностью рабочей силы. Места в убежище хватило бы для всех выживших, предусмотрительно записавшихся в добровольцы. У нас все, кроме совершенных, живут в мире, в котором люди чертовски сильно недовольны жизнью. Даже войну выиграли, и всё равно все недовольны. Совы получают от правления весомую поддержку, а мы лишены многих выгодных жизненных перспектив. Почему так? Я каждый день молюсь, чтобы мир изменился. Я не хочу мстить, не хочу никого обвинять, я устал. Просто хочу жить спокойно.

– Ладно, давайте послушаем, – сказал Шон, приподнявший свои густые брови, и нервно замахал обеими руками.

– Проблема восстановления цивилизации объединила человечество в одно единое мировое государство. Выжившие люди на голосовании выбрали членов Дома Правления, принимающих политические решения, отражающие интересы народа. В Дом Правления входили только совершенные, уже отработавшие политиками, – говорил Налетти.

– Ага! А нас бросили жить на окраине вдоль стен! Бедный квартал! Вот так называют наш дом и считают нас прошлым, а себя – будущим, – возмущению Шона не было предела, но когда бородатый здоровяк Эл встал и, глядя на него, прислонил указательный палец к губам, Шон покорно заткнулся.

– Дом Правления, избранный народом, – продолжал ведущий, – обещает принимать справедливые и правильные решения, основываясь на опыте общества. Эти решения принимались с помощью вашего покорного слуги, – сказал Адрианно и поклонился, – в нашей дорогой и любимой телевизионной передаче «За и против», в которой политики проводят дебаты. Передачу транслируют по центральному каналу, и каждый совершенный в таких случаях обязан проголосовать за или против. Исход зависит только от решения народа. Механизм народовластия осуществляется с помощью СМС-голосования, решая проблемы своего государства.

– Их послушай, так, по сути, политики ничего не решают, а якобы просто спорят в прямом эфире, доказывая каждый свою точку зрения, – Ричард выключил телевизор и глубоко вздохнул, почесав бороду. – Ага. Решение народа. Наше-то мнение не учитывается, а живём мы по их законам, – сказал он. – Даже совместное проживание в замкнутом пространстве не смогло уничтожить неприязнь к нам. Смертную казнь мы-то уж точно бы не разрешили! Тем более действующую только на нас. Спаривание совершенных с несовами тоже незаконно. Ограничений очень много. Мы живём под

гнётом своих улучшенных собратьев, не надеясь дорасти до их интеллектуального уровня и обрести все их привилегии.

– Ну ладно, Рич, что-то ты разошёлся, – промычал Крис. – А вот одну сучку из совершенных, ну, эту... как там её? Короче, которая следит за соседним районом! Вот я бы с ней спарился!

– Как обычно из всего, что я сказал, ты услышал только про спаривание, – возмутился Рич.

– Я же не виноват, что ты частенько это упоминаешь, – сказал Крис, и толпа захихикала.

– Включи телик!

Адрианно Налетти снова заболтал:

– Со временем совершенные создали свод правил, по которым должен жить послушный несов. Первое правило: несовершеннолетний обязан работать до самой смерти. Второе правило: несовершеннолетний обязан уважать и подчиняться любому из членов Новой расы. Третье правило: несовершеннолетний обязан создать семью и иметь не менее двух детей. Четвёртое правило: несовершеннолетний обязан докладывать о любых замыслах и преступлениях, направленных против Новой расы. Каждый несовершеннолетний должен был, кроме общепринятых законов, соблюдать эти четыре правила.

– Совы сделали нас рабами. Заработанных средств в лучшем случае хватает ровно на месяц. За что с нас вычитают налоги, если медицина, образование, жильё платные? – снова возмутился Шон.

– Продукцию, произведённую нами, наши деньги они отнимают в виде оплаты за необходимые для нас же товары и услуги с помощью налогов и платежей, – подключился Рич.

– Это точно! Красиво сказал. Короче, это какой-то скрытый механизм принуждения несовов к работе. Мы и так страдаем, а они ещё умудряются вводить новые законы, одни строже других, – сказал Шон.

– При всём при этом мы работаем на структуры, отражающие только интересы государства, – добавил Рич.

Бармен Ричард, он же и хозяин бара, за скромную плату разливал гостям собственноручно сваренное пиво. Налога за бар он не платил, так как о заведении почти никто не знал. Также как никто не знал, из чего он варит своё пиво. Бывших хозяев дома казнили, и он поселился здесь, а чуть позже сделал из подвала дешёвое заведение. Выкрасив железный пол в коричневый цвет и стены – в тёмно-зелёный, соорудив что-то наподобие барной стойки, Ричард решил заняться делом, о котором всегда мечтал. Через некоторое время у него уже были постоянные клиенты, живущие неподалёку, и хозяин бара перестал чувствовать себя одиноким, а ещё позже новые друзья познакомили Ричарда с Бри – женщиной примерно такого же возраста, ставшей ему любимой, верной подругой. Расставленные на прикрученных к стенам полках книги, источенные временем, хранились в дорогостоящих кожаных обложках, но Ричард никогда бы их не продал. Он берёт их как сокровище. Плакаты с изображением знаменитых ком-

позиторов, железная мебель, покрашенная под деревянную, и муляжи окон будто бы нараспашку, в каждом из которых был свой нарисованный пейзаж, создавали домашний уют. Также на полочках красовались статуэтки балерин, шутов и всевозможных животных.

– Раньше я бы без труда устроил сына на работу. После училища для несовов сразу направляли на завод! – вдруг высказал Шон.

– Раньше не было талонов на еду, приходилось покупать.

– А сейчас еды нет!

– На Создателе много еды. Нужно работать, чтобы есть. Так было всегда, – прокричал Крис и залпом допил бокал. Часы на стене показывали 22:00 22 октября 2060 года.

– Знаешь, с каким словом рифмуется работа? Блевота! Ты говоришь как совершенный! Может, ты ещё скажешь, что мы заслужили такую жизнь? – спросил Шон и начал оглядываться по сторонам, ища поддержку. В ответ толпа полностью поддержала Шона своими громкими возгласами.

– Крис, может, ты пойдёшь в помощники полиции, раз ты такой фанат совершенных? – привстав за столиком в центре, выкрикнул здоровяк Эл.

– А может, и пойду. И вы все будете этому только рады. Потому что буду прикрывать ваши жопы, когда потребуются. Надо как-то приспособливаться, – сказал Крис. – Алло, это мой дружище и помощник полиции Крис? Я тут вломил одному. Разбил ему рожу, а он пожаловался полицией-

ским. Прикрой мою жопу, пожалуйста, – удачно спародировал Крис здоровяка Эла, затем махнул рукой в его сторону, изобразил что-то вроде вялого разочарования, молча поднялся и подошёл к бармену Ричарду.

– Рич, я знаю, в глубине души ты на моей стороне. Плесни мне ещё пива.

В ответ Ричард ухмыльнулся и, не сказав ни слова, окинул взглядом толпу.

– Так, ты нашего Ричарда не тронь! А то придётся тебе всех нас угощать пивом, дружище Крис, – сказал Эл, и все присутствующие, включая самого Криса, громко засмеялись.

– Я просто хочу сказать...

– Ты просто пей и помолчи, мы хоть отдохнём немного, – с улыбкой произнёс Шон, и толпа снова захохотала. – Ты и сам так не думаешь, тебе лишь бы поспорить.

– Скажи мне, дорогой друг, а не жил ли я вместе с тобой в вонючем общежитии, в которое нас поселили после училища? В Надежде нам хотя бы выдали дом. Дом каждому несовершенному! Помню, как ходили в застывшей от бесконечной носки одежде, потому что негде было постираться. И сейчас мы сидим в баре у Ричарда, а не гниём в деревянном сарае, – сказал Крис, и после этого все остальные начали стучать по столу и топтать ногами.

– Мы сидим в самом лучшем баре во всей Надежде! – громко сказал здоровяк и поднял бокал в сторону бармена.

– Спасибо, конечно, но бесплатного пива вы от меня не дождётесь! Знаю я ваши хитрости, – с улыбкой произнёс Ричард, и Эл виновато опустил на своё место. Все захихикали.

– Вообще-то, я хотел поговорить о ферме. Если бы нам дали право голосовать, как бы вы отнеслись к поеданию человечины? – спросил Крис. Речь его уже была слегка заторможена.

– Я полностью за, брат, – промолвил Шон и с видом знатока кивнул, – даже не представляю, чем бы нас кормили эти ублюдки совершенные.

– А вы слышали, что в школах совершенных теперь есть дисциплина, которая называется «Правила поведения с несовершеннолетними»? – выкрикнул кто-то из зала, но ответа он не дождался.

Друзья в баре были слишком увлечены беседой, чтобы обратить внимание на шум за дверью. К тому же выпитый алкоголь притупил чувство осторожности. Дверь со скрипом открылась, и в бар вошли двое полицейских. Пластиковые козырьки их головных уборов блестели, тёмно-синяя выглаженная форма наводила страх, чёрные кожаные туфли угрожающе стучали каблуком при каждом шаге. По их недовольному виду было ясно, что они подслушали разговор. За такое сквернословие в адрес Новой расы наказанием была смерть. Полицейские сели за столик вместе с Шоном на единственные два свободных места в баре.

– Пива нам, – грубо произнёс офицер, и Ричард, наигранно улыбаясь в ответ, принялся разливать пиво по бокалам. Затем торопливо поднёс их неожиданным гостям. В зале бесконечные разговоры и беззаботный смех стихли. Шон испуганно уставился в одну точку, опустив глаза вниз. Один из полицейских, после того как взял бокал, демонстративно уронил его на пол. Бокал разбился, и Ричард, не зная, что делать дальше, застыл на месте как вкопанный.

– Вытри, – грубо сказал патрульный, с улыбкой поглядывая на напарника.

Бармен ушёл и через секунду вернулся с веником, совком и тряпкой. Он смёл осколки в совок и встал на колени, чтобы вытереть пиво, затёкшее под стол.

– Заодно протри мне сапоги, – полицейский, немного прижав, сильно наступил на руку Ричарду, послышался хруст, от которого Шона немного передёрнуло, и патрульные дико захохотали. Бармен дрожащей рукой вытер мокрый пол и, едва дотронувшись тряпкой до ботинка, услышал крик полицейского:

– Ты что, собираешься этой же тряпкой вытирать мне обувь?

– Тупой отброс, – сказал второй полицейский и пнул Ричарда по рёбрам, от чего бедняга подскочил и ударился головой об стол. Вытащив свой носовой платок из кармана, бармен протёр ботинки патрульного и, выползая из-под стола на четвереньках, ощутил на своей голове холодную струю

пива.

– Это пойло годится только для отбросов, таких, как вы. Принеси что-нибудь стоящее, – сквозь смех сказал полицейский, и Рич, опустив голову, пошёл к барной стойке.

– У меня сложилось такое впечатление, что вы не рады нашему визиту, – прохрипел второй патрульный. Он был намного старше первого. Три белые полосы на правой стороне его тёмно-зелёного кителя говорили о том, что он был выше по званию. Ему никто не ответил, и даже никто не осмеливался посмотреть в сторону новых посетителей.

– Так кто из вас, долбаные отбросы, назвал совершенных ублюдками, а? – спросил молодой полицейский, достав складной нож. Чёрное лезвие со щелчком вылезло из рукоятки. Он немного покрутил нож в руке и что есть сил воткнул в ногу рядом сидящему Шону. Тот взвыл от боли, схватил руку патрульного и попытался вытащить нож, но полицейский крепко держал рукоять. Здоровяк резко вскочил, так, что чуть не перевернул стол, патрульный постарше мигом выхватил пистолет, направив его в сторону присутствующих. Эл послушно сел на место.

– Теперь давайте побеседуем в спокойной обстановке, – сказал полицейский, всё ещё держа нож в ноге Шона. – После ядерной войны мы дали вам убежище, дали вам дом. И чем вы недовольны, разрешите полюбопытствовать?

– Пожалуйста, вызовите ему врача, – попросил Крис, указывая на своего истекающего кровью друга, но полицейский

начал шевелить рукоять ножа, причиняя скулящему Шону нестерпимую боль.

– Отвечай на вопрос, мразь, – прокричал патрульный, глядя на Криса. – Билл, выстрели ему в...

Не успел он договорить, как Билл, быстро выхватив пистолет, выстрелил. Пуля, пролетев в нескольких сантиметрах от головы Криса, врезалась в стеклянную фигурку шута, который разлетелся на куски.

– Блин! Почти получилось, – сказал Билл и досадно хлопнул ладонью по столу. – Хочу научиться стрелять как в вестернах, – добавил он.

– Всем постам! Отправляйтесь в «Красоту будущего». Незаконное проникновение, – прокричала рация на поясе у молодого полицейского.

– Дэвид, убавь звук. Такое уже бывало. Ничего страшного. Раньше справлялись без нас, справятся и сегодня, – спокойно сказал Билл своему напарнику, и тот выключил рацию.

– Вы все должны благодарить Новую расу за то, что они позволили вам жить, – сказал Дэвид, окинув взглядом посетителей. И то ли несколько литров пива, то ли чувство собственного достоинства придали смелости Крису, но он, грозно сведя брови, сказал:

– Вы сделали нас рабами.

– Война меняет многое, сами понимаете. Конечно, это жестоко, это ужасно, но, честно говоря, нам это нравится. Помимо этого, всем известно, что вы не хотели работать до вой-

ны. Не хотите работать и сейчас. Никто не виноват в том, что у вас не было денег на укол «Новой жизни», – проговорил Билл с какой-то умиротворённостью. Шон потерял сознание и громко ударился головой об стол, от чего напарники засмеялись. Дэвид наконец вытащил окровавленный нож и положил его рядом с головой лежащего. В это время его напарник наводил на каждого из присутствующих пистолет и щёлкал языком, изображая выстрел.

– Эта инъекция не даёт вам право так обращаться с нами! Почему мы не имеем своего слова в телепередаче «За и против»? – спросил дрожащим голосом Крис.

– Эй, где эта старая жаба? Какой-то тут ненавязчивый сервис. Ты несёшь нам выпить или нет? – громко спросил Билл, пригладив двумя пальцами свои усы.

– Да что с них взять, отбросы. А тебе я скажу, – обратился полицейский к Крису, снимая свою тёмно-зелёную фуражку и кладя её на стол, – что люди, себя уважающие, никогда не позволят, чтобы с ними так обращались. Я повторю слова своего коллеги: вы сами виноваты. Вы даже не можете постоять за себя и, готов поспорить, никогда не придёте друг к другу на помощь, потому что кишка тонка, – сказал Дэвид и с презрением окинул взглядом всех несовершенных. – Неси нам выпить, сукин ты сын, – крикнул он в сторону барной стойки, снял свою фуражку, бережно положив её на стол. Заметив пятна от пальцев на козырьке, полицейский схватил салфетку и начал судорожно протирать кусок

глянцевого пластика. Затем, аккуратно держа головной убор ладонями по бокам, надел обратно.

Крис, сидящий за баром, оглянулся и увидел Ричарда, который стоял за стойкой на коленях и дрожащими руками засовывал патроны в барабан револьвера. От испуга Крис протрезвел и начал покрываться потом, но старался не подавать виду. Он прокрутил в голове ужасающие дальнейшие действия. Крис знал, что если Рич убьёт их и даже если им удастся избавиться от тел, в Доме Власти будут пытаться многих несовершеннолетних и в итоге докопаются до правды, но остановить бармена даже не попытался.

– Что он там делает? – спросил Билл у него. Не дожидаясь ответа, он встал и швырнул бокал в сторону бара, где сидел Ричард. Бокал разлетелся на множество сверкающих осколков, которые сбили несколько стеклянных фигурок с полки. Билл направился к барной стойке. Крис упал на пол, прямо на осколки, и закрыл голову руками. Неожиданно уверенно идущего полицейского остановили несколько пуль, которые Ричард успел зарядить, и пока смертельно раненый Билл медленно опускался на пол, его напарник палил в ответ. Вся толпа ринулась к Дэвиду, сбив его с ног прежде, чем тот успел повернуться. Его фуражка, слетев с головы, приземлилась около выхода из бара. Здоровяк втаптывал его голову своей огромной ногой и остановился, лишь когда проломил полицейскому череп. Крис судорожно поднялся с пола, подошёл к безжизненно сидящему Ричарду возле двери туалета.

та и ладонью закрыл ему глаза.

Шон пришёл в себя, и перед ним предстала жуткая картина. Он снова потерял сознание, но больше так и не очнулся. Его кровь, вытекающая из-под стола, медленно и плавно сливалась с кровью мёртвого Дэвида. К тому времени уже должна была вернуться с работы Бри – жена Ричарда, но её всё не было. Мужчины отмыли пол и завернули тела в плёнку. Выйдя на улицу, несовершеннолетние увидели под куполом ярко-красное облако, быстро опускающееся на город. Крис сделал глубокий вдох, после чего почувствовал себя нехорошо. Он почувствовал себя взбешённым. Его руки задрожали, зубы стиснулись и заскрипели от сильного трения, глаза налились кровью. Через несколько секунд все, кто вышел из бара, насмерть забили друг друга камнями и палками. Выжил лишь здоровяк Эл, который к рассвету застыл словно статуя, отражая утренний свет своим телом из красного металла.

Глава 1

2075 год

Басы загрохотали, извергаясь из низкочастотных громкоговорителей. Такого рода оповещение было слышно абсолютно всем. На экранах в домах и на улице появилась надпись: «Обязательно к просмотру». Этот голос звучал в каждом доме, на каждой улице по воскресеньям.

– Жители Надежды, мы пережили многое. Ядерная катастрофа сделала за нас шаг в новый мир, подарив нам ресурсы, каких ещё не видел свет. Этот шаг сопровождался бессмысленным ужасающим истреблением, но всё кончено. Много страданий испытали наши сердца, и наши организмы подверглись множеству изменений. Затем опасный вирус «Красная смерть» уничтожал наш дом под куполом изнутри. «Красная смерть» являлась разрушением того единственного небольшого клочка от целого земного шара, оставшегося после катастрофы. Но отныне хватит рисковать нашими жизнями, и поэтому я создала Мораль – новую руку закона, чья основная задача – защищать народ, – вещала Айрис Гринн, женщина лет сорока пяти с лицом хладнокровного уверенного в себе человека. Она изредка улыбалась и манила к экранам своим голосом. – Мы почти победили. Сейчас

главное, чтобы в наших стремлениях избавить мир от войн и распрей не зародился новый конфликт. Как ни печально, но всё же очень редко ещё случаются вспышки «Красной смерти». Будьте бдительны и сообщайте сразу об инфекции, будь это ваш родственник, вы сами или совершенно незнакомый человек. Вы должны беречь себя, беречь других. Мы почти справились с этим вирусом, унёсшим много жизней, и теперь, когда, казалось, все беды позади, с новой силой разразилась новая проблема. Наркотики. Они порождают преступления, ломают судьбы людей, – сказала Айрис и глубоко вздохнула. Большинство жителей Надежды сейчас с трепетом смотрели на неё.

Гринн опустила глаза, затем снова посмотрела в камеру. Последовало секундное колебание, после чего она улыбнулась и продолжила:

– Самое дорогое у человека – это жизнь. Не совершайте ошибки, которые уже во многом нас ограничили. И когда ваши стойкость, терпеливость и внимательность принесут результат, мир станет идеальным, – закончила свою утреннюю речь Айрис Гринн.

От экрана было невозможно оторваться. Эта женщина гипнотизировала своим взглядом. Её голос нежно гладил слух, вонзался в мозг, оставаясь в памяти, и в то же время дарил надежду на лучшие времена. Речь каждый раз немного отличалась от предыдущей, но смысл был один и тот же – только вместе люди могут сохранить эту оставшуюся часть

планеты, пригодную для жизни. Город действовал, жил, и Гринн единолично правила им. Она радовалась, окидывая его взглядом, сидя перед монитором. По всему периметру специально оборудованной крыши Острова многочисленные дроны взлетали и приземлялись, постоянно патрулируя Надежду.

* * *

День сменился беззвёздной ночью. Эдди нервничал, поправлял свою длинную чёлку и играл в карты с младшим братом Дэнни, который постоянно выигрывал. Тихо звучал телевизор, принимающий лишь один центральный канал, по которому сутки напролёт шла правительственная передача «За и против».

– В Надежде из-за загрязнения водных ресурсов человечество столкнулось с проблемой нехватки пресной воды. Текущая засуха на поверхности тоже даёт о себе знать. Очищенной дождевой воды очень не хватает. Острый дефицит питьевой воды испытывает половина выжившего после ядерной катастрофы населения. Каждый год публикуется доклад, который представляет точное описание состояния пресноводных ресурсов, результаты которого неутешительны. Надежда находится на грани водной катастрофы. Но я поспешу обрадовать вас, дорогие друзья, – Налетти немного развёл руки в стороны, и зрители в зале разразились оглушительны-

ми аплодисментами. – Вода являлась единственной жидкостью, которая действительно утоляет жажду. Мы предлагаем инъекции, которые по своей структуре напоминают межклеточную жидкость организма. Лёгкая с точки зрения усвоения, отлично проникающая в организм инъекция Джусс – это дорога в будущее, проложенная первоклассными учёными-специалистами. Никаких побочных действий. Попадая в организм, Джусс активно включается в работу и участвует в процессе переноса питательных веществ, заряжает организм энергией и здоровьем. Над производством Джусс работала сама Айрис Гринн.

– Достала уже эта Айрис, – сказал Эдди и пнул телевизор, стоявший на журнальном столике. Столик откатился, от чего шнур натянулся, выдернулся из розетки, и на некоторое время наступила полная тишина, нарушаемая лишь шлепками пластиковых карт друг о друга.

– Ха! Ты когда-нибудь научишься играть? – засмеялся Дэнни, выложив на стол последнюю карту из своих рук. Он ладонями пригладил свои длинные, достающие до худощавых плеч тёмные волнистые волосы назад. – Не расстраивайся, когда-нибудь ты должен выиграть, нельзя же всегда проёбываться, – широко улыбаясь, добавил он, демонстрируя белые зубы.

– Я уверен, ты опять применяешь свои штучки, – не совсем уверенно произнёс нахмуренный Эдди. Он правой рукой собирал карты со стола, придерживая указательным

пальцем чёлку, чтобы она не закрывала левый глаз.

– Может, тебе твои волосы мешают сосредоточиться? – пошутил Дэнни. Его выразительные холодно-синие глаза заискрились. – Я никогда не использовал свои штучки, играя с тобой. Давай отстригу тебе чёлку?

– Я сейчас тебе яйца отстригу, – пригрозил Эд и швырнул колоду брату в лицо. Дэнни слегка оторвал ладонь от стола, заставив колоду остановиться в воздухе возле своего лба, и, перебирая пальцами, вернул её на место – в дешёвую пластиковую тумбочку, стоящую у старого перекошенного из-за сломанной ножки дивана.

Эдвард начал медленно водить указательным пальцем по своему шраму на шее, тянущемуся от уха до уха. Он получил его два года назад. Один из отсидевших в тюрьме совершенных посмел усомниться в его авторитете, за что был выгнан из банды. Он вернулся ночью, когда Эдвард был пьян, подошёл сзади, схватил парня за длинную чёлку и перерезал ему горло. Дэнни вовремя подоспел, обработав рану чудо-спреем. Бунтовщика раздели догола и повесили в парке на столбе. На груди вырезали ножом две большие буквы «Б». Письмо, висевшее на гвозде, который, в свою очередь, был забит прямо в висок, содержало следующие слова: «Совсем скоро каждый из зажавшихся своей властью, каждый, кто осмелился превознести себя выше остальных, познает нашу кару, как этот человек». Письмо, вполне очевидно для всех, предназначалось для Новой расы и для тех, кто им прислу-

живал. Эта выходка заставила всполошиться всех полицейских, и в особенности Айрис Гринн, обещавшую народу безопасность в своих воскресных речах. Их беспокоило и в то же время удивляло, как отморозки смогли повесить человека в центральном парке без свидетелей, без записи, запечатлевшей это зверство, и даже дроны с Острова, патрулирующие всю Надежду, не забили тревогу.

Братья сидели в отеле банды на верхнем этаже в ожидании так называемого подарка, который должен был с минуты на минуту привезти Джаред. Зазвонил старый разбитый мобильник Эдварда.

– Эд, мы будем через пять минут, у вас там всё нормально? – спросил Джаред, тяжело дыша в трубку.

– Всё нормально, – невнятно произнёс Эдди, который всё ещё ловил тяжёлые отходняки после вчерашнего дня. Своё самочувствие он легко исправил дозой зелёного порошка. Вдохнув его, настрой принял повседневное состояние. В трубке раздался женский крик, заглушенный звуком удара, от чего член в штанах Эдварда подал признаки жизни. Он заулыбался и нежно пальцами прикоснулся к своей чёлке.

– Молчи, пока я тебя не зарезал, сука чёртова! – крикнул Джаред.

– Только мы с братом будем первыми, – сказал Эд и положил телефон, не дожидаясь ответа.

– Что? День перестаёт быть скучным? – довольным голо-

сом спросил Дэнни, потирая ладони.

– Что-то типа того. Скоро начнётся фестиваль красок, – ответил Эд, на что Дэнни искренне, словно ребёнок, рассмеялся.

Вскоре за дверью послышались женские крики, и Эдди поспешил открыть дверь. Джаред вёл девушку, заломив ей руку за спину. Другой рукой он держал её за волосы. Она кричала, но на помощь ей никто не спешил. На этом этаже почти каждый день подобными развлечениями занималась элита банды. Парень отпустил её руку и волосы, одновременно толкнув вперёд. Тут же образовался круг из трёх диких зверей, похотливо осматривающих свою добычу. Девушка была высокая, с мягкими чертами лица, густыми светлыми волосами выше плеч. Короткая синяя юбочка, не сильно прикрывающая стройные красивые ноги, на которых уже были видны синяки, разошлась по шву, и синяя майка без рукавов была сильно растянута. Веки, подкрашенные синим цветом, усиливали приятное впечатление от больших голубых глаз. Руки были полностью зататуированы геометрическими фигурами и различными формулами, а лицо выражало испуг. Парни закинулись хрусталём по три колеса каждый, и Дэнни, у которого слюна свисала с нижней губы, окинул помутневшим взглядом кольца и серёжки.

– Отдашь украшения позже, после того, как трахнем, – сказал Дэнни, трогая себя в области паха. Троица дико засмеялась.

– Подарим нашим фанаткам. Давно их не радовали, – с сожалением в голосе промычал Джаред.

– Мальчики, не надо, – взмолилась девушка.

– Не надо, но очень хочется, – после слова «но» Эдвард облизал свои губы.

Достав нож, Дэнни провёл им по шее, затем по щеке девушки, затем, быстро убрав, ударил кулаком по лицу. Она вскрикнула и обвела взглядом парней, ища сочувствия и поддержки, но им доставляло удовольствие мучить таких красивых девушек Новой расы. Троица встала вокруг неё. Эд засунул руку ей под юбку, резко сорвав трусики, и толкнул к Дэнни. Тот, намотав её волосы на кулак, резко дёрнул её голову вниз и сломал ей нос ударом об колено, затем толкнул её к Джареду. Девушка застонала от боли. Кровь из носа била фонтаном, и лица парней сияли в улыбке. Джаред подвёл девушку к кровати. Она покорно сняла майку, затем, пошатываясь, неуверенно сняла юбку.

– Ты девственница? – прорычал Эдди.

– Чё, дурак? – подметил Дэнни.

Она молча помотала головой из стороны в сторону, и он ударил её в живот. Упав на кровать, она жадно хватала губами воздух из-за сбитого дыхания. Кровь из носа затекала ей в рот. Эд расстегнул брюки и лёг на девушку, доставляя ей боль, а себе удовольствие. Он жадно целовал ей шею. Она мычала и отворачивалась от поцелуев. После того как Эд выпустил в девушку своё семя, за ним прошли все остальные.

Затем Дэнни связал девушке руки, и парни приняли ещё по одному хрустало.

– Вытрись! – швырнув в девушку полотенцем, приказал Дэнни.

– Он вернёт деньги, Том вернёт деньги, только отпустите, – не то повизгивая, не то хныкая, произнесла девушка. Измученное тело дрожало, но она неуверенно перевернулась на четвереньки, пытаясь уползти.

– Конечно, вернёт. Мы делаем это не из-за денег. Не без помощи твоего Тома, вечно сующего свой нос в чужие дела, в тюрьму сел наш близкий. Может, мы и жениха твоего изнасилуем? – спросил Эд, подняв её голову за волосы. Толпа снова дико захохотала. Парни положили мученицу на узкую кровать животом вниз и привязали руки к изголовью, а расставленные ноги – к ножкам кровати, затем Эдди достал шприц с «Красной смертью» и ввёл всё до миллилитра ей в ягодицу. Девушка с выбитыми зубами жутко затрясла конечностями, а потом в приступе ярости начала извиваться.

– Это был последний? – спросил Джаред, указывая на пустой шприц.

– Нет, ещё два осталось, и больше их на всём белом свете не сыщешь! – ответил Эдвард. – Столько лет прошло с тех пор, как я украл несколько штук.

– Ладно, вот, держи, – Джаред протянул деньги Дэнни, прищёлкнув языком от досады. Тот освободил свои ноги от спущенных штанов и положил их в карман своей куртки, ви-

сящей на крючке возле двери. Девушка обмочилась.

– Это сквиртинг? Или она обоссалась? – пошутил Джаред и вместе с Дэнни упёрся коленом ей в поясницу.

– Держите? – спросил Эд, вновь вскарабкавшись на девушку. Когда он замедлился, Дэнни взял нож и воткнул девушке в бок, после чего с удовлетворением смотрел, как она умирала.

– Ох, самые клёвые ощущения – когда они так сильно сопротивляются, – тяжело дыша, пробормотал Эд и встал с неё, засунув нож поглубже, по самую рукоять.

– Ну что? Завтра идём на вечеринку? – потирая руки, как ни в чём не бывало спросил Дэнни.

– Конечно, идём. Завтра мне нужно встретиться с Томом. Этот козёл всё ещё должен нам денег, а потом можно и на вечеринку, – промычал уставший, но довольный Джаред, и в тот же миг слюна с его нижней губы сорвалась и упала на пол.

– Только не злоупотребляй порошочком и не будь один. Сам знаешь, в одиночку погибнуть можно, так что осторожничай, брат, – сказал Эдвард, отмывая руки от крови в раковине, полной грязной посуды.

– Пойду скажу фанаткам, чтобы убрались, – буркнул Джаред и вышел из комнаты.

* * *

Неподалёку от дома Лео на Кедровой улице располага-

лось заведение, которое на первый взгляд казалось ничем не примечательной закусочной для несовершеннолетних. Дешёвая забегаловка занимала одну треть первого этажа небольшого отеля, принадлежавшего бандам. Давным-давно это место, возможно, и производило впечатление, но сейчас это было мрачное, с отвратным запахом помещение. Тут, по словам Тома, продавал наркотики его старый знакомый, и купить тут наркоту проще простого, если ты, конечно, свой парень. Доверять такому торчку, как Томми, было глупо, он всегда тёрся с членами банды, влипал в такие жуткие истории, что чудом оставался жив, но другого места достать сейчас наркотики Лео не знал. Мораль после предотвращения распространения «Красной смерти» взялась за наркодилеров и за короткий срок пересажала всех барыг в городе. Пару раз сюда приезжал полицейский, но он, скорее, смотрит не за порядком, а в бутылку и в свой карман. Его щедро снабжали, и лишних вопросов не возникало.

Лео почувствовал тяжесть в желудке, противный отходняк после аптечного эфомелона. Если наркоту купить негде, то выбирать не приходится. Эфомелон, служивший средством против укачивания, был очень дешёвым из-за его неактуальности в нынешнем мире. При колоссально выпитом количестве он, наряду с преобладающим числом неприятных ощущений, типа сильной сухости во рту, нарастающего чувства страха, вызывал помутнение рассудка, в связи с чем употреблять что-то другое уже не хотелось. И в этом

был весь этот сомнительный кайф. Лео не считает себя законченным наркоманом, хотя им и является. Он объясняет свою потребность в запрещённых веществах тем, что любит экспериментировать над своим сознанием, пытаясь расширить его границы рационального.

Полумрак заведения с мерцающими на стенах гирляндами лихорадочно приветствовал своей угнетающей атмосферой. По словам бармена, бар был ещё не совсем полон, но, как показалось Лео, бешеного ажиотажа это место не вызывало никогда. Он сидел за барной стойкой перед своим наполненным до краёв стаканом коктейлем ярко-жёлтого цвета и думал, что же такого намешано в этом напитке, что пузырьки не стремятся вверх, а неподвижно остаются в стакане. На лбу уже выступил пот, пальцы, мышцы лица начали подёргиваться, и парень обеспокоенно посматривал по сторонам, разыскивая Томми, который должен был уже давно появиться. Он якобы был лично знаком с этим легендарным барыгой, о котором Лео, никогда не упускавший возможности побаловать себя наркотой, никогда не слышал и подумал: «Что если он не захочет иметь со мной дела? Подумает, что я стукач, или сразу пристрелит? Том рассказывал, что он тот ещё отморозок». Лео залпом выпил коктейль и заказал ещё один. Он знал, что рискует, он рисковал и прежде, но без риска жизнь казалась ему скучной и бессмысленной. Молодой человек с чёрными мешками под глазами и в рваном трико, улыбаясь, демонстрировал своей спутнице щель про-

меж передних зубов. Когда дама в комбинезоне на пару размеров больше, чем надо, начала смеяться над шуткой своего непрезентабельного вида дружка, бармен сделал телевизор погромче.

– Доблестная Мораль обезвредила группу инфицированных, которые набросились на женщину и её сына и попытались съесть их живьём. Люди, пытавшиеся оттащить заражённых, также получили множественные, но не смертельные укусы. Нарушители и пострадавшие находятся в изолированной зоне. Внезапная причина заражения расследуется специалистами, – быстро проговорил перепуганный репортёр.

Вдруг Лео услышал щелчок и почувствовал холодный ствол пистолета на своей шее.

– Встал и пошёл со мной. Босс хочет с тобой поговорить. Или пристрелю тебя прямо здесь, – смазанно и невнятно сказал молодой человек в новом спортивном костюме.

Лео медленно повернулся. Ему на миг показалось, что парень блефует, однако агрессивный вид хорошо сложенного бандита заставил в этом усомниться. Также от внимания парня не ускользнуло, что кулаки бугая украшали свежие садины. Он послушно встал и направился к лифту за баром. Люди вокруг уставились на них, но никто ничего не предпринимал. Не было особой необходимости отвлекать или мешать персоналу отеля, который делает им огромное одолжение. Какой наркоман будет жаловаться на единственный

в городе магазин наркоты? Охранник убрал ствол в кобур, когда они оба оказались в просторном, исписанном бессчётным количеством имён лифте, в котором воняло мочой. Дверцы со скрипом съехались и через несколько секунд разъехались, показав длинный, мрачно разрисованный в чёрно-белом цвете коридор, холодно тянувшийся к двум дверям в самом конце. За одной дверью пожарная лестница, за другой – тот самый легендарный барыга Джаред из Банды Братьев.

Худой, светловолосый, с резким внимательным взглядом парень лет двадцати двух сидел боком в большом кожаном коричневом кресле перед дорогим столом из настоящего дерева, на котором красовалась куча зелёного порошка. Он курил, судя по коричневому фильтру, дешёвые сигареты. Джаред сильно и глубоко затягивался, выпячивая глаза. Лео подумал, что «легендарный», как выразился Том, слишком громкая характеристика для этого доходяги. Его отливающий золотом пиджак сливался с жирными не мытыми много дней волосами. Казалось, тонкая шея Джареда сгибалась под тяжестью головы, и в профиль он напоминал стервятника, склонившегося над падалью. В руке у него был двуствольный револьвер, который очень понравился парню. К тому же Лео безумно сильно захотелось подойти к столу, погрузить своё лицо в горку порошка и мощно вдохнуть его.

Джаред жестом пригласил Лео к разговору, и они обменялись крепким рукопожатием. Охранник немного посто-

ял, видимо, убедившись, что Лео не представляет угрозы, и ушёл, закрыв за собой дверь. Парню сразу бросилась в глаза неуклюже нацарапанная фраза на двери: «Киллиан, ты не умер». Лео попытался догадаться, о чём думает этот отморозок, но это лицо с выжженным на глазах прошлым не выражало никаких эмоций.

– Ты пришёл убить меня вместе со своим другом. Согласен, что причина веская. Я изнасиловал и убил его невесту вместе со своими приятелями... и это не единственный мой бесчеловечный поступок, за который я заслуживаю смерти. Но вы попёрли против Банды Братьев, и это очень зря, дружок. Знаешь, – мечтательно запрокинул голову Джаред, – сначала я хотел отрубить ему ногу. Так поступали со стукачами по старинке. Но потом решил, что он и как стукач непутёвый, ведь никого так и не посадили. Поэтому решил просто завалить козла.

– Мы, в общем-то, ничего такого не планировали, – спокойно сказал Лео.

– Заткнись! – прокричал Джаред. Его голова нервно затряслась на тонкой шее, и, казалось, сейчас оторвётся и рухнет, особенно после сильного удара ладонью по столу. Облачко порошка немного поднялось, и Джаред успел вдохнуть его частички носом, после чего его голова перестала дёргаться. Зелёная тучка опустилась, покрыв весь стол. – Видимо, он хотел рассказать тебе всё здесь, на месте, но, увы, не успел, – залился он тонким визгливым смехом, широко от-

крыв рот. Оттопырив мизинец с длинным ногтем, Джаред указал на лежащее безголовое тело возле шкафа и впервые посмотрел на Лео острым, внимательным взглядом. По красным татуировкам на руках Лео понял, что это Том. Целый набор разнообразных чувств успел отразиться на его лице за очень короткий промежуток времени, но теперь он знал точно, что не выйдет отсюда живым. Лео сильно прижал своей тощей рукой руку Джареда к столу, в то время как второй взял горсть порошка и швырнул ему прямо в лицо. Джаред оттолкнулся ногой от стола и в кресле откатился назад, начав тереть глаза.

– Джеймс, Джеймс! – беспомощно кричал он, не убирая руки от глаз. Лео наставил пистолет ему в лицо. Щёлк! Щёлк! На третий раз выстрел – и бежевая стена за Джаредом дополнилась красным с кусочками черепа и мозгов. Тоненькая струйка крови брызнула на щеку Лео. Безголовое тело стервятника, отброшенное выстрелом, ударилось о замызанную стену, оттолкнулось от неё и всей своей тяжестью повалилось на пол.

Лео нужно было бежать из этого места, но он резко остановился перед дверью, затем вернулся, собрав деньги и расфасованный порошок в брезентовую сумку. Занюхав заветную дозу со стола, именно так, как хотел, парень увидел пакет с прозрачными таблетками, лежащий на полке над креслом. Лео небрежно запихнул его в ту же сумку. Не забыл взять с собой и двуствольный двухбарабанный револь-

вер с серебряными вставками в виде двух больших букв «Б» на рукояти. Он оттащил тело в уборную и пиджаком убитого вытер кровь с пола. Найденным полотенцем вытер свои отпечатки, чтобы скрыть всякие возможные следы своего присутствия, и направился к двери. Камер наблюдения здесь вроде как не было. Сердце бешено колотилось, но тошнота и тяжесть в желудке, как ни странно, прошли. Зелёный порошок быстро подействовал должным образом, придав парню сил. Ноги несли его прочь, не мешала даже тяжёлая сумка.

Лео открыл дверь, и в комнату ворвался ветер. В конце коридора показалась группа из четырёх вооружённых человек. Лео ринулся к пожарной лестнице. Пролетевшая над головой пуля врезалась в дверной косяк, напугав парня. Нужно было скорее спуститься к оживлённым кварталам Надежды. Главное – не столкнуться с бандой у входа. Можно было достать пистолет, но ведь ему никогда не приходилось раньше спускать курок, за исключением случая, произошедшего пару минут назад. Он бежал дальше вниз по ступенькам, держась рукой за перила. Вдруг на третьем этаже дверь резко открылась, и выбежавшая девушка, подпрыгнув, ударила коленом ему прямо в лицо, затем накинулась на Лео, как хищник на свою добычу. Лео крепко схватил её за волосы. Они, вцепившись друг в друга, покатались вниз по лестнице, пока стена не остановила их. Лео, оказавшись сверху, быстро поднялся на ноги и приложил её сумкой со всего размаху. Она, распластавшись на лестничной площадке, лежала непо-

движно. Кровь обильно капала из его носа. Откуда-то сверху послышался пугающе суровый мужской бас:

– Вы двое, наверх, а мы вниз. Быстрее!

На первом этаже с грохотом открылась дверь, и задрожали перила. Люди Джареда поднимались по лестнице, а Леонард бежал в конец коридора на втором этаже к окну, в которое он изо всех сил швырнул сумку. Спортивная сумка благополучно оказалась на пожарной лестнице. Лео прыгнул вслед за ней, порезав руку о торчащее стекло. Пробежав по площадке вдоль дома и завернув за угол, он неожиданно замер на самом краю обрыва высотой в метров пять. Лестницы не было. Недолго думая, Леонард бросил вниз сумку и сам прыгнул. Он перебежал дорогу, оказавшись в соседнем дворе. «Ещё немного – и я дома. Во что я влип? Они знают, как я выгляжу, и скоро найдут меня. Нельзя идти домой, нужно идти к Эффи», – пронеслось в голове Лео. Сердце перестало бешено колотиться. Усталость сжимала его как тисками. Нужна была новая доза.

* * *

Мрачные, унылые улицы молодого города с многообещающим названием Надежда постепенно заполнялись людьми. Многоэтажные дома были однообразными, и все как один выкрашены в коралловый цвет. Это был район для совершенных. Низко плыли тучи-голограммы, обильно наливши-

еся свинцом. На сегодняшний день была запрограммирована пасмурная погода. Даже когда светило солнце и небо было голубым, всё равно город оставался таким же серым и унылым.

Брюнетка с зелёными глазами в белом кружевном белье сидела на широком подоконнике в своей престижной квартире в плотно заселённом, имеющем высокий рейтинг районе и, обложившись подушками, смотрела вниз. Её мучила головная боль после вчерашних посиделок. Окно было открыто, и тёплый ветер ласкал её шелковистые волосы. Со злостью нажимая клавиши на своём телефоне, она пыталась дозвониться до Лео, но он не отвечал.

«Он не любит меня. Сколько мы ещё будем вместе?» – думала Эффи. Головная боль всё ещё пульсировала где-то за ухом. Но в потоке всех этих мыслей она понимала, что расстаться с Леонардо было бы для неё ужаснее всего на свете. Она являлась особой, крайне зависимой от других людей. Ленивая и подверженная чужому влиянию, Эффи не могла представить свою жизнь без родителей и Лео.

Динамики телевизора разрывались, как будто зазывая к себе слушателя. Знакомый голос неумолкающего Адрианно Налетти болтал для своей аудитории:

– Дорогие телезрители, накануне праздника Дня Победы над «Красной смертью» вспомним всё то, через что мы прошли. Я расскажу вам всю правду. Если вас мучили какие-то вопросы по поводу «Красной смерти», то после этого

выпуска их не останется. Будьте уверены в этом. И будьте очень внимательны. 2056 год... Лирий... Совершенные создают его в Надежде. Самая дорогая в мире жидкость. Его добавляют в косметику, тем самым поднимая стоимость продукта. Внешность улучшается настолько, насколько это вообще возможно. Удивительная косметика придавала лицу свежесть, лицо как будто озарялось ангельским светом, она прятала морщины, а при долгом использовании полностью удаляла все погрешности кожи. При взаимодействии с краской он излучал красивый неоновый свет. Новый вид косметики с содержанием полезного, ни с чем не сравнимого лирия пользуется огромным спросом. Привлекающая своим ароматом и консистенцией, удобная и простая в использовании, а главное, исполняющая своё основное предназначение – улучшение внешности, придание свежести и красоты лицу, телу и волосам, косметика LI для создания идеального макияжа стала мечтой каждой женщины в каждом доме. Женщины сходят с ума от витрин с новой косметикой и меняют свою внешность до неузнаваемости. Они разукрашивают тело, рисуют длинные кошачьи стрелки на глазах, делают тату лирийной краской, красят ею волосы. Счастливые обладатели «волшебной» косметики без усталости демонстрируют друг другу светящиеся части тела. Самая успешная из фармацевтических компаний «Красота будущего» построила огромный завод, который был скорее похож на небольшой городок. Рабочие проживают и работают на фармацев-

тическом «монстре», за короткое время уничтожившем всех своих конкурентов. Завод набирает обороты, люди со всей Надежды приезжают с огромным желанием работать здесь. Расширяясь, «Красота будущего» требует всё больше и больше рабочих. Вновь прибывших, не имеющих опыта людей обучают прямо на месте. Но вскоре в рецептуру начинают добавлять вещества, которые не имеют отношения к уходу за внешним видом. Включение дополнительных веществ в состав обусловлено исключительно маркетинговыми соображениями. Возникла эпидемия рака кожи, но «Красота будущего» успешно скрыла это от чужих глаз, – сказал Адрианно и, закрыв глаза, покачал головой. Когда камера начала снимать его с другого ракурса, он медленно повернулся к ней, изображая разочарование. Налетти пригладил свои тёмные волосы и сделал глубокий вдох, словно пытаясь успокоить себя. Его глаза увлажнились. Публика зааплодировала, чтобы поддержать его. Они смотрели на него и слушали так, как будто боялись упустить малейшую деталь из его речей.

– Вот это актёрище, – хихикнула Эффи и посмотрела в крохотное зеркальце, всегда находившееся у неё под рукой. Оглядев свой макияж и бюст, она одобрительно кивнула, сделав губки бантиком. Сфотографировав себя, она отправила изображение своему опаздывающему парню и подписала: «Сейчас пойду прогуляться в таком виде. Может, кого и подцеплю!».

– Люди продолжают наносить косметику толстым сло-

ем, ничего не подозревая о смертельной болезни. 2060 год. Несовершенный, у которого родственники погибли от рака, уничтожает завод. В результате взрыва лирий вместе с другими компонентами испаряется, и образовавшееся облако разносит по всей Надежде вирус, вызывающий мутацию. Перемещаясь по воздуху, вирус прикрепляется к тканям слизистой несовершенных, постепенно попадая непосредственно в клетки. После заражения человек сходит с ума, а затем полностью превращается в красный металл. Правительство окончательно теряет контроль над городом. Глава Надежды решает проблему самоубийством, пустив себе пулю в лоб прямо у себя в доме. Позже вирус получает название «Красная смерть». Для предотвращения последствий аварии прибывают специалисты, – Адрианно простёр руки вверх и запрокинул голову назад, на что публика ответила тем же жестом. – В первые дни основные усилия бросают на снижение губительных выбросов, чтобы не допустить ещё более серьёзных последствий. Вокруг завода возводят защитную стену, затем начинают работы по очистке и захоронению разрушенного объекта, но мир не может оправиться после катастрофы. Заражённые несомы набрасываются на людей, пытаются сожрать заживо. Как показывает опыт, подобной обстановкой пользуется прежде всего преступный элемент, продавая оружие и наркотики. Зло вырывается из бедных кварталов и разрушает оставшийся клочок цивилизации, – Адрианно живо ходил по аудитории, активно жестикулируя, из-

за чего пряди зачёсанных назад волос спадали ему на лоб, и он периодически заглаживал их рукой от лба к затылку. – Груды битого кирпича, громадные очереди в ещё работающие магазины, нехватка еды. Мир стал напоминать помойку, и чтобы сохранить его обитаемым для оставшегося населения, требовался человек, способный навести порядок, – сказал Адрианно, пальцем дотронулся до наушника и после незапланированной паузы продолжил: – Сегодня мы поговорим о нашей спасительнице, которая, увы, отказалась прийти к нам в студию. Не расстраивайтесь, ведь она в данный момент, как всегда, трудится над нашим благополучием. Появилась группа учёных во главе с необычайно талантливым химиком и прирождённым лидером по имени Айрис Гринн, которой не потребовалось много времени, чтобы добиться авторитета, – Адрианно повернулся к экрану, на котором начали появляться фотографии Айрис Гринн, и пригладил волосы назад. В руках она держала всевозможные награды и грамоты. Затем многочисленные видео показывали Мораль за работой. Они скручивали, били заражённых, у которых не было ни малейшего шанса сопротивляться, и вкалывали им антидот. Все задержания проходили в грубой форме и максимально жёстко. Людей, полностью обращённых в металл, складывали в большие чёрные контейнеры. Их забирали вертолёты и транспортировали на Остров. Увидев, как красные статуи, которые когда-то были живыми людьми, штабелями лежат на полках, некоторые из присутствующих в аудитории

начали тихонько всхлипывать. На лицах у несовершеннолетних, застывших в предсмертных позах, хранился отпечаток страха, словно они в последний миг жизни снова обрели разум. Адрианно продолжил:

– Айрис Гринн выявила три стадии заболевания «Красной смертью». На первой стадии кости превращаются в металл. На второй стадии, продолжительность которой может варьироваться от нескольких минут до нескольких часов, наступают приступы сильной агрессии, которые сопровождаются тремором. Человек превращается в безумца, очень опасного для окружающих. На третьей стадии – полное превращение человека в металл, начиная с конечностей, за несколько минут. Именно под руководством Гринн построили лабораторию на острове для изготовления препарата, подавляющего «Красную смерть», и создали солдат, способных остановить беспорядок. Команда Айрис Гринн – Мораль – стала новой надеждой, новым лидером, новой властью. Солдаты Морали отлавливали заражённых, вкалывая им противоядие – таллий, останавливающий заражение на первой и второй стадиях, и завербовывали их в Мораль, которая через короткое время сумела погасить крупный конфликт. Бедняг, подвергшихся этой болезни, после введения лекарства помещали на Остров, где последующее распределение указывало, кто становится солдатом Морали, а кто будет работать на Острове в другой сфере. Беспредел, который унёс жизни сотни тысяч людей, закончился через пару месяцев. Таллий вызывает

мгновенное привыкание, и не употреблять его больше четырёх часов невозможно. Его выдают солдатам лишь на Острове. Это служит гарантией того, что солдат вернётся. В противном случае боль пронзает всё тело, и полное обращение в металл неминуемо. Негодных для общества, заражённых ссылают на Остров. Что об этом думаете вы, дорогие зрители? – спросил Налетти и передал микрофон пожилому мужчине, желающему ответить.

– Здравствуйте! Я считаю, что Айрис Гринн даёт этим людям второй шанс. Вместо того чтобы истреблять их, она даёт им возможность служить нашему городу, ведь трансформация не обратима. Жаль только, что таллий лишь отсрочивает превращение, но я искренне надеюсь, что чудесная Айрис исправит это.

– А у меня сын служит в Морали, и я рада, что он остался жив, – взяла микрофон женщина. – Мне позвонили поздно ночью, – сказала она, безуспешно пытаясь сдержать слёзы. Подруга, сидящая рядом, обняла её, успокаивая. – Как сейчас помню. Мне сказали, что он убил много человек. Мне объяснили, что его рассудок затуманился из-за «Красной смерти» и это не его вина, но факт есть факт, и он считается теперь убийцей. Мне сказали, что единственный выход – подписать бумаги, тем самым оставляя его служить на Острове. И я подписала. Я больше никогда его не видела, но моё сердце греет мысль о том, что он жив и служит нашему обществу, а не сидит в тюрьме. Помню, один раз я увидела сол-

дата очень близко. Я пыталась взглянуть в лицо под этим шлемом. Хотела увидеть сына, но ведь он меня не вспомнит.

– Да, я как раз хотел сказать, что вирус вызывает частичную амнезию, и, увы, таллий не исправляет это. Заражённый теряет способность обучаться, и через несколько дней он не будет помнить абсолютно ничего. Он станет неменяемым. Айрис Гринн заполняет его мозг исключительно новыми воспоминаниями, без малейшего сходства со старыми. В противном случае обращение в металл не заставит себя долго ждать. Когда старые воспоминания полностью выветрятся, заражённый станет доблестным солдатом Морали, – объяснил Налетти. – И даже спустя тринадцать лет Мораль отлавливает людей, подверженных приступам ярости, отправляет на Остров и завербовывает их в свою армию. Напоминаю, что людям, которые заблаговременно успели сообщить о новой вспышке вируса, вручается денежная награда и оказываются всяческие привилегии, например, бесплатное образование для детей или талоны на еду. Новая власть Мораль с помощью многочисленных установленных камер видеонаблюдения взяла под контроль всю Надежду – последний жилой город на Земле. Айрис Гринн не только спасла нас, но и сделала нашу жизнь лучше, взявшись за искоренение банд, – закончил Адрианно Налетти, и публика разразилась аплодисментами. Один из мужчин хлопал так восторженно и сильно, словно выбивал из невидимого ковра пыль голыми руками.

Эффи подумала: «Каким образом Адрианно удавалось записывать одновременно несколько телепередач? Каждый день он появлялся перед телезрителями, говорил без умолку. Налетти никогда не выглядел уставшим, никогда не запаздывал с остроумным ответом, его реплики всегда были как будто заранее отрепетированные».

Раздался звонок в дверь. Девушка побежала, чтобы открыть, и остановилась у зеркала в коридоре. Поправив волосы, Эффи медленно повернула щеколду и приоткрыла дверь. Лео стоял весь мокрый. В капюшоне и с лейкопластырем на носу он был похож скорее на отброс, чем на совершенного из богатой и интеллигентной семьи. Девушка воздержалась от комментариев на эту тему.

– Я вижу, ты ждала меня, спрячь это куда-нибудь, – сказал Лео, резко открыв дверь нараспашку, и поставил на пол тяжёлую красную сумку.

– Ты опоздал! Я ждала тебя два часа. Надеюсь, ты принёс их? – возмутилась Эффи.

– Принёс. Не больше одной за раз – и тебя ждёт целая гамма новых ощущений, – пробормотал Лео, достав из кармана маленький пакетик. В нём были две прозрачные круглые таблетки прямо в белом порошке, щепотку которого Лео насыпал на головку члена. Таблетки хрусталь обладают сильным возбуждающим действием и сильным сексуальным раскрепощением, повышают тонус организма, увеличивают выносливость и вызывают лёгкую агрессию. Под таким нарко-

тическим опьянением совершено немало преступлений насильственного характера, вследствие чего он запрещён.

Волосы разметались по розовой простыне, голова закружилась. Что бы ни сделал Лео, был груб или нежен, прижимал к себе или кричал на неё, стуча кулаком по стене, она любила его и не смогла бы ступить без него и шагу. От возбуждения сердце бешено колотилось. Эффи жарко задышала. Низ живота блаженно затрепетал, Лео положил руку ей на грудь, чувствуя пальцами затвердевшие соски. Она думала только о нём, он думал только о ней. Во всём мире только Эффи и Лео. Под хрусталём все удовольствия казались запредельно сладкими. Чувства были настоящими, и секс был такой же страстный, чувственный, как и всегда.

Эффи была типичным примером бунтующего подростка, часто тайком убегала от родителей в клубы и на вечеринки. Красива, популярна, обладает изысканными манерами и умением стильно одеваться. Типичная представительница молодёжи в это время, привыкшая мечтать о лучшем будущем, не понимая, что имеет сейчас. Глупая дорогая кукла с вечно капризно надутыми губами и бестолково хлопающими ресницами. Её мало что интересует, кроме наркотиков, вечеринок и, конечно, Лео. Эта девушка воспринимает внимание людей как должное, потому что с детских лет привыкла к особому отношению к себе. Год назад она ушла из дома по своей воле из-за родителей, хотевших оторвать дочь от человека, который, как им думалось, состоял в банде отмороз-

ков. На самом деле Лео никогда не хотел стать членом банды. Для этого он был слишком труслив. Его поведение можно объяснить тем, в каком мире сейчас живут люди. В мире насилия есть два выхода. Лео выбрал стать никем. Жить в своё удовольствие. Мальчик, лишённый детства, не чувствует ответственности за свой дом.

Отец Эффи занимается недвижимостью, а мама была директором швейной фабрики. Они прожили в браке двадцать два года. Говорят, что со временем чувства остывают, но это не про них. Мистер и миссис Андерсон – идеальная пара. Обсуждают каждую проблему, маленькую или большую, ведь в молчании скверные мысли плодятся, и даже самая маленькая проблема может стать катастрофой. Они создают впечатление пары, которая безгранично доверяет друг другу, считая, что ревность для слабых и только сильный человек может полностью доверять другому. Без сомнения, они были правы. Глядя на них, можно убедиться в этом. И, конечно, занятые друг другом, своей карьерой, они отпустили свою уже взрослую дочь, осознав, что выбор она уже сделала, и купили ей маленькую квартирку в элитном районе. Ведь все счастливые люди великодушны. Эффи устроилась работать администратором в гостиницу недалеко от дома, и, кроме того, отец с матерью периодически подкидывали ей деньги.

Харизматичный, наглый и распутный Лео привык быть в центре внимания. Ему не так повезло с родителями, как Эффи. Он был ещё маленький, когда после постоянных сканда-

лов и драк из семьи ушёл отец. Мама была совершенной, в отличие от отца, но так как Лео перенял преимущества Новой расы от матери, незаконное рождение сына удалось сохранить в тайне. Женаты они не были. Родители мальчика на протяжении нескольких лет сходились и расходились множество раз. Когда отец приходил, всё было хорошо, это была настоящая семья, и Лео был счастлив. Но через несколько дней опять крики, скандалы, слёзы. Отец возвращался к своим друзьям в бедный квартал. Он не мог жить без своих друзей-отморозков и разрывался между ними и семьёй. Он ушёл, потому что ему стала не нужна семья, которую он создал, и стал жить только для себя. Последующие годы пошли ему не на пользу. Отец понял, что наделал. Пришло раскаяться, но вернуться он так и не попытался. Мать Лео, да и сам уже повзрослевший юноша после такого предательства не смогли простить его.

Когда отца посадили в тюрьму за убийство какого-то учителя, Лео пришёл к нему на свидание, где в специальной комнате они через стекло разговаривали по телефонной трубке. Свидание длилось всего пять минут, и после этого сын больше никогда не видел отца. Это было не первое заключение в неволе, но оно стало для него последним. Его звали Киллиан. Он бывал с сыном крайне редко, а после смерти и вовсе оставил его. У Киллиана было всё, о чём может мечтать любой другой мужчина, но он никогда не ценил того, что имел. Мать недолго была одна. Через полгода вышла замуж за

своего друга детства – совершенного. С отчимом Лео никогда не ладил, да и сам мистер Стоун не очень-то и старался наладить отношения. Мальчик очень скучал по отцу. Вниманием его обделяли и даже при живой матери, он вырос, как сирота, на улице, связался с плохой компанией, начал употреблять наркотики. Лео не всегда знал, когда нужно вовремя остановиться. Смелый, но всегда подвержен чужому влиянию. Его мать писала детективы, и у неё неплохо получалось. Книги разбирали, и семья Стоун могла ни в чём себе не отказывать. Отчим был безработным, но божественно умел играть на фортепиано. У Лео как будто появилась новая семья, забывшая напрочь о ребёнке. Мать Лео стыдилась своего прошлого, своего сына-полукровку, и жалела о том, что однажды связала свою жизнь с несовершеннолетним. Она мечтала родить дочь.

* * *

Вечер был пасмурным. Окутанный искусственным туманом, серый город просыпался в предвкушении великого праздника. Толпы молодых людей, раскрашенных красной краской, шли по улицам, изображая заражённых. Сегодня, первого июня, отмечали победу над «Красной смертью», в связи с чем вечером вся элитная молодёжь собиралась в клуб «Мечта».

Лео очнулся дома, сидя на унитазе, неестественно широ-

ко расставив ноги. Руки лежали на полу, голова находилась внизу. В таком положении он спал довольно долго. В желудке что-то неприятно царапало. В ежедневных новостях рассказывали, как один несовершеннолетний убил другого за канистру с водой и банку консервов. Робопомощник выгладил его одежду, и Лео, приведя себя в порядок, вдохнул дорожку зелёной совы. На губах принявшего дозу наркомана появилась довольная улыбка.

Некоторое время спустя он сел в новый серебристый двухместный кар, который взял у матери, и отправился к Эффи. По дороге он несколько раз заезжал в тупик, ведь такого чистого порошка он ещё никогда не пробовал. Наконец он подъехал к подъезду и посигналил. Его безупречный образ совершенного подчёркивали белые туфли и белые идеально выглаженные брюки. Поверх чёрной футболки на шее висела тонкая цепь из белого золота. Короткая стрижка демонстрировала шрам на его затылке, оставленный ударом стула по голове из-за слишком длинного языка Эффи. Пластырь с носа он уже снял – помог чудо-спрей.

Для Лео ещё ни один поход в клуб не заканчивался без драки. За всю жизнь Лео дрался много раз и обычно проигрывал. Эффи, в свою очередь, всегда думала, что драка после вечера в клубе в порядке вещей. Она считает это скорее развлечением, а не чем-то опасным. Грациозной походкой девушка вышла из дома и не спеша направилась к машине. В коротком красном платье, открывающем гладкие ноги,

с довольно смелым декольте, а значит, и бюстгальтер отсутствовал, в красных ботильонах, с огромным ожерельем на шее она выглядела шикарно. Она нарисовала длинные кошачьи стрелки на глазах, которые были в моде пятнадцать лет назад, и разукрасила шею с зоной декольте так, словно у неё перерезано горло. Лео жадным взглядом ощупывал фигуру девушки. Эффи ловко скользнула в машину на переднее сиденье, положила руку ему на колено и поцеловала в щёку. Вместе с ней в салон прокрался чудесный запах дорогого парфюма.

– Ладно, поехали, – промямлил Лео. Эффи, слегка прищурившись, посмотрела на него.

– Дай мне тоже, – капризным голосом сказала она. – Глаза тебя выдали.

– Просто немного чудо-спрея попало мне в глаза, – соврал парень.

– Ой, давай не будем! Доставай, – настояла Эффи и кулачком легонько стукнула Лео в плечо.

Лео судорожно достал из кармана серебристую коробочку, напоминающую портсигар, и отдал Эффи. Открыв, она достала маленькую ложечку, напоминающую крошечный половник, и, зачерпнув зелёный порошок, вдохнула сначала одной ноздрёй, потом второй. В Надежде зелёная сова стоила дорого, и только мажоры могли позволить себе такую наркоту, но она стоила своих денег. Зелёная сова – это сплошное чувство эйфории и подъёма сил. Его применяют в основном

для поднятия настроения и получения приятных эмоций, но при злоупотреблении возникает противоположный эффект.

Эффи не заметила, что Лео чем-то обеспокоен. Пока он крутил руль, вписываясь в знакомые повороты, она время от времени прижималась и проворно целовала его, а её дыхание, страстное и прерывистое, щекотало ему шею. Миновав улицы с коралловыми прямоугольными многоэтажками, взгляду предстали особняки во всей своей красе.

– Откуда у тебя это счастье? – спросила Эффи и откинулась назад.

– Я хочу тебе кое-что рассказать, – сказал, нервно кусая нижнюю губу, Лео. – Я должен был встретиться с Томом...

– Смотри, что она надела, – грубо перебила его Эффи, увидев свою давнюю знакомую, идущую по улице. – Николь! Дура! Это же прошлый сезон! Старьё! – крикнула она. Когда та оглянулась, Эффи указательным пальцем описала дугу вокруг виска.

– Посмотри лучше на свои стрелки, сучка, – крикнула в ответ Николь и показала ей средний палец. Лео не продолжил рассказывать историю, произошедшую сегодня утром. Парень боялся признать это, но врать себе не имело смысла. В последнее время он явственно ощущал, как между ними образовалась некая невидимая преграда. Его тревожило, что Эффи этого не видит и не понимает.

На возвышающемся возле кинотеатра билборде отображалась надпись: «Будь ответственным гражданином. Сооб-

щи нам о преступной деятельности. Звони в Зал Справедливости и получи награду!». Анимированный судья в чёрном одеянии весело подмигивал.

Лео свернул за угол и увидел школу, в которой они с Эффи когда-то учились, а дальше открывался вид на главную с недавнего времени достопримечательность города – стоящего на холме солдата Морали в тяжёлой экипировке, сделанного полностью из настоящего красного металла, который был взят из тех многих, кто погиб от вируса. Взгляд его был устремлён в небо, а туман не смог скрыть надпись внизу у его ног: «Они защитят». От статуи оставалось каких-то пять минут езды до грандиозной вечеринки в клубе. Четырнадцатый год подряд отмечали победу над «Красной смертью». Раскрашивая себя красной краской, люди изображали инфицированных. Лео припарковался возле клуба и ещё несколько минут ждал, пока Эффи подкрасит губы.

Глава 2

2060 год

– И снова на центральном телеканале передача «За и против». Сегодня мы поговорим о ферме «Создатель», – сказал Налетти. – Не так давно мы столкнулись со, в принципе, вполне ожидаемой проблемой. Как нам подсказывает опыт, человек – враг всего живого на земле. Технический прогресс нанёс непоправимый урон биологическому разнообразию Надежды. Почва стала сухой и негодной для выращивания растений. Спустя годы и так бедная растительность неумолимо исчезала. Зелёный мир нашего города, заблаговременно созданный до ядерной войны, превращался в сплошную пустыню из белого песка, местами такого мелкого, что напоминает пепел. Совершенные пытались воссоздать растительность, но химические удобрения и инсектицидные препараты поставили под угрозу существование многих видов животных, которые стали природным резервуаром различных инфекций. В том числе и домашние. Они переносили возбудителей чумы, тифа, бешенства и многих других. Больные заражали болезнью своих сородичей и людей. Многие виды животных вымерли, – проговорил Налетти на одном дыхании.

Люди, сидящие в зале, начали живо что-то обсуждать. Сегодня волосы Адрианно были зачёсаны на бок и блестели от лака. Тёмно-синяя подводка делала его синие глаза насыщенными, а взгляд – глубоким. Он не пренебрегал использованием косметики «Красоты будущего». Об этом свидетельствовала матовая идеальная кожа лица. Такого удивительного эффекта практически невозможно добиться без новой серии чудесных средств. Его очки в тонкой еле заметной оправе и тёмно-синий пиджак без воротника подчёркивали статус следящего за модой мужчины. Адрианно жестом руки попросил зрителей вести себя тише, немного подождал и продолжил:

– Случаи заражения среди людей, в том числе Новой расы, росли, и ситуация выходила из-под контроля. Домашние питомцы начали нападать на людей прямо в их собственных домах и на улицах. Нашим правительством было решено истребить всех животных, – прокомментировал Налетти. После этих слов молодая женщина в зале громко зарыдала.

– Принесите, пожалуйста, воды этой даме, – громко попросил ведущий. Паренёк, спустившись по ступеням, разделяющим зрительские места на две равные зоны, подал девушке стакан. Она вытерла слёзы и, сделав несколько глотков, попросила слово. Тот же парень принёс микрофон.

– Здравствуйте, – всхлипывая, поприветствовала она присутствующих в зале. – У меня был приют. Я сама ветеринар по профессии. Принятие такого закона для меня стало

неожиданностью и отразилось ужасной болью для всей моей семьи. Мы очень любили животных и старались найти дом и хозяев каждому из них. И у нас получалось. Но однажды утром, – сказала девушка, еле сдержав нахлынувшие слёзы, – я прихожу, а люди выносят их тела, завёрнутые в белую ткань. Мне сказали, что мой телефон не отвечал, и они были вынуждены принять такое решение. Я думала, это плохой сон, кошмар, но проснуться не удавалось.

– Спасибо вам. Я слышал, что в первую очередь взялись за приюты. Сочувствую вам, – сказал Адрианно, попросив вернуть микрофон обратно. – Я продолжу, с вашего позволения, – попросил он, низко раскланявшись, на что публика ответила бурными аплодисментами. – Двадцатиметровые бетонные стены с низкочастотными аппаратами, отпугивающие животных, с турелями и натянутыми проводами соорудили прямо в Надежде. За стенами, на незаселённых территориях, дышащих разнообразными болезнями, была только смерть. Употребление мяса животных в пищу стало невозможным. Потребовался месяц для полного уничтожения животного мира. Мир изменился, менялись и люди. Многие нашли выход в каннибализме. Мы продолжили цепляться за свою жизнь из последних сил, и наш взор пал на ферму «Создатель». Появившись не так давно, ферма благополучно решила проблему донорства органов и тканей за счёт вынашивания ребёнка в искусственной матке вне человеческого тела, которая обеспечивает плод питанием, а амниотиче-

ская жидкость служит для удаления отходов из развивающегося организма. Готовые доноры ждут своих клиентов и сейчас. Так что же нам мешает употреблять в пищу себе подобных? Процесс затягивают юридические вопросы и проблемы нравственного характера. Для некоторых это кажется, мягко говоря, необычным. Всё больше на телевидении показывают сюжеты о том, как полиция арестовывает преступников, хранящих дома человеческое мясо, купленное нелегально. Наша Надежда, наш дом столкнулся с проблемой каннибализма. «За и против» сегодня поможет более верно и глубоко определить, нужно ли действительно нашему обществу употреблять в пищу человеческое мясо. Мы вновь затрагиваем эту тему и просим каждого человека, достигшего двадцатилетнего возраста, проголосовать за или против в ближайшем пункте голосований. Список пунктов вы можете увидеть на центральном телеканале после выпуска передачи или на сайте нашего канала. Каждый гражданин обязан проголосовать за или против. Торопитесь, осталось три дня. Сегодня у нас в гостях Том Джонс и Эндрю Форд. Рады снова приветствовать вас в студии, господа! Начинаем дебаты, – нарастающим тоном объявил Налетти и присел на широкий подлокотник кресла, закинув ногу на ногу.

– В нашем кодексе нет такой статьи, как запрет каннибализма! – резко начал Том.

– Да, но он нигде и не разрешён, – спокойно ответил Эндрю, хотя он был немного шокирован резким выпадом оппо-

нента.

– Я хочу сказать, что он не запрещён, если речь не идёт об убийстве. Получается, что человек может есть мясо того, кто добровольно согласился на это.

– Вы предлагаете есть мясо искусственно выращенных людей. По-вашему, это добровольное соглашение? И к тому же в процентном соотношении человек не может дать столько мяса, сколько может дать корова или свинья. Потребуется расширение ферм.

– Значит, на органы людей выращивать можно, а есть их нельзя? Люди скоро умрут от голода, – возмутился Том Джонс.

– А когда выращенные люди на ферме закончатся, опять все начнут жрать друг друга? Будем хранить человечину дома? В банках? Как кильку?

– Мистер Форд, я смотрю, вы плохо подготовились к дебатам, – сказал Том и, ухмыляясь, почесал пальцем правую бровь. – Система «Создатель» полностью контролирует ускоренное развитие плода. Еда не закончится никогда. Это наше будущее. И вообще, я не могу понять вашу позицию. Что плохого в том, чтобы накормить голодающий народ?

– Для этого и существует соя, служащая отличным аналогом мяса, к которому мы так привыкли, – высказался Форд, но аудитория встретила эти слова неодобрительным гулом и улюлюканьем. Некоторые с недовольным, выражающим отвращение лицом отклонились назад, прижавшись к спинкам

кресел.

– Чушь, она отвратительна. Ничто не может заменить мясо. Мясо – это важный элемент питания. В сое очень мало метионина – одной из незаменимых аминокислот, которая участвует в построении молекул ДНК. К тому же соя вызывает бесплодие. Люди с таким трудом добиваются лицензии на разрешение иметь детей, – сказал Том Джонс, и толпа радостно зааплодировала.

– Соя вызывала бесплодие только у животных! Чистота многих экспериментов людей, которые сделали это заявление, вызывает кучу вопросов. Почему не клонировать животных? – спросил Эндрю. Публика была явно не на его стороне. Он был пожилым мужчиной лет шестидесяти с большими усами и блестящей лысиной на макушке. Он безрезультатно отстаивал своё мнение человека старой закалки, который боялся перемен.

– Потому что это опасно. Есть риск, что животные снова станут переносчиками заразы. И кроме того, выращенные люди абсолютно стерильны и не представляют никакой угрозы, пока их не купят. Это общеизвестный факт. Никакой заразы. Это очень важно в наше время, – сказал Том, который с первых дней, как вышел в свет, завоевал сердца большей части аудитории, чем его конкурент. День выборов в президенты неумолимо приближался, и эти дебаты являлись для Форда последним шансом всё исправить. Эндрю замешкался. Ему нечего было сказать, к тому же толпа сбивала его

своими выкриками в поддержку Тома. – Мистер Форд, я слышал, вы женаты и что у вас нет детей, это так? – спросил Том Джонс и продолжил, не дожидаясь ответа: – Не связано ли это с тем, что вы и, наверно, миссис Форд, уверен, что по вашей инициативе, являетесь любителями сои?

И вновь аудитория встретила его высказывание бурей аплодисментов и смеющихся голосов. Эндрю в полной растерянности уставился на Тома, но тут же, грозно сведя брови, продолжил:

– Да как вы смеете? Это наша сугубо личная проблема, в которую вам не следует совать свой нос! – кричал Эндрю, вытирая платком своё потное лицо.

– Наши дебаты проявляют всё более сенсационный характер! У нас в зале есть желающие высказаться, – сказал Адрианно таким тоном, словно сообщил ошеломляющую новость, и протянул микрофон толстому мужчине в первом ряду. Он был настолько толстый, что занимал сразу два зрительских места.

– Конечно, я против этого, но это сложнее, чем кажется. Раньше в понятии «мясоед» и близко не было человеческого мяса. Вегетарианство зародилось очень давно. Люди отказывались от такого удовольствия из жалости к братьям нашим меньшим, которых мы по вынужденным обстоятельствам истребили. Я помню, в молодости каждый раз с каждого понедельника я обещал больше не употреблять убитых животных. Я смотрел фотографии инкубаторов, видео со ското-

бойни, пролистывал всех фермерских животных и смотрел им в глаза. И знаете что? Я находил в них душу, разум, искру мысли. А в данном случае мы говорим о людях. У нас была собака. Ну, у кого ее тогда не было? И все хозяева знают, что в них есть что-то разумное. У них есть характер! А если есть характер, значит, у них есть эмоции. Это было жутко осознавать, и проще было думать, что это всего лишь воспитание, дрессировка, привычки. Так вот, я понимал, что разумна не только моя собака, но и другие животные. Не так, как люди, но для своего животного мира это было так. И, подвластный этим мыслям, я решился отказаться от потребления мяса. Вышло у меня плохо, я мог держаться несколько дней и даже месяцев, говорить всем, что я веган, но в глубине души я осознавал, что это просто показуха. Я хотел быть тем, кем не являлся. Стараясь показать всем, что я добрый человек и люблю животных, я обманывал. Я знал это, но пытался изменить себя, но я не ел мясо, потому что не ел. Я голосую против, но если мясо начнут продавать, то я не знаю, смогу ли я сдержаться, чтобы не купить кусочек, – закончил толстяк и по просьбе ведущего передал микрофон назад смуглой женщине робкого вида.

– Я считала омерзительным есть человеческую ногу, но запах жареного мяса подкашивает мои мысли. Я ем мясо, потому что мне нравится. Пытаюсь не думать, мужчина или женщина, как выглядел этот человек и кем он не стал. Я просто ем. Как вы сказали, у каждого животного свой характер,

они разумны. Так в чём, собственно, разница? Если мы когда-то выращивали животных для употребления в пищу, почему нельзя то же самое делать с людьми? В конце концов, чем мне кормить своих детей? Они тоже любят мясо. Я голосую за, – сказала женщина жутко писклявым голосом и передала микрофон обратно. Адрианно забрал микрофон у толстяка.

– Кроме того, соя содержит дайдзеин, – продолжил Том, не дожидаясь, что на это скажет его собеседник, закапывая своего конкурента. – Это растительный аналог женскому половому гормону эстрогену, и поэтому употребление сои может навредить здоровью ребёнка у беременной женщины. Вы сами-то давно стали веганом? Вегетарианство давно уже вышло из моды, мистер Форд, взгляните на экран, – ухмыляясь, сказал Том. Эндрю поднял глаза на огромный экран, висящий в студии. На синем фоне чётко было видно 85 процентов против 15.

– Закон принимается большинством голосов от общего числа. Над текстом закона работают специалисты, досконально знающие те вопросы и проблемы, которые должен регулировать закон. Донести требования закона до всех граждан обязаны члены Дома Правления Надежды, так как законы затрагивают интересы каждого из жителей, – пояснил Налетти, завершив выпуск передачи.

Со значительным перевесом в пользу Тома Джонса через три дня было решено разрешить употреблять, а значит, про-

давать и покупать человеческое мясо. Позже Тома Джонса избрали в президенты Надежды.

* * *

Майкл Митчелл – мужчина крепкого телосложения, высокий брюнет с короткой стрижкой без чёлки и шрамом над правой бровью. Ходил он, сутулясь. Он объяснял это тем фактом, что не совсем хорошее зрение не даёт возможности смотреть вдаль, и он обычно смотрит себе под ноги. Митчелл работал сторожем на складе со стройматериалами. Платили мало, но главное, что стабильно. Сегодня был день зарплаты, и в голове успокаивающе всплывала мысль о предстоящем ужине. Майк уже собирался идти домой, когда директор махнул ему рукой, тем самым подозвав к себе. Пьяный старый мужчина с редкими седыми волосами, спрятанными под шляпу с большими полями, сегодня заставлял своих рабочих трахать проститутку, которую привёл с улицы. Несовы с их бедным кварталом частенько служили инструментом, чтобы удовлетворять извращённые желания совершенных. Человек тридцать прошло через эту девушку сегодня, а директор сидел за столом и мастурбировал, глядя на всё это. Он был из совершенных, а потому не подчиниться ему было равносильно самоубийству. Некоторые рабочие посчитали этот приказ чем-то вроде награды за свой труд, но Майкл Митчелл прежде никогда не испытывал такого стыда и

унижения. Рядом с женщинами он всегда, несмотря на свою мужественность, казался ребёнком. Он не скоро забудет эту вонючую простыню, мокрую от пота, и эту девушку, тощую, бледную, как лист бумаги, со ссадинами на спине и настолько худыми ногами, что колени были толще бёдер. Во время акта он представлял Маргарет, но нагота шлюхи не шла ни в какое сравнение с телом жены. Проститутка шептала числа, умножала, вычитала, складывала их, пытаясь подсчитать свою долю, долю сутенёра и сколько у неё останется денег в конце месяца. Даже с закрытыми глазами и с достаточно хорошим воображением у него ничего не получилось. Директора несостоявшаяся сцена полового акта привела в бешенство. К тому же случайно разбитая им же последняя бутылка спиртного заставила его, что происходило крайне редко, подняться с кресла в рабочее время. Встав с деревянного скрипучего трона и не убирая руку от члена, он выгнал Митчелла из помещения, обозвав к тому же импотентом. Майкл вздохнул с облегчением. Но его тревожило, что коллеги станут смеяться над ним.

Митчелл не расскажет об этом своей жене и вообще никому не расскажет. Никогда. Он бы мог взять отвёртку и воткнуть в глаз этому директору за все унижения, за всех несовершенных, вынужденных терпеть бесконечные издевательства, но Майк не из тех людей, которым нечего терять. Если его казнят, что будет с его семьёй? Иногда, когда было совсем тяжело, он думал, что лучше бы Элис вообще не ро-

дилась, потому что ждёт её точь-в-точь такая же никчёмная жизнь, как у отца и матери. Он шёл домой и придумывал, как опишет жене свой рабочий день, она ведь обязательно спросит. И конечно, Маргарет сразу поймёт, что муж чем-то обеспокоен. Он вдруг подумал, что, возможно, Маргарет тоже недоговаривает на счёт того, как к ней относятся на работе, и тут же вопреки всем самым ужасным мыслям попытался успокоить себя:

– Нет, она ведь работает прислугой в хорошей уважаемой семье. Среди совершенных есть и хорошие люди. Они позволяют ей даже забирать оставшуюся еду домой. Работать дома у членов Новой расы – это престижно, – проговорил он вслух, снимая рабочий комбинезон. За свою не совсем благополучную жизнь Митчелл научился сам себя успокаивать. Будь то экстремальная ситуация, срочно требующая адекватного решения, или просто душевные переживания, поговорив сам с собой, пусть даже не вслух, Майкл быстро приходил в себя.

Квартал для несовершеннолетних напоминал помойку. Многие привыкли к такому нищенскому образу жизни, но Майкл всегда мечтал о лучшем и надеялся, что скоро всё наладится. Иногда он даже молился.

Кривые здания в три этажа ломаной линией тянулись вдоль высоченной стены. Каждое второе окно было заколочено досками. Почти никто не обращал на него внимания, лишь некоторые юрко стреляли настороженным взглядом

ему вслед, думая урвать кусок зарплаты у обеспеченного работником несоба. Откуда-то вырывалась музыка. Громокая низкими басами, напоминая шум мощного заведённого двигателя, она звучала так громко, что выворачивало наизнанку.

Бедные кварталы, тянувшиеся вдоль защитных стен, были заполнены женщинами с жидкими волосами, распухшими ногами, чёрный пушок на которых с трудом мог скрыть синие широкие вены. Они продавали себя. Румяна лежали на их лице толстым слоем как маска. Это была не косметика из «Красоты будущего», а какая-то шпатлёвка.

Неожиданно дверь подъезда с лязгом распахнулась, дверные петли оторвались, и она с грохотом рухнула, придавив ноги сидящему рядом тощему просящему подаяние мужчине. Старик с якобы парализованными ногами завопил от боли на всю улицу. На грязный тротуар из подъезда выбежала женщина с воспалёнными красными глазами. Из-за худобы её глаза казались непропорционально большими. Но она выбежала не на помощь бедолаге. Она быстро крутила головой по сторонам, пытаясь найти кого-то. Её взгляд остановился на пузатом темнокожем мужчине в бейсболке и рваном пальто. Он катил тележку с перевязанным верёвками барахлом, на которой сверху лежал большой телевизор с трещиной на весь экран.

– Ты продал моего ребёнка! Верни моего мальчика! – кричала она. Мужчина, не сказав ни слова в ответ, оставил тележку с выменянным на её ребёнка добром и быстрым ша-

гом пошёл навстречу женщине. Выпячивая от злости нижнюю челюсть, сжимая кулаки и нелепо двигая руками, он походил на разъярённую гориллу. Другие проститутки пугливо отскакивали, уступая дорогу своему сутенёру, и когда он проходил мимо, виновато опускали головы вниз, а некоторые, защищаясь, закрывали лицо руками. Кричащая женщина, увидев, как горилла целенаправленно идёт к ней, резко замолчала и убежала обратно в дом. Сутенёр вошёл вслед за ней, наступив на лежащую дверь, тем самым повторно вызвав оглушительную брань тощего старика, который, продолжая играть свою роль, остался сидеть с тяжёлой дверью на ногах. Митчелл огляделся. Толпа детишек злобно окинула его взглядом и резко скрылась за угол дома. Видимо, в подворотне Майкла уже кто-то ждал, надеясь отобрать деньги. Майк решил не рисковать и, нарушив свой привычный маршрут, прошёл мимо. Он был не из пугливых, но в кармане у него и вправду находилась небольшая сумма наличных.

Возраст проституток можно было определить только по обвисшим грудям или морщинам на теле, но, несомненно, почти все эти женщины были намного старше Майкла. Самые красивые были самыми уставшими. Они уже много раз видели Митчелла, идущего домой после работы. Предлагать ему своё тело не имело смысла. Он всегда вежливо отказывался. Они отвернулись и как ни в чём не бывало продолжили заниматься своими делами. Майк обратил внимание на одну старую шлюху, которая что-то громко доказывала мо-

лодой. Она учила молодую, как правильно показывать себя проходящим мимо потенциальным клиентам.

– Надо показывать сиськи не так, – кричала она, задрав грязную футболку вверх и обнажив свою сморщенную старую грудь, – а вот так, – злостно завопила она словно ведьма и, максимально оттянув воротник, опустила уже растянутую футболку вниз, снова продемонстрировав два отвратительных сморщенных мешка, но они уже не казались обвисшими. В благодарность за полезный совет молодая проститутка поцеловала свою мудрую наставницу в щёку. Постукивая каблуками, привлекательная девушка быстро перебежала на противоположную сторону улицы и, уже улыбаясь, встречала там Майка, пользуясь полученным опытом. Митчелл прошёл мимо, чем заслужил показанный девушкой средний палец.

Майкл миновал важно шествующего с чёрным пакетом совершенного. Он пришёл сюда развлечься. В плотно облегающем содержимое пакете, очевидно, лежало всё необходимое, чтобы хорошо провести вечер. Всё, кроме компании. Жрицы любви заискивающе ловили его надменные взгляды. Старые шлюхи сторонились, уступая место молоденьким. Видимо, его предпочтения уже знали. Одна из них, пышногрудая брюнетка, получив согласие, взяла его за руку и повела в дом.

За деньги здесь можно было купить не только секс. Высокая грациозная блондинка в чёрном деловом костюме бросалась в глаза. Она снимала бельё с верёвки. Обтягивающий

сверкающий костюм подчёркивал её стройное тело, длинные ноги дополняли высокие шпильки. «Что она делает среди всего этого сброда?» – подумал Митчелл, и тут же она поправила свои волосы, плавным движением приглаживая их рукой ото лба к затылку. У неё не было ушей. Она повернулась в сторону Майка, и его передёрнуло от неожиданности. Щёки были симметрично вырезаны. Отсутствие губ демонстрировали сверкающие белые зубы. Нос тоже был отрезан. Судя по тому, что Митчелл её тут раньше не видел, она была новенькой. Майкл испытал не страх, а жалость к ней. Но чувство жалости перебил здравый смысл. Он всегда сочувствовал тем, кому повезло меньше него, всегда давал деньги беднякам, если они у него были, но это была не та улица, где заслужили милость Майкла. Здесь обитали только проститутки, наркоманы и бандиты. Работы для несовершеннолетних полным-полно. Они вполне могли найти занятие поприличнее. Он по возможности помогал исключительно тем, кого знал лично. Например, пожилая соседка с больными ногами, мать-одиночка с тремя детьми из соседнего дома. Они хотели работать, но не могли. Он всегда с презрением относился к лентяям и к людям сомнительных профессий. Была бы его воля, он бы всех их заставил найти достойную работу. Они, по его мнению, позорили несовов, притягивая ко всему бедному кварталу и к его жителям негативное впечатление.

За приличную плату проститутки могли продать на съедение часть своего тела и даже поужинать вместе с тобой,

не жалея собственной плоти. Целый ряд женщин вдоль дороги говорил об этом. Кроме нижнего белья и обуви, на них ничего не было. Все они были бледные и худые. У кого-то не было руки или ноги, а то и вообще ничего, кроме головы и туловища. Безногие и безрукие научились передвигаться самостоятельно. Упираясь подбородком в землю, они сокращались и подтягивали своё тело вперёд. Троица ползущих гусениц заставила Митчелла улыбнуться. Некоторые лишившиеся конечностей лежали в строительных тележках.

Неожиданно Майкл чуть было не споткнулся об одного из мужчин, которые сидели прямо на земле, пили синеватую жидкость, передавая бутылку по кругу, и сразу же после пары глотков они падали на землю, начиная трястись в лихорадке.

– Господи, посмотри на этот бардак. Мир катится к чертям. Точно. Катится к чертям, – тихо произнёс старик, сидевший на углу возле алтаря, который ещё не раздербанили до конца, и держал на коленях потёртую книгу. Название было не прочитать, видимо, один из умерших языков. Рядом с ним лежал раздетый догола спящий мужчина с бутылкой в руке. Из кирпичей и маленьких камней старик, видимо, сам соорудил свой алтарь.

– Так ведь было всегда? – спросил Митчелл, и старик поднял трясущуюся голову.

– Я хранитель правды в мире лжи! – закричал он. Щуплый, седой, с длинным орлиным носом, в чёрном пиджаке.

ке с белой лентой на шее поверх воротника, в рваных грязных штанах, мужчина лет семидесяти выглядел нелепо. На его ногах старые сандалии прикрывали носки, которые когда-то были белыми. Из дырок выглядывали пальцы с чёрными длинными ногтями. Он частенько бродил здесь с каким-то красным черпаком, прося подаяние. Он думал, кряхтя. – Видел это здание? – он кивнул головой в сторону каких-то руин через улицу. – Его разбомбили эти дьяволы, эти... Раньше я там... Это церковь. Она была моим домом. Религия, если бы люди проявили к ней склонность, она бы жила. Без веры жить невозможно. Когда-нибудь бог снова вспомнит про нас. Он просто забыл! Но он вспомнит! Господь забыл, а дьявол изгнал... – сказал он и резко замолчал. Прислушиваясь и принохиваясь к чему-то, его не совсем чистые ноздри раздувались. Он обрывал фразы на половине, но говорил с чувством, производя впечатление человека, который искренне верит в то, что говорит. Он был немного пьян, и весь его вид выражал нестерпимое горе. Затем он начал что-то бормотать на непонятном языке и рисовать усохшими пальцами, периодически прикладывая их к языку, какие-то знаки на песке. Слушать старика дальше не имело смысла. Майкл осторожно положил несколько блестящих монет в его черпак и торопливо ушёл.

На этой обезумевшей территории, выделенной несовам, лишь некоторые сумели научиться цепляться за здравый смысл. Майкл дошёл до своего красочно исписанного раз-

ными непристойностями дома. Напротив подъезда несовершеннолетние рылись в мусорных баках, пытаясь найти картофельные очистки или заплесневелый хлеб. Открыв двери ветхого трёхэтажного дома, дорогу Майку преградила старуха и, посмотрев ему прямо в глаза, от удивления широко открыла рот. Она словно забыла, как дышать, и беспомощно хватала воздух своим беззубым ртом. Некоторое время они стояли неподвижно, а когда в её открытом рте в щели между чернеющих зубов запуздырилась слюна, старуха начала что-то нащёптывать.

– Ты помечен. В числе двадцать два твоя судьба. Ты сможешь изменить этот мир к лучшему, несчастный, – наконец внятно произнесла бабка. Её опухшее лицо приобрело вид, отдалённо напоминающий мыслительный процесс. Майкл осторожно отодвинул её рукой в сторону и поднялся по лестнице в свою квартирку.

Позже вечером за так называемым ужином Элис кричала от злости и с беззаботностью своих малых лет хватала еду с папиной тарелки. Маргарет всегда ругала её за это и просила не жадничать. Но стоило ей отвернуться, Элис тут же тащила куски хлеба из жалких запасов семьи Митчелл. Еды в бедном квартале на всех не хватало. Хорошо ел только тот, кто был на порядок наглее, чем остальные. Каждый хотел урвать побольше. Многие – даже больше, чем им было нужно. В кварталы несовершенных еду привозили редко и в малых количествах. В основном это были консервы с истёкшим сро-

ком годности. Чаще всего привозили корм для животных. Элис хорошо ела тот, который предназначался кошкам. Майкл сломал не одну челюсть в битве за заветные баночки с изображением полосатого кота.

Тёмная, гнусная, убогая комната с окнами, наглухо забитыми досками, – это всё, что у них было в то время. Они жили в маленькой квартирке на втором этаже. Почерневшая раковина под разбитым зеркалом в коридоре напротив лестницы была одна на несколько семей, также как кухня и душ, что для очень скромной и совершенно не общительной Маргарет было неприемлемо. Отовсюду торчали ржавые гвозди, ступеньки жутко скрипели. На стене красной краской кто-то написал слово «крыса», чуть ниже – «соси».

Дочь Элис, названная в честь бабушки Майка, очаровательная, но очень капризная беспокойная девочка, часто болела, и основная часть денег уходила на лекарства. Одной из немногих вещей, которые могли успокоить девочку, был солнечный зайчик, который мама отражала своим маленьким потёртым красным зеркальцем. Эта игрушка казалась Элис самой лучшей на всём свете. Митчеллы жили крайне бедно, но однажды одним поздним вечером Майк увидел по телевизору рекламу магазина, где в морозильных камерах на полках лежали брикеты с человеческим мясом. Майку пришла в голову гениальная идея. Лайм, его сосед и друг, работает ночным охранником на этой ферме, а значит, достать искусственно выращенное тело человека не составит особо-

го труда. Остаётся только разделать и продать. До ядерной катастрофы Майк был неплохим мясником, поэтому снятие шкур и разделка туш для него также не являлись проблемой.

Прошло два месяца, как Митчелл вместе со своими соседями Лаймом и Сарой Смит уже всю похищали тела и разделявали их в подвале дома, затем складывали в арендованный грузовик и нелегально продавали мясо на запрещённом рынке с приличной скидкой. Оголодавшие люди сгребали мясо без разбора, и вскоре Митчеллы смогли позволить себе скромный домик в том же бедном квартале, только в местечке попримечнее. Дом с уютной гостиной, столовой с большим обеденным столом и высокими стульями, двумя спальнями с модными овальными окнами и белоснежной кухней.

Но несколько месяцев спустя об этом пронюхала полиция, и вскоре Лайма вместе с его очень неосторожной и болтливой женой публично казнили, обвинив в хищении государственной пищи особо нуждающимся, коими являлись совершенные, постоянно набивающие своё брюхо. Митчеллы чудом остались на свободе, но перед смертью Лайм назвал имя Майкла, понадеявшись на милосердие судей. Его всё равно казнили, а Майка долгое время допрашивали. Его избивали до полусмерти, топили, вывозили на окраину, угрожая расправой, но он ни в чём не признался. Особо важную роль сыграли жена и дочь. К семейным несовам полиция относилась более снисходительно. Без семьи его бы сразу посадили без потребности признания. Как выяснилось позже, Мит-

челл был не первым поделщиком, которого заложил Смит. Возможно, надпись «крыса» на первом этаже дома предназначалась именно Лайму. Не сумев собрать достаточное количество доказательств, Майку дали условный срок четыре года и каждодневные исправительные работы на военном заводе. Банковские счета Митчеллов заморозили, но дом оставили, так как у них был ребёнок. На заводе ему платили небольшие деньги, хотя выплачивать или нет зарплату условно осуждённому оставалось на усмотрение директора завода. Денег хватало только на самое необходимое. Митчеллы снова оказались не в самом лучшем положении. Майк всегда мечтал, чтобы его семья ни в чём не нуждалась. Он был пленником своей мечты, которую ненавидел, потому что ей никогда не сбыться.

Глава 3

2075 год

Дома было скучно, тем более в такой праздник. Одежду Эйприл выбирала долго, но результат стоил потраченного времени. В тонком, почти невидимом кружевном белье, в платье нежно-розового цвета, облегающем её стройные бёдра, она была готова искать себе пару. Розовые распущенные волосы ниже плеч дополняли её дико сексуальный образ. Выбор пал на самый популярный клуб в городе – «Мечта». Клуб «Мечта», эпицентр клубной жизни, представлял собой два отдельно стоящих здания, занимающих огромную площадь. Двухуровневый клуб с шикарной летней террасой и общей вместимостью около двух тысяч человек каждый день гостеприимно встречал всех желающих весело провести время. На первом уровне стены в клубе были сплошь увешаны огромными экранами. На них с разных ракурсов показывали диджея в режиме реального времени. В данный момент он судорожно трясся, пока его шею лизала бритая наголо девушка с размалёванным кроваво-красным лицом. В глубине зала располагался танцпол. В самом его центре по кругу поставили невысокие ограждения. Когда клуб заполнился, пол в центре начал раздвигаться и оттуда поднялась огромная

клетка с аниматорами, играющими роль инфицированных. Они бросались на прутья, просовывали через них руки, пытаясь дотянуться до гостей. Они выглядели как настоящие заражённые. Затем клетка разделилась на шесть частей, которые поднялись вверх и распределились по периметру зала, повиснув в воздухе, не поднимаясь до второго уровня. На втором уровне маленькие абажуры над каждым столиком создавали уютные VIP-места ресторана для тех, кто желал посидеть спокойно, в уединении.

Эйприл вошла в клуб. Сразу бросалась в глаза аура эротизма, в которую хотелось влиться и не выделяться. Многие из присутствующих проводили девушку жадным взглядом. В клубе присутствовали люди с разной сексуальной ориентацией. Когда глаза привыкли к освещению, Эйприл увидела, как девушки с кровавыми рисунками на теле кружатся в чувственном танце со своими подругами, молодые люди прижимают к стенке своих партнёров. Такая атмосфера действовала на неё весьма возбуждающе.

– Прекрасно, – сказала Эйприл, прикусив губу. Отведя взгляд от лесбийских подружек, танцующих, двигающихся грациозно, как кошки, она направилась к бару. Наслаждаясь лёгким спиртным коктейлем, голубоглазая Эйприл повнимательнее присмотрелась к окружающим людям. Внимание привлекла богиня, танцующая с худощавым парнем, стриженным под ноль. Эта девушка сразу бросалась в глаза. Её манера двигаться возбуждала. Она как будто вела игру не

только со своим партнёром, но и со всеми присутствующими в зале. Поигрывая бёдрами, она частенько оглядывалась по сторонам на окружающих, дабы убедиться, что привлекает к себе внимание. Она сжимала свою грудь одной рукой, а второй, дополняя движение, касалась через ткань себя между ног. Её рука периодически появлялась и исчезала из поля зрения. Богиня мастурбировала, танцуя, и прижимала парня к себе, дёргая его за ремень. Она немного опускалась вниз и разводила ноги в стороны. Эйприл уже забыла про свой коктейль и не могла оторваться от этой пары, хотя скорее её интересовала только девушка, которая опускалась всё ниже, разводя ноги всё шире, уже с трудом контролируя себя. Её рука ритмично погружалась под платье. Присев на корточки, движения руки стали быстрее, её глаза закатились вверх, облизывая губы, она крепко схватилась за ремень своего партнёра и бурно кончала. Эйприл потекла и, оставив свой бокал, побежала в туалет. В туалете невысокий, но крупный парень стоя трахал девушку, которая обеими руками упиралась в замызганную стену прямо возле кабинок. Зрелище было весьма привлекательным для Эйприл именно своей низостью и пошлостью. Одной рукой он сильно сжал её ягодицу, а второй жадно сминал её грудь. Джинсы парня были немного приспущены. Он входил в неё резкими движениями, и девушка через раз ударялась головой о стену, не в силах удержаться руками. Эйприл наблюдала несколько минут. Вдруг парень резко схватил свою партнёршу за волосы, развернул

и устался на Эйприл, которая сразу же отвернулась, сделав вид, что поправляет волосы перед зеркалом. Через несколько секунд она увидела, что парень сел прямо на пол и закурил. Он улыбался, наблюдая за тем, как девушка морщилась и на ощупь добиралась до раковины.

Эйприл зашла в просторную кабинку, в ней находилась маленькая раковина и прочная выдвижная панель. Она достала из сумочки маленький бутылёк с красной краской и подправила нарисованную рану у себя на лбу. Вдруг в туалет кто-то зашёл, нарушив тишину громким прерывистым дыханием. Эйприл тихонько приоткрыла дверь, но девушка с другой стороны сильно дёрнула ручку, открыв её нараспашку. В кабинку вошли две девушки и принялись страстно целовать друг друга, не обращая никакого внимания на Эйприл. Кружевное бельё скользнуло к лодыжкам. Подняв трусики и убрал их в сумочку, не смея больше сопротивляться дико возбуждающей атмосфере, она села на унитаз и начала ласкать себя между ног, наблюдая за двумя красотками, размалёванными красной краской. Ладонь легла на гладкий лобок, разведя пальцами половые губы. Прикосновение пальцем по клитору отозвалось сладкой дрожью по телу. Тихий стон сорвался с губ. Одна девушка всюю гладила другую под одеждой, лаская её грудь. Возбуждение накрывало одурманивающей волной, и дыхание становилось бурным и шумным. Рука заскользила по обнажённой коже всё ниже и ниже, лаская промежность нежно и искусно. Когда одна из

девушек кончила, её партнёрша с полностью забитой татуировками рукой ещё немного поласкала пальцами между ног, пока та остывала, и затем направилась к уже готовой, раскрытой во всех смыслах Эйприл. Поцелуй. Губы такие мягкие и нежные. Встав, она притянула незнакомку к себе, закрыв глаза и обхватив её голову руками. Пальцы судорожно вцепились в волосы. Перед глазами была девушка, мастурбирующая на танцполе. «Как жаль, что это не она», – подумала Эйприл. Поставив одну ногу на ободок унитаза, Эйприл, положив руку на плечо своей новой подруги, опустила её на колени перед собой. Подруга сразу вошла во вкус, почувствовала ритм. Её уже опытный язычок творил сказочное волшебство. Подключилась и третья красавица. Подойдя, она медленно освободила грудь Эйприл от тесных чашечек и принялась целовать её формы, нежно облизывая соски. Они вдвоём поочерёдно языком ласкали её губки, и наконец раздался протяжный стон, оборвавшись на выдохе. Поменявшись местами, девушки повторили свою оргию. Вдоволь насладившись друг другом, с блуждающими улыбками на лицах они привели себя в порядок, поправили одежду и покинули уборную.

Было ли это мстью всем мужчинам? Да. Причина этому чувства, которые остались безответными. Не сумев построить отношения с женщиной, когда-то давно она попробовала однополую любовь. Это было изящно и утончённо, в отличие от секса с представителями сильного пола. Как-то Эйприл

фанатела от одной знаменитой певицы и в какой-то момент, сидя перед телевизором, поняла, что не хочет быть похожей на неё, а хочет быть вместе с ней. Она жила по большей части мимолётными порывами страсти и была счастлива, и отныне с улыбкой вспоминала свой неудачный опыт. Другая причина любви к слабому полу – это мода и время свободных нравов. Долгие годы развивающаяся под бесчисленными оскорблениями и осуждениями, однополая связь стала модной. Теперь это не являлось неестественным и неправильным.

* * *

В клуб вошли двое. Один собрал волосы в конский хвост, второй пригладил длинную чёлку на бок. Знакомая охрана у входа вежливо попросила сдать оружие. Несмотря на агрессивный настрой, парни согласились.

– Зачем отдал пушки? – спросил Дэнни, когда они отдалились от охранников. Без оружия он всегда чувствовал себя крайне неуверенно.

– Мы сейчас не дома. За Джареда я готов задушить этого ублюдка голыми руками, а затем я выдавлю ему глаза, – ответил Эдвард.

– Вон эта скотина! С бабой танцует! – воскликнул Дэнни, указывая пальцем на ни о чём не подозревающую парочку молодых людей. Они двинулись через весь танцпол к Лео и

Эффи. Подойдя к Эффи, Эдвард сильно шлёпнул её по заднице так, что она вскрикнула и как ужаленная выскочила из объятий, а Дэнни ударил ошарашенного Лео ладонью в ухо.

– Иди погуляй, шлюха, – сказал он, обращаясь к девушке.

Лео схватил Дэнни за плечо и что было сил ударил его кулаком в нос. От сильного удара парень упал, и он со звериным взглядом принялся бить его ногой по лицу, выбив передние зубы. Вдруг из-за толчка со спины Лео падает, споткнувшись о, казалось, безжизненное тело. Резко вскочив, он вцепился в куртку Эдварда, безуспешно пытаясь повалить его. В толпе зрители не скрывали удовольствия от бесплатного представления.

Охрана сначала разняла парней, но по приказу Эдди осталась стоять в стороне. Эффи с гордым видом наблюдала за происходящим. Ей было лестно, что Лео вступился за неё. Оказавшись на расстоянии, парни несколько секунд стояли неподвижно. Перекинулись парой бранных словечек и направились навстречу друг другу. Лео первым начал атаковать, но не сумел достать Эда прямым ударом ногой. Тот ловко увернулся и нанёс серию ударов руками. Закрывшись от последнего удара, Лео всё-таки достал его ударом ногой в живот. Чуток отскочив назад, Эдди слегка скривился от боли. Лео снова пошёл в атаку, но, увлечшись, пропустил прямой сильный удар кулаком в грудную клетку, отчего, тяжело дыша, держал руки на груди. Эдди начал наступать, но его противник пригнулся и повалил парня на пол, попытавшись

ударить его кулаком в солнечное сплетение, однако Эдвард успел поставить блок, что, впрочем, не помешало Лео схватить его и сделать удушьющий. Музыка утихла.

Лео сжимал шею всё сильнее и сильнее, в то время как Эдди, кряхтя, пытался достать что-то из кармана. На секунду выпрямившись, Эдвард вытащил из кармана небольшой белый продолговатый предмет, из которого, угрожающе сверкнув, вылезла игла, и попытался воткнуть её Лео в бедро, для того чтобы он наконец отпустил его горло.

Розоволосая девушка могла бы пройти мимо, но это было не в её характере, тогда как остальные просто стояли и смотрели, наслаждаясь зрелищем. Она сдвинула брови, сосредоточилась на руке со шприцем и разжала его пальцы на расстоянии. Шприц упал на пол и покатился. Лео поднял его, даже не взглянув на выгравированные белые буквы.

– Дрянью балуешься? – спросил он и попытался воткнуть иглу противнику в ногу.

Девушка сосредоточила внимание на его руке, она пока ещё не совсем умело управляла телекинезом, и её могло отвлечь всё, что угодно. Сконцентрировавшись, она уже чувствовала, что управляет рукой со шприцем, но вдруг девушка потеряла контроль. Парнем уже управлял другой человек, более сильный. Розоволосая сразу нашла его. Он прижимал платок к своему разбитому носу и сосредоточенно смотрел на дерущихся.

Лео крепко держал шприц, вогнав иглу до самого основа-

ния себе прямо над коленной чашечкой. Отпустив Эдди, парень забился в жутких судорогах. На лбу и на руках выступили чернеющие взбухшие вены, принявшие в себя смертельный вирус. Толпа, в том числе и Эффи, стояла неподвижно, боясь подойти к нему. Эдди, держась за своё горло, сделал пару шагов назад, взял нож с ближайшего столика, подошёл к Лео и воткнул лезвие ему прямо в глаз. Эффи вскрикнула и подбежала к Эдди, замахнувшись своей миниатюрной ручкой. Эдвард наотмашь правой рукой ударил девушку, и она упала, проскользив на коленях по танцполу прямо к ногам девушки с розовыми волосами.

– Не подходи к нему. Он заражён! – закричала она. – Бегите! – обратилась она к толпе.

Эффи попыталась стряхнуть оцепенение, но не смогла. Её охватил такой леденящий страх, что она не могла пошевелиться. Она не знала, что делать, и, испугавшись, просто наблюдала. Розоволосая лихорадочно набирала номер службы спасения. Все замерли, не отводя взгляд от уже неподвижно лежащего на полу в собственной рвоте Лео. Никто и не думал убегать. Всем было любопытно. Охрана медленно и с опаской подошла к нему.

Неожиданно в клуб ворвались четверо мужчин в чёрных костюмах с ромбообразной чешуёй и в кованых ботинках. Это были солдаты Морали с автоматами за спиной и дубинками-шокерами в руках. Все посетители замерли. Было важно не шевелиться, чтобы у них не возникло повода бить.

Один из солдат ударил парня из толпы дубинкой в солнечное сплетение, от чего тот сложился пополам и лёг на танцпол. Окружившая место происшествия толпа испуганно отпрянула назад. Двое из солдат шокером вырубил очнувшегося со звериным оскалом Лео, который вот-вот уже был готов вскочить и в неистовом бешенстве рвать всем глотки. Они подхватили его за колени и за плечи и вынесли из клуба. Эдварда и Дэнни пригласили пройти вместе с ними. Они покорно пошли следом.

Глава 4

2060 год

На следующий день после работы Майка пригласил в бар к Ричарду его напарник и друг Герб. Смекалистый мужик Герб Ниеро постоянно подкидывал новаторские идеи начальнику завода и пользовался уважением у других работников, добиваясь улучшения содержания своих коллег. Среднего роста, обаятельный, короткая стрижка и зелёные глаза. Харизма и дар убеждения являлись его главными качествами. Герба ценили, но он так же, как Майк, был условно осуждённым отбросом. Так ему и сказала комиссия, когда он осмелился заговорить о повышении: «Ты условно осуждённый, и рост по карьерной лестнице оставь в своих мечтах». Ниеро не пришлось повторять дважды. Он был одним из многих, кто, прожив полжизни в захолустье и попав в большой город, начисто забывают о тихой добропорядочной жизни. Осознав, что честным путём денег ему не увидеть, он нашёл способ заработать нелегально.

Условно осужденные несовершеннолетние сидели за барной стойкой, и Ниеро по секрету рассказал Митчеллу о нескольких группировках, которые похищают тела с ферм «Создатель» и делят между собой. Остатки продают. И очень мно-

го зарабатывают. Знакомая схема для Майка, у которого уже была большая клиентская база, включающая тех, кто не хотел светиться на чёрном рынке. В основном это были совы. Они брали помногу и сразу расплачивались наличными без всяких ненадёжных электронных платежей и отслеживаемых полицией переводов.

– Почему ты постоянно такой недовольный, Майкл? – спросил Герб, изобразив кислую физиономию, как у друга.

– А чему радоваться? – усмехнулся Майк. – Постоянно чувствую себя не на своём месте.

– Напомни, в каком ты живёшь районе? – громко отхлебнул пену Ниеро.

– В северном элитном, – глубоко вздохнул Майк. – Но элитный район ещё ничего не значит. Особенно если внутри твоего дома почти нет мебели, – криво улыбнулся Майк, и снова на лице, не нарушая его привычный образ, застыла гримаса недовольства.

– У тебя есть неплохой домик, красивая жена, дочка, а мы с женой не можем иметь детей. У Рейчел бесплодие. Думаю, у тебя нет особого повода грустить, – Герб показал Ричарду два пальца и подвинул в его сторону два пустых бокала. Гул стоял невозможный. Громче всех, как обычно, сидя за столиком возле барной стойки, кричали Крис с Шоном, не обращая внимания на здоровяка Эла, который пытался им что-то доказать. Наконец, не выдержав неуважительного игнорирования своей персоны, Эл так сильно ударил по краю стола

кулаком, что одна ножка отломалась, и бокалы заскользили к краю. Крис вовремя схватил свой, но другие два упали. На звон бьющегося стекла оглянулись все сидящие в баре. Затем все, почти одновременно повернув головы, посмотрели на реакцию Ричарда. Скомканная тряпка летела прямоком в лицо здоровяку, а следом и веник. Ричард хотел бросить в Эла и железный совок, но Герб вовремя его остановил.

– Всё хорошо, за исключением полного отсутствия денег. Только не надо мне говорить, что деньги не главное и всё в этом роде, – нахмурился Майк и жадно припал к бокалу с холодным пивом.

– Деньги, конечно, не главное. Если они есть, – усмехнулся Герб, потирая пальцем запотевший бокал.

– Я, наверное, допью и пойду домой, дружище. И в следующий раз я угощаю, – сказал Майк, сам не веря в то, что когда-нибудь сможет угостить своего друга пивом. Ему стало вдвойне неловко от мысли, что Герб тоже ему не поверил.

– Скажи, Майк, тебя ведь судили за хищение тел с фермы? – в голосе Герба проскользнули нетерпеливые нотки. Он осмотрелся по сторонам, а затем наклонился поближе к Майку в ожидании услышать ответ.

– Они ничего не смогли доказать. Почему ты спрашиваешь? – лицо Майка из безразличного стало настороженным.

– Я раньше в тебе сомневался. Но мы ведь работаем вместе уже очень долго. Откуда, ты думаешь, у меня деньги на новую одежду? Или на кар? Мало кто, работая на заводе, мо-

жет себе такое позволить, – улыбался Герб, указывая на свою недешёвую куртку и брелок от кара, торчащий из кармана.

– Ты говорил, что это наследство твоей жены, – ответил Майк, уставший от бесконечного хвастовства своего друга. Они какое-то время молчали. Герб долго думал, не мог решиться.

– Ты умеешь разделять тела? – спросил Ниеро, придвинувшись к Майку настолько, насколько это было возможно.

– Что? Ты с ума сошёл! У меня же условка! – выпучив глаза на друга, возмутился Митчелл, но говорил шёпотом.

– Я знаю, что ты не признался на допросе, а это многого стоит. Я это очень ценю, – проговорил Герб. Последнюю фразу Ниеро сказал, сжав кулак, и два раза с характерным глухим звуком стукнул себя в грудь.

– Я тоже ненавижу этих упырей, которые после пощёчины признаются во всём, что им вкладывают в рот, сваливают вину на близких и обливают друг друга грязью, – злостно произнёс Майк, после чего они с Гербом одновременно осушили бокалы, громко поставив их перед Ричардом.

– Не понимаю, как они потом живут с этим? Ты можешь плакать, можешь ссать под себя, но должен молчать, – проговорил Герб сквозь стиснутые зубы и попросил Ричарда налить пива другого сорта.

– Спасибо, от этого меня уже тошнит, – поблагодарил Герба Майк шёпотом, чтобы Рич не услышал.

– Шанс, что нас поймают, практически нулевой, брат. У

нас свой купленный охранник на ферме. У нас у каждого дома со специально оборудованным подвалом под разделку туш. У нас есть всё. И у тебя будет всё, Майк. Ты умеешь разделывать тела? – с надеждой в голосе спросил Герб.

– Я умею, – промолвил он и кивнул с видом знатока. Его глаза загорелись пламенем. В разделке туш ему нет равных. И деньги, в их семье снова будут деньги! Элис и Мэгги больше не будут голодными, и через несколько месяцев он сможет позволить себе подержанный кар. И ещё робопомощника. Они обставят дом новой мебелью. Перед глазами предстала картина, как он дарит своей жене какое-нибудь ювелирное украшение. «Кольцо, да, точно, кольцо. Или, может, браслет?» – подумал Майк. – В разделке туш мне нет равных, – нескромно заявил он.

– Отлично, – громко воскликнул Герб, не сдержав нахлынувшей радости, затем пугливо посмотрел по сторонам и продолжил: – Я люблю тебя как брата. Поэтому буду говорить прямо. Ты хороший человек. Новые люди нам не помещают. Нам тяжело справляться. Если ты согласишься вступить к нам, мы будем безмерно рады. Скажем, завтра соберёмся за ужином и всё обсудим, о'кей? – Герб резко замолчал, увидев сомнение в глазах друга, и задумался. Немного помолчав, он продолжил: – Подумай о дочери и жене.

После этих слов Майк дерзко посмотрел на Герба и хотел было что-то возразить, но настроение тут же упало и желание ругаться тоже. Он подумал о том, как жалко он и его жена

выглядят со стороны. И дочь растёт в нищете. Майк уступил непоколебимой настойчивости Ниеро.

– У меня нет даже на автобус.

– Вот, возьми, брат, – сказал Герб и, ловко достав портмоне, не менее профессионально извлёк оттуда деньги. Майк, толком не осознавая, взял две сотни единиц, но, тут же опомнившись, безуспешно попытался сунуть деньги обратно другу.

– Мы придём, – сказал он. – Только... я сначала должен поговорить с женой. Хотя нет. Я бы не хотел втягивать её.

– Подожди, так не пойдёт. Мы работаем в паре. Муж и жена. Сейчас объясню, почему, – сказал Герб, снова оглядевшись по сторонам. – Во-первых, тебе не придётся объясняться за свои ночные вылазки. А во-вторых, в случае развода жена не сможет на тебя настучать, так как сама замешана в преступлении. Всякое бывает, сам понимаешь. Были у нас тут одни. Разругались в хлам и оба побежали в полицию. Встретились они в участке с ошарашенным видом, а на следующий день попрощались, сидя на стульях, в ожидании смертельной инъекции на казни. Хорошо хоть никого из нас не заложили.

– Хорошо, Герб, мы с Маргарет придём завтра и скажем свой ответ, – пообещал уже довольно пьяненький Митчелл, пролив пиво на свои потёртые джинсы.

– Быть лучшим в каком-нибудь деле – большая редкость. Не думаю, что ты захочешь от этого отказаться, – с недоуме-

нием сказал Герб. – В любом случае я всегда рад помочь тебе. Откажешься ты или нет, ты всегда можешь попросить денег у нас. И не надо ничего отдавать. Теперь ты всё знаешь обо мне.

– Спасибо, Герб, – дрожащим голосом сказал он, не сдержав выступившие на глаза слёзы.

– Ну, давай ещё по бокалу – и по домам! Ричард, наливай, – потирая ладони, прокричал Ниеро.

Три часа спустя Майк Митчелл, пошатываясь, ехал в автобусе. Сколько он уже не пил хорошего пива? Лет десять, наверное. Хорошего пива, а не этой мочи из бедного квартала. После него похмелье просто жуткое. Дома все уже спали. Майк снял с себя рубашку и лёг под одеяло к Маргарет. Почти забывшись сном, его встревожил неприятный громкий звук, являющийся постоянным гостем в их семье. Он услышал, как урчит у неё в животе. Его вдруг охватила злость, и он грубо толкнул жену, разбудив её.

– Что случилось? – испуганно спросила она. Майк рассказал ей о разговоре с Ниеро. Она внимательно выслушала, и во время рассказа её руки дрожали. – Если нас поймают второй раз, мы уже не отвертимся. Что тогда будет с Элли? Хочешь, чтобы она выросла в детском доме? Ты ведь знаешь, что там делают с хорошенькими девочками и мальчиками.

– Герб сказал: шанс, что нас поймают, практически нулевой. Вся группировка состоит из таких же семей, как мы. Мы больше не будем голодать. Никогда. Я обещаю, любимая. Мы

сможем купить тебе косметику из «Красоты будущего». Ты ведь так хотела её. Мы сможем купить робопомощника. Ну, пожалуйста, я тебя прошу, давай попробуем, – умоляющим тоном проговорил Майк. Он пытался заморозить жену обещанием чудесной жизни в мире, где честным трудом несовершенный много денег не заработает.

– Я боюсь, Майк. Боюсь за нас, – разревелась Маргарет.

– Хуже уже не будет. Мы и так живём в аду. Давай для начала сходим к ним, пообщаемся, забудем хотя бы на время о своих проблемах в новом обществе. Забудем о чёртовых долгах. Оставим Элис с соседкой. Я постоянно чиню её чёртова пса. Она не сможет отказать.

После этих слов Маргарет задумалась. Майк был прав. Так жить невозможно, но, с другой стороны, они рискуют всем.

– Мы можем отказаться в любой момент, – продолжал Майк. – Давай просто сходим, познакомимся со всеми и ещё раз всё обдумаем, хорошо?

– Да, – ответила Маргарет, привыкшая к его бесконечным бредням о лучшей жизни, и уступила бычьему упрямству мужа. Она была одной из таких людей, которые предпочитают согласиться с собеседником, чтобы избежать конфликта.

Майк не мог уснуть, несмотря на то что был пьян. Он воображал, как изменится их жизнь в случае согласия. Представлял, как они едут на собственном катере на озеро. На собственном катере! Представлял, как будет возиться с машиной

в гараже. У них рождается сын, который никогда не узнает бедности, и, когда подрастёт, Майк объяснит ему устройство кара. Дети смогут поступить учиться в приличное заведение. С этими мыслями Майк погрузился в глубокий сон.

* * *

Это случилось давно. До ядерной катастрофы. Отец Герба освободился из тюрьмы. На пути к своему ветхому домишке на окраине деревни он решил заскочить к младшему брату и по совместительству бывшему коллеге, который довольно-таки неплохо обустроился за то время, пока Ниеро-старший изо дня в день на протяжении пяти лет отчаянно боролся за свою жизнь, стараясь остаться порядочным человеком. Бывший поделщик отстроил второй этаж и даже бассейн во дворе, что смотрелось совершенно нелепо в деревушке, в которой обычный телефон казался невообразимой роскошью. Оказавшись в тюрьме, времени подумать, как же так получилось, что неуловимого преступника всё-таки поймали, причём прямо на месте преступления, оказалось более чем достаточно. Шикарный вид дома брата напроць отсёк все сомнения в том, сохранил ли он куш, и, конечно, главный вопрос: кто же настучал в полицию? И казалось, больше нечем удивить Александра Ниеро, но после нажатия на кнопку дверного звонка его встретила собственная жена в домашнем халатике, украшенном синими птич-

ками. Они несколько секунд смотрели друг другу в глаза, после чего Мари сделала два шага назад и прижалась к стене так сильно, насколько это было возможно, лишь бы не оказаться в опасной близости от мужа. Если бы она могла вскарабкаться на потолок, то, не раздумывая, так бы и поступила. Ниеро отвёл от неё взгляд и твёрдым шагом прошёл в дом. Он сначала не узнал своего брата, который отрастил брюхо и походил скорее на беременную женщину, но знакомые татуировки на обвисшей груди прояснили личность этого мужчины в смешных зелёных трусах.

– Ну, здорово, Гильермо, – низким басом поприветствовал своего родственника Ниеро, присаживаясь на стул. Буря эмоций пронеслась в глазах Гильермо.

– Брат, как я рад тебя видеть! – с наигранной радостью выдавил он из себя. Сначала он хотел его обнять, но по леденящему душу взгляду понял, что этот жест будет не к месту. Гильермо торопливо подошёл и протянул руку, но Ниеро с отвращением повернул голову в сторону.

– Никогда больше не называй меня братом, скотина, – сказал Ниеро.

– Саня, дай объясниться, – взмолился Гильермо, сверкая своими белоснежными и ровными зубами.

– Ты всегда был дурачком, – перебил его Александр и засмеялся глухим смехом, лишённым даже намёка на человеческий, на его былой смех. – И тот факт, что ты жил припеваючи, пока я гнил на зоне, не отменяет твою глупость. Ес-

ли бы я был такой же мерзкой крысой, как ты, я бы точно уехал из этой сраной деревни, – медленно, растянуто сказал Ниеро.

– Дай мне время. Я продам всё и верну твою долю, – тяжело опустился на колени растолстевший Гильермо.

– Сейчас! – вдруг закричал Александр. Он схватил нож и начал что-то чертить на дорогом столе. – Сейчас, Гиля, – уже совершенно спокойно повторил он и ножом описал дугу.

Гиля рванул вверх по лестнице со скоростью, не присущей его размерам. Спустя пару минут он, улыбаясь, вручил Ниеро чёрную, искусно отделанную кожаными вставками папку. Открыв её, Александр увидел два перетянутых резинкой прессы зелёных наличных и два приглашения в Надежду. Держа в руках деньги, которыми он бредил всю свою сознательную жизнь, сейчас они никак его не вдохновляли. Кроме того, они выглядели неправдоподобно в этом захолустье. Сейчас он уже совершенно ясно осознал, что единственным счастьем для него является его сын, который сейчас ждёт его. Он понял, что находится совсем не в том месте. Неожиданно в кухню вбежала жена Ниеро. Как коршун вцепившись в папку, она выдернула Александра со стула.

– Это моё! – завопила она, отскочив в угол. Несколько ударов ножом в спину повалили Ниеро на пол. Следующий удар от Гили, нанесённый в горло, стал смертельным.

– Сдохни, – нежно произнёс Гильермо.

– Наши приглашения, – судорожно гладила папку взъеро-

шенная перепуганная женщина и пнула в пах умирающего Александра. Из рассечённой артерии, булькая, выходила кровь.

– Почему ты не сказала, что он сегодня выходит? – тяжело дыша, спросил Гиля и попёр на новоиспечённую вдову, крепко сжимая нож.

– Гиленька, успокойся, – отступая, закудаhtала Мари. – Он общался только с Гербом! Герб ничего не говорил! – вопила она. Гильермо положил окровавленный нож на стол.

Тем временем неподалёку молодая влюблённая парочка ожидала Александра в его доме. Сидя у камина, Герба тревожило опоздание отца.

– Может, он зашёл к Гиле? – предположила Рейчел.

– Он бы, наверное, в первую очередь пришёл домой, а не к жирному мудаку, – ответил Герб.

– Извини, мне просто не по себе в этом месте.

– Мне тоже. Но отец сказал ждать его именно здесь. Надо было встретить его на вокзале. Чёрт! – выругался Герб. В голове вырисовывались ситуации, одна страшнее другой – представления о том, что случилось, если отец и вправду решил сначала зайти к дяде Гильермо. Он знал, что если больше двух членов семьи Ниеро в сборе, то дело дрянь.

С трудом уговорив Рейчел остаться в доме Ниеро-старшего, Герб направился в дом Гильермо. Звонок трезвонил, но дверь никто не открывал. Дёрнув ручку, дорогая железная дверь отворилась. Герб вошёл в дом. От лужи крови на кух-

не тянулся след к заднему двору. Ниеро даже обрадовался тому, что отец прикончил этого ублюдка. Больше, чем свою мать, переехавшую в этот дом пять лет назад, он ненавидел Гильермо. И вдруг кровь отлила от его лица. Мари сидела на газоне с кожаной папкой в руках и, задрав халат, мочилась в яму, которую мокрый от пота Гиля закапывал. Из земли всё ещё виднелась голова мёртвого Александра. Ручеёк стекал с его носа. Ненависть переполнила Герба, вскипела и, брызгая, перелилась через край. Двустволка, непредусмотрительно оставленная Гильермо, стояла, облокотившись на стену около двери. Гиля не знал, что этой ошибкой перечеркнул всю свою жизнь. Герб взял в руки ружьё, проверил, заряжено ли оно. На характерный звук оглянулись и мать, и дядя. Гильермо хотел было что-то сказать, но выстрел перебил его. Вонзившаяся в его жирное тело дробь вместо внятных слов заставила Гилю вскрикнуть и упасть к своему брату.

– Сынок, это не то, что ты думаешь, – проворковала Мари. Герб в упор смотрел на мать. Та ничуть не смутилась пристального взгляда. Она сменила тон на более уверенный. – Ну и что ты?! Убьёшь мать?!

Герб наставил на неё ружьё.

– У меня всегда был повод убить тебя, – ответил Герб и бросил оружие. Мать расценила этот жест как помилование и медленно мелкими шагами приблизилась к сыну. Она всё ещё не выпускала папку из рук.

– Скоро мы все умрём, – сказала она, остановившись в

полуметре от него.

– Я знаю, что в папке.

– Всё, что в папке, моё.

– И я знаю, что в мире нет ни единого человека, кому бы ты могла подарить пропуск. Включая меня. Ты лучше сожжёшь его.

– Я никому их не отдам.

– У тебя их никто не забирает, – процедил Герб и направился к выходу. Он и Рейчел уже давно решили заселиться в Надежду. Неделей раньше они продали квартиру, новые жильцы которой, несмотря на зловещие лозунги о приближении конца света, не верили, что жить им осталось считанные дни. По телевизору говорили многое. Правда и ложь попеременно лились из экрана и динамиков, и никто не знал точно, стоит своих денег билет или же нет. Квартира принадлежала Рейчел. Они купили три пропуска. Третий предназначался Александру. Осознав, что в этом мире их больше ничего не держит, на следующий день автостопом они отправились в Надежду. На одной из заправок Рейчел подслушала не совсем приятный разговор двух мужчин. Владелец заправки пытался продать седому мужчине фальшивый пропуск в Надежду. Седой, возмущённый тем, что зря тащился в такую даль, кричал на продавца, что хотел сделать подарок дочери, затем плюнул ему на прилавок и сел в свой старый пикап. Рейчел взглянула на Герба. Тот уже доставал из своего рюкзака пропуск, и спустя несколько секунд этот незамыслова-

тый документ держал совершенно незнакомый человек. Они отдали заветный листок бумаги просто так, не требуя ничего взамен, и ничуть не жалели, получив в ответ лишь одно слово, которое многие уже и не помнят.

Денег в кожаной папке матери Герба хватило на два дня. После чего её закопали рядом с мужем и Гилей её же дружки.

* * *

К утру Майк ещё не протрезвел и пошёл на работу с отвратительным настроением. На этот чёртов завод, который забирает всю жизнь и не возмещает потерянные годы абсолютно ничем. Он каждый день по восемь часов без обеда и перерывов свинчивал детали аккумуляторов и знал все чертежи так, что смог бы собственноручно собрать его у себя дома. Такие аккумуляторы стали популярны из-за колоссальной ёмкости при небольшом размере. Но у них был один недостаток. При сильном перегреве они взрывались. Не так давно погиб рабочий. Некачественно соединив контакты, аккумулятор при тестировании начал нагреваться и вспыхнул. Обуглившееся тело вопило и дёргалось на бетонном полу, пока мужчину не увезла скорая. Аккумулятор успели вовремя потушить робопомощники, и поэтому взрыва удалось избежать. Теперь обгоревшего коллегу можно было встретить на улицах бедного квартала. Он просит милостыню.

Митчелла всё больше мучило нарастающее дикое похме-

лье, и, само собой, желание работать отсутствовало. Приятно удивило, что Герб припрятал в раздевалке за вентиляционной решёткой упаковку пива. Это было хорошее дорогое пиво. Не такое, как у Ричарда. Звук открывающейся банки напомнил прекрасные деньки на ферме, когда они с отцом сидели на траве с точно такой же упаковкой жестяных банок, и весь мир казался родным, а все люди – одной семьёй. Сейчас всё с точностью до наоборот. От одного аромата этого пива веяло свободой. Волна вкуса прошла по его языку. После нескольких глотков дрожь опустилась, провалившись в желудок, а затем и вовсе исчезла. Складка меж его тёмных густых бровей, наряду с жадными глотками, постепенно разглаживалась. Напиток расширил кровеносные сосуды, выветривая головную боль. Митчелл и Ниеро успели осушить по две банки до того, как их начали искать. Герб приоткрыл решётку вентиляции и поставил туда оставшееся пиво, после чего, сбив замок молотком, открыл шкаф бригадира, бесцеремонно швырнув туда пустые банки.

Со стороны лестницы послышались странные звуки. Это бригадир поднимался, стуча своим деревянным протезом. Раньше он работал помощником полиции, или, короче говоря, стукачом. За свой гнилой язык он лишился ноги, но с помощью его новых связей его пристроили бригадиром на завод по производству аккумуляторов для каров. Никто точно не знал, откуда зародилось это правило – отрезать стукачу ногу, но Герб безосновательно считал, что такое наказание

придумала русская мафия. Дверь распахнулась, и в раздевалку вошёл бригадир. Его улыбка, не щадя зрение мужчин, с отвращением глядевших на него, открывала пожелтевшие зубы, криво торчащие из воспалённых красных дёсен. Бригадир подошёл к Ниеро так близко, что, казалось, проткнёт его грудь своим длинным острым носом.

– Так-так, Ниеро и Митчелл. И что мы тут делаем? – внимательно с ехидной улыбкой осмотрел бригадир мужчин и обнюхал их. – Пьём, что ли?

– Здоров, каракатица, – поздоровался с ним Герб, с наигранным сочувствием глядя на его ногу. Затем громко рыгнул ему прямо в лицо. Бригадир сильно попятился назад. Не устояв на ногах, он рухнул, повалив вслед за собой чей-то шкафчик. Когда Митчелл с Ниеро вышли из раздевалки, в их сторону уже пялилась вся бригада.

– Там бригадир немного перепил и упал, – сказал Майк, глядя на них.

– Ага, – подтвердил Герб. – У него полный шкафчик пустых банок, – улыбнулся Герб, указывая большим пальцем в сторону раздевалки.

Настроение у Майка заметно улучшилось после выпитого пива, но день всё равно тянулся дольше обычного. Майк не мог дождаться вечера, чтобы встретиться со всей группировкой, прояснить детали и, самое главное, нормально поужинать человеческим мясом. После работы, когда наконец Маргарет из своих двух старых платьев выбрала подходящее

и впервые обула замшевые ботинки, хранившееся для особого случая, Митчеллы пошли на ужин. Дом Герба был недалеко, можно было дойти пешком. Хотя другого выбора у них не было, так как лишних денег на автобусный билет не оказалось. По входной двери было невозможно определить, что тут живут далеко не бедные люди. Коврик для ног, без сомнений, стоил дороже двери. Прежде Майк никогда не переступал этого порога, он даже не мог вообразить, что его ждёт внутри.

Позвонив в дверь из резного настоящего дуба, она отворилась. Робопомощник дружелюбно поприветствовал их взмахом своей клешни и проводил гостей в дом. Робот серебристого цвета с двумя маленькими вертикальными красными полосками вместо глаз взял потрёпанное пальто Майка и выцветшую, коротенькую, с маленькой заплаткой на спине курточку Маргарет. Он аккуратно повесил верхнюю одежду в шкаф, который источал еле ощутимый приятный аромат. Сразу стало понятно, что хозяйева дома используют полироль «Красота будущего» для ухода за мебелью. Маргарет узнала этот запах, такой же, как в доме, где она работает. Весь дом щедро благоухал свежестью дерева. Искусственные папоротники, розы и бегонии украшали прихожую. Робот новой модели произвёл на Майка такое сильное впечатление, что тот застыл на месте, уперевшись ладонями в колени, смотрел на него и улыбался.

– Пожалуйста, проходите сюда, – громко сказал Герб, по-

явившись в коридоре.

Маргарет ткнула Майка локтем в бок, чтобы тот наконец оторвался от работа, отчего Герб засмеялся. Майк стыдливо снял свои раздолбанные кроссовки.

– Новая модель. Пи 142. Умеет даже менять масло в каре, – продолжил Герб сквозь смех. От слова «кар» у Майка заколотилось сердце. Митчеллы неуверенно прошли в гостиную, и вдруг на лестнице возникла некая особа ослепительной внешности. – Ну что же, дорогие Майкл и Маргарет. Я вижу тень нетерпения на ваших лицах. Знакомьтесь, это моя жена Рейчел, – с улыбкой произнёс Герб, показывая рукой в сторону лестницы.

Майкл прежде не видел такой женщины. Брюнетка. Её талия, бёдра – эталон красоты. Её изящное серое платье, бойко насыщенное грудью, обтягивало её как пищевая плёнка. Её объёмные волосы пружинили, и оторваться было невозможно. Она спускалась по ступеням, держа между пальцев электронную сигарету. Митчеллы прямо уставились на неё. Когда она подошла ближе, Майкл почувствовал её аромат, такой приятный, что он захотел навалиться на неё и просто вдыхать этот запах.

– Очень приятно, Майкл и Маргарет. Мы очень рады вас видеть в нашем доме. Проходите сюда, – сказала Рейчел, указав вглубь гостиной. Голос её был таким же сладким, как и её запах. Она затянулась и, приоткрыв свой восхитительный ротик, выпустила тонкую струйку дыма.

– Это Стивен и Элатива Нолан, – Герб указал на пару, сидящую у камина. В ответ они кивком поприветствовали Митчеллов. У Стивена были чёрные усы, словно щётка под носом, и парик, на котором залакированные волосы напоминали форму морской волны, и он сильно сутулился. Он был коротышкой с кривыми ногами лет шестидесяти, а его жене примерно тридцать. Она выглядела уставшей, несмотря на то что не пренебрегала косметикой. Её коротенькие серые волосы, крохотные глазки, как пуговицы, испуганно бегающие туда-сюда и необычайно огромный нос делали её лицо похожим на крысиное.

– Это Джордж и Эллен Левит, – Герб указал на красивую пару молодых людей, сидевшую напротив Ноланов. Джордж – высокий, худощавый, аккуратно причёсанный, с волевым подбородком, и жена – высокая блондинка с пухлыми губами – поприветствовали кивком. – А это Джон и Аделин Миллеры, – сказал Герб, отойдя в сторону и открыв супругов Миллер, сидящих на диване у него за спиной. Джон кинул на Майка острый взгляд, как бы опознавая его, а затем выражение его лица резко сменилось полным глуповатым безразличием.

– Могли бы найти кого-нибудь посolidнее, – очень тихо произнёс Джон на ушко своей жене, прикрыв рот рукой, затем он встал, выпрямился, и они с Майком обменялись крепким рукопожатием. Маргарет, в отличие от мужа, услышала эту обидную фразу и от неловкости опустила голову вниз.

– Миллеры совсем недавно к нам присоединились. Аделин, скажи, твой муж случайно не пересчитывает по ночам деньги? – с ухмылкой произнес Герб. Аделин в ответ криво улыбнулась. Джон сделал вид, что сейчас кинет в Герба подушкой, лежащей на диване, но тот укрылся за своей женой Рейчел, чем вызвал писклявый смех у Элативы. Супруга Миллер держалась слегка натянуто и отчуждённо, и выглядела она очень скверно, из чего Майкл сделал вывод, что её, несмотря на наличие денег, совершенно не заботит собственный внешний вид.

– У вас есть друзья? Ну, в смысле с кем вы вообще общаетесь? – сказал Джон, громко, не щадя полировку, поставив на журнальный столик свой бокал. Робопомощник шустро подъехал, поднял бокал и подложил под него бирдекель.

– Ну, у нас как бы и нет друзей, – тихо ответил Майк. – Кроме Герба, конечно, – поспешно добавил он.

– А я? – улыбаясь, спросила Рейчел, указывая на себя большими пальцами. Мэгги замороженно смотрела на её длинные покрашенные чёрным лаком ногти с приклеенными стразинками.

– Да, Майк, вы с Маргарет можете считать нас всех своими друзьями. Мы очень этого хотим. Правда ведь? Джордж, Стивен, Джон, скажите? – обратился ко всем Герб и положил руку Майку на плечо.

– Конечно, конечно, – сказали все хором.

– По вам видно, что вы хорошие люди, – сказал Джон и то-

же положил руку Майку на другое плечо, но резко отдёргнул, брезгливо посмотрев на свою ладонь, тем самым снова пытаюсь обсмеять внешний вид Митчеллов. В ответ он в очередной раз получил от Герба взгляд, полный ненависти. Шутку оценила только Аделин, жена Джона. Она хихикнула, а затем начала внимательно изучать платье Маргарет. Она ощупала платье, сжимая ткань большим и указательным пальцами, и скорчила недовольное лицо, чем заставила Мэгги жутко покраснеться.

– Джон, почему ты всегда берёшь себе мозги? Моя жена тоже их любит. Особенно мои, – сказал Герб и ткнул Митчелла локтем в бок, чтобы тот оценил его шутку. – Хотя ладно, можешь забирать их себе. Они тебе нужнее, – снова пошутил Герб. Все, кроме Миллера, засмеялись. Даже Аделин, прикрыв рот, издала звук, похожий на крик чайки. Желудок Майка в ответ на запах запечённого мяса отозвался голодным спазмом.

– Пройдёмте к столу, – торжественно объявила Рейчел. – Маргарет, можно тебя на секунду? – спросила Рейчел и потащила её за руку на кухню. Маргарет посмотрела на мужа, выразив удивление, и прошла вслед за ней. Кухня была огромной. Робопомощник в поварском колпаке держал в своих клешнях огромные серебристые, узорчатые блюда, на которых громоздились большие куски мяса. Маргарет осмотрела кухню широко открытыми глазами. Прежде она никогда не видела столько разнообразной бытовой техники в од-

ном помещении. Её взгляд остановился на губной помаде, небрежно валяющейся в углу дорогой каменной столешницы. На помаде красовалась золотая надпись «Красота будущего». Маргарет, мягко говоря, поразило такое непростительное обращение с этой замечательной вещицей. Если бы такая помада принадлежала ей, то совершенно точно хранилась бы в хорошо спрятанной шкатулке с драгоценностями. Рейчел взяла помаду, затем артистично развернулась, поднявшись на носки, и очень близко подошла к Маргарет.

– Разрешить? – спросила она, и Мэгги машинально кивнула, не смея сопротивляться. Она прикрыла глаза и ощутила нежное тёплое прикосновение. В два движения новая подруга накрасила ей губы. – Так-то лучше, – расплылась Рейчел в улыбке. Робопомощник быстро поставил поднос с едой на стол и непонятно откуда достал зеркало и поднял его на уровень глаз Маргарет. Она увидела, как помада медленно расплзлась по форме её губ, придавая им нежность и лёгкий объём.

– Спасибо, Рейчел. Это прекрасно. Как они это делают?

– Не знаю. Разве это важно? Важен только результат. Я хотела сказать, что мы очень хотим, чтобы вы присоединились к нам. Вы нужны нам, а мы нужны вам. Ну, пойдём, – сказала Рейчел, и они вернулись в гостиную.

Маргарет не сводила глаз с размалёванных жён. «Красота будущего» действительно творит чудеса. Ей было стыдно за свой внешний вид, а Майк пытался есть медленно и акку-

ратно, но после постоянных недоеданий у него плохо получалось держать себя в руках. Общение со всеми приглашёнными на ужин складывалось легко. Все шутили, смеялись и неподдельно радовались будущей совместной работе. Особенно сильно всех веселило, когда Джон пытался обратиться к Гербу, разговаривая как-то по-особому: глубоко, властно и деловито, на что тот обзывал собеседника глупым колхозником, передразнивал и просил приберечь свои чересчур утончённые манеры для судей. Митчеллу эти шутки не казались смешными, так как было заметно, что Аделин очень неловко за своего мужа. Когда Герб подшучивал над Джоном, она опускала глаза вниз и жутко краснела. К тому же противный смех Миллера, напоминающий кричащую утку, вызывал отвращение. Майк подумал, что это жалкие попытки Джона влиться в коллектив, но его старания были не к месту, ведь все и без того хорошо относились к нему. Но Джон был слишком глуп, чтобы увидеть общую картину. Правда, Герб частенько перебарщивал со своими издёвками, и это служило поводом для ссоры с Рейчел. Иногда даже доходило до скандала, и Ниеро приходилось извиняться перед Миллером.

После ужина женщины остались на кухне, а их мужья пошли на задний двор. К дому была пристроена галерея, ведущая в сад, в которой было очень много любопытных фигур из стекла. В них переливался свет из разноцветных ярких ламп. Зрелище было бесподобным. Особенно много бы-

ло животных, от крошечных, стоящих на полках, до больших, выше человеческого роста.

– Рейчел любит животных, – объяснил Герб, обратив внимание на то, как его друг осматривает молодого мускулистого льва, сделанного в натуральную величину. – Я подарил ей эту галерею на годовщину, – с гордостью добавил он, предложив Майку сигару. Последний раз он видел точь-в-точь такую у своего отца. Это было очень давно. Отец Майка хранил её в стеклянной коробочке. Майк иногда скучал по нему, но с грустью вспоминал, в какой нищете они жили. Сейчас у Митчеллов хотя бы есть дом. Он подумал, что было бы неплохо, если бы отец сейчас жил с ними. Хотя, если бы у Майка было столько же деньжищ, сколько у его новых друзей, он бы купил отцу квартиру. Или лучше дом. Отец смог бы им гордиться.

Это был самый прекрасный ужин в его жизни. Он всегда мечтал о таком. Собираться семьями на выходных. Время уже было позднее, и Герб отвёл Майка к бассейну на заднем дворе. В тени под декоративным деревцем стоял небольшой столик со стульями. Чуть в отдалении и тоже в тени стояли детские качели и небольшая карусель с четырьмя лошадками разных цветов, над которыми раскинулся ярко-красный купол. Каждая лошадка крепилась на столбике, с помощью которого они могли подниматься и опускаться, создавая иллюзию скачки для детей.

– Это прекрасно, у меня в детстве никогда такого не бы-

ло, – радостно воскликнул Майк. Герб взял его за плечо и развернул к себе.

– Можешь забрать себе эту карусель, дружище. Твоя дочь будет жить лучше, чем ты когда-то. Всё в твоих руках. Ну что, Майк, что ты мне скажешь? – Герб произнёс последнюю фразу громче, чтобы другие услышали. И наконец его настойчивые уговоры возымели действие.

– Мы согласны. Я никогда такого не видел. Такой роскоши. Я хочу... ну, то есть мы с женой хотим вступить в вашу группировку.

– Он согласен! – закричал Герб, повернувшись ко всем остальным. Он не мог скрыть свою радость. Ниеро обнял Митчелла и проводил к столу. Джон, Стивен и Джордж встали и наградили Майка крепким рукопожатием.

– Завтра приступаем, – как будто приказным тоном сказал Джон Миллер и допил бокал красного вина.

– А ну покажи, как там было в том фильме, – обратился Джордж к Стивену.

– Ой, только не сейчас, – отмахнулся Стивен.

– Давай. Попробуй ударить ногой с разворота, – не унимался Джордж. Он подтянул брюки и продемонстрировал удар.

– Боюсь, что я буду выглядеть глупо.

– Стивен, дружище, ты ведь понимаешь, что мы не отстаем, – подключился Герб.

– Понимаю, – ответил он, вытирая салфеткой рот. Под-

тянув брюки, как Джордж, Стивен попытался воспроизвести удар, но, потеряв равновесие, рухнул на детские качели. Верёвка натянулась и оборвалась, отчего маленькое сиденье упало на землю под тяжестью взрослого мужчины.

– Ты был прав, – хохотал Джордж вместе с остальными. – В жизни не видел ничего глупее.

Через некоторое время, когда все уже изрядно напились, начались задушевные разговоры. Было уже около двух часов ночи, и, когда дом наполнился сонной атмосферой с зевающими гостями, все начали расходиться. Перед уходом Герб всучил Майку целый термोरюкзак замороженного мяса. Маргарет первый раз за долгое время улыбалась, но, как всегда, осталась немногословной. По дороге домой, в то время как Майк делился своими, в общем-то, хорошими впечатлениями о новых знакомых, она постоянно трогала языком свои покрашенные губы. Ей понравилась Рейчел своей миловидностью и изысканными манерами, и к тому же она замечательно готовила, что было их общей чертой. Улыбка не сходила с лица Майка, хотя рюкзак больно тёр плечи по свежим мозолям от лямок тяжёлого рабочего комбинезона. Но это было неважно. Митчелл чувствовал, что счастье уже близко.

Герб Ниеро начинал похищать тела сам со своей женой, но позже сплотил целую группировку, выбирая исключительно из тех, кого хорошо знал и в ком был уверен. Джордж с женой были первыми, кого он пригласил в группировку. Левиты не

нуждались в деньгах, а скорее, в острых ощущениях. Раньше Джордж состоял в Белой общине, в чём признался Гербу, а позже и всей северной группировке. Несмотря на скверное прошлое, Герб доверял Левиту. Джордж по его просьбе внёс почти все свои деньги в начальное развитие группировки. Левит купил надёжный фургон и оборудовал подвал для разделки туш всем необходимым себе и другу. К тому же Левит тайно женился на несовке Эллен, что безоговорочно снимало с него подозрения о причастности к Белой общине.

Белая община в своё время создала много проблем и несчастий несовам, отстаивая такие идеи, как превосходство Новой расы и уничтожение несовершенных за неправильные политические взгляды самым жестоким образом. Это тайное общество зародилось после того, как препарат «Новая жизнь» закончился, и состояло исключительно из очень обеспеченных совершенных. Имея богатый послужной список террористических актов, некоторые люди думали, что именно община виновна в ядерных взрывах. Такого же мнения придерживался и Герб, но Левит это мнение опровергал, говоря, что Белая община развалилась и большая её часть погибла при взрыве, на что Ниеро уверенно заявлял, что она существует и сейчас.

Белая община имела сложнейшую систему конспирации. Они никогда не собирались в одном месте, не оставляли свидетелей, большинство не знало имён друг друга, а огласка секретов каралась смертью. Вламываясь в дома без преду-

преждения, они убивали тех, кто переходил им дорогу, а иногда и просто ради развлечения. Характерной чертой был пожар, который община устраивала после убийства, чтобы не оставить улики, но изредка им приходилось не использовать грубую силу. Они не писали угроз, только лишь белый запечатанный конверт с чистым листком бумаги приходил будущим жертвам. Если жертва игнорировала предупреждение, её жестоко убивали, а затем сжигали. Правительство их действия не одобряло, потому что чем меньше несовершеннолетних, тем меньше рабочего класса, но зачастую особых усилий в расследовании этих убийств не прилагалось.

Нолан Стивен раньше считал себе верующим человеком. Мечтой всей его жизни было построить храм. И после того как он отдал все свои силы на скорейшее возведение небольшой церкви, открыв её своей скромной свадьбой, храм сожгли вместе с его первой женой Триной, которая всегда яростно, но безуспешно отстаивала права несовершеннолетних. Хотя беда смахивала на несчастный случай, Стивен подозревал в поджоге одного несова, так как незадолго до этого у них произошла стычка из-за духовных разногласий. Во время ареста вместо попытки оправдаться он громко смеялся, широко открыв рот. Указывая на Нолана пальцем, он яростно кричал:

– Так тебе и надо, святоша!

Под пытками несов во всём сознался, и Герб по просьбе Стивена с помощью своих друзей организовал убийство под-

жигателя в тюрьме, который умер от двадцати восьми ранений вилкой в шею. Вдовец отомстил и после этого перестал верить в бога и надолго впал в депрессию. Ниеро с Джорджем предложили ему работу. Стив согласился, и после того как душевная боль стихла, заработал приличный капитал, женился на племяннице умершей супруги, которая, в свою очередь, будучи непривлекательной особой, боясь остаться одной до окончания своего века, с радостью приняла его предложение и смогла полюбить мужа.

Джон Миллер примкнул к группировке, после того как чудесным образом спас Герба от смерти в Доме Правосудия за глупую драку с совершенным. У Ниеро это было уже не в первый раз, и Джон обзвонил всех своих знакомых и помог Гербу избежать заключения. Потом они подружились и ещё долгое время общались. Миллер постоянно ныл, что, даже будучи совершенным, он очень беден и денег прокормить семью не хватает, и Ниеро дал ему возможность подзаработать, о чём в скором времени пожалел, потому что руки у Джона, несмотря на все его старания, не предназначены для такой работы. Он уже хотел было его выгнать, но Рейчел, испытывая к неуклюжему Миллеру жалость, попросила мужа этого не делать.

Глава 5

2075 год

– Вы понимаете, что он станет совсем другим человеком? – спросила доктор Айрис. Она имела привычку каждый раз после своего вопроса окидывать взглядом всего собеседника. Сделав паузу, миссис Стоун, чувствуя себя неловко, некоторое время смотрела на Айрис. Эта обстановка жутко напоминала ей вгоняющие в краску бесконечные вызовы к директору школы по поводу неприемлемого поведения сына. В такие моменты в её голове крутилась мысль о том, как же всё-таки она могла связать свою жизнь с несовершенным, и к тому же неисправимым уголовником.

– Я понимаю, но ведь это лучше, чем смерть. Я хочу, чтобы мой сын жил. Я хочу просто знать, что он жив, – ответила миссис Стоун, и её нижняя губа слегка дрогнула. Она попила воды из прозрачного стакана. Ходила она большей частью в чёрном и всегда с невероятно высокой причёской. На её глазах выступили слёзы. Айрис выложила на стол прозрачный пакет с дуствольным револьвером с серебряной рукояткой, что вызвало у миссис Стоун лёгкий мандраж. Снова её опасения по поводу сына подтвердились. Опять он что-то натворил.

– Мы нашли это в машине вашего сына. Поймите меня правильно, но я считаю, не попади он к нам, его привычный образ жизни не привёл бы ни к чему хорошему, – кисло подметила Гринн.

– Что? У моего Лео? Не может быть, это какая-то ошибка. Мой мальчик никогда бы не стал носить с собой эту штуку, – попыталась оправдать сына миссис Стоун. Её пухлые щёки затряслись, и лицо покрылось пятнами.

– Эта штука принадлежала человеку, который снабжал наркотиками весь город, он насиловал женщин и убивал людей. Вчера разведка сообщила, что он мёртв. Его звали Джаред Голд. Ваш сын убил его. Вашего сына можно назвать героем, ну так пусть он и дальше служит нашей Надежде.

– Я, честно сказать, ничего не знаю. Он как-то ушёл и не появлялся дома несколько дней. Но я могу с уверенностью сказать, что всё это из-за его шлюхи Эффи, – заявила миссис Стоун. Она прекрасно видела, что Гринн не верит ни единому слову. Не выдержав пронизывающего взгляда, миссис отвела глаза. – Я абсолютно откровенна с вами, мисс Гринн.

Айрис, хрупкая интеллигентная женщина, жестикулировала с таким изяществом и сверлящим взглядом смотрела на собеседника, настороженно изучая миссис Стоун. В ней чувствовались сила и уверенность. Она говорила чётко, громко. Казалось, доктор видит миссис Стоун насквозь, сканируя её своими глазами. Они сидели в белоснежной комнате с явным перебором круглых светильников на потолке. Стоило миссис

Стоун немного поднять глаза, как яркий свет ослеплял её.

– Спасибо, мы обязательно с ней свяжемся. Ваш сын оказал нам услугу. Он станет хорошим солдатом. В договоре в пункте три точка пять написано о том, что посещения не разрешаются. Это для его же блага. Таковы условия, и как бы вам ни хотелось, нельзя к нему приходить.

– Почему я не могу забрать своего мальчика домой? Дайте нам этот таллий, или как там он называется, и мы с мужем заберём его.

– После заражения возникает частичная амнезия. Его память постепенно разрушается, и через две недели он не будет помнить ничего из своей прошлой жизни. Требуется полностью заменить её. Также усложняет ситуацию то, что он является совершенным, – сказала доктор, её глаза заискрились. – С совами мы ещё не работали.

– Я всё расскажу ему. Буду его учить.

– Это невозможно, миссис Стоун. Я же объясняю вам: он не может обучаться. Такова цена его жизни. Обучения его мозг не выдержит, и он превратится в овощ. Требуется специальная операция, наши врачи заполняют его память другими, нужными нам навыками. Специальными немногочисленными навыками, которые не навредят. Его память отныне ограничена, а мы точно знаем, сколько и чего можно загрузить в голову вашего сына.

– Почему же нельзя загрузить в него его старые воспоминания?

– Их слишком много, мы лишь заполняем малую долю всей его памяти.

– Заполните эту малую долю хотя бы маленькой частью его старых воспоминаний.

– Этот свободный сектор памяти в его голове настолько ничтожен, что его хватит на воспоминания лишь одного года его жизни.

– Тогда загрузите последний год его жизни.

– Это опасно. Даже полностью уничтожив его память, могут остаться кое-какие обрывки. Мы загружаем исключительно ложные воспоминания. Если старые обрывки памяти найдут сходство с новыми, его мозг просто закипит, и это даст продолжение развитию мутации. Если бы мы точно знали, каких именно воспоминаний у него не хватает, мы бы в самом начале, пока его память ещё только начинает деформироваться, собрали бы общую картину его жизни до заражения. Но мы лишь можем безопасно загрузить новые, я повторяю, немногочисленные, нужные нам воспоминания. Вашего сына уже нет. Он заражён смертельным вирусом. Своей подписью вы даёте ему второй шанс. Он будет служить... – доктор замолчала, затем внимательно посмотрела на миссис Стоун, словно по выражению её лица определила, какие слова говорить дальше, и продолжила: – Точнее, его тело будет служить на благо общества. Он будет предотвращать инциденты, подобные тому, который произошёл с ним.

– А если он умрёт, что будет с его телом?

– Он может умереть только в том случае, если перестанет принимать таллий или его мозг будет повреждён. Мы можем заменить абсолютно все органы и части тела аналогами. Все, кроме мозга. К тому же существует малая вероятность того, что если он, например, увидит лицо своей матери или другого близкого человека, то он обратится и умрёт. Сильный толчок к старому воспоминанию убьёт его. Он должен забыть, вы понимаете? Таковы условия, вы согласны? – сказала Айрис. Последний вопрос она задала, немного повысив голос, из-за чего миссис Стоун вздрогнула и, изобразив глупое недоумение, уставилась на Айрис. – Не забывайте, что ваш сын хотел ввести вирус. Лео могли приговорить к казни, если бы он осуществил задуманное. На мой взгляд, в силу произошедшего вам вообще повезло, что ваш сын будет служить в доблестной Морали. За ношение оружия и тем более этой зловещей инъекции грозит огромный срок. И не делайте такой невинный вид. Мы оба знаем, какие гены у парня.

Миссис Стоун широко открытыми глазами уставилась на Айрис и тут же поняла, что находится полностью в её власти, ведь за интимную связь с несомом, вынашивание незаконного ребёнка-полукровки грозит жестокое наказание.

«Нет смысла отпираться и строить из себя невинность. Сама виновата», – подумала миссис Стоун и сдалась, опустив глаза вниз. Ей было и стыдно, и очень страшно. Айрис Гринн права. Лео всегда был маленьким бандитом, как и его отец, в худшем случае сына бы казнили и семья Стоун поте-

ряла бы статус благополучной семьи, который был безмерно важен для неё. Важен, ведь они так сильно хотят получить лицензию на второго ребёнка. Они хотят девочку. Миссис Стоун всегда хотела девочку. Её возмущения по поводу того, что она не может забрать сына домой, были лишь необходимостью создать статус порядочной матери. В глубине души она была рада, что так получилось. Лео всегда мешал получить одобрение на лицензию.

– Могу ли я задать вам один, возможно, не очень скромный вопрос?

– Конечно, миссис Стоун, – кивнула доктор. На её лице было написано, что она знает, какой последует вопрос, ведь всё к этому и шло.

– Могу я получить от вас лицензию на ребёнка? – спросила миссис Стоун, немного привстав и наклонившись к Айрис Гринн, чуть было не ткнув в неё своей высокой причёской.

– Без проблем. Копии всех необходимых документов у нас уже есть. Завтра утром вам лично выдадут лицензию, – улыбаясь, ответила Гринн, затем порылась в бумагах и в итоге извлекла нужную запись, передав её в руки миссис Стоун. Та, в свою очередь, сделала вид, что внимательно изучила договор о решении дальнейшего существования Лео Стоуна, и поставила подпись, тем самым стерев его прошлое и будущее, словно он никогда не жил на свете. Договор был лишь формальностью. Айрис, будучи главой всей Надежды, могла безнаказанно делать всё, что захочет, но не хотела открыто

обижать совершенных и также не хотела видеть толпы рыдающих, проклинающих её матерей у своего порога.

* * *

– У него из глаза торчит нож. Проникающие ранения – самая тяжелая ситуация для глаза, и восстанавливать разрушенное – весьма сложная задача. Извлеките глаз и вставьте S-15. Затем займитесь его правой рукой. Ставьте самые новые аппараты. Протестируем позже. Мы сделаем из него самого лучшего солдата. Пусть послужит родине как следует. Кисть заменит G-18. Такие правильные у него черты лица и всего остального тоже. Он станет первым из новой серии, – сказала доктор Айрис, погладив его лицо, и направилась к двери. Кроме неё и Лео, в комнате никого не было. Гринн отдавала приказы в пустоту. – Можете приступить, – вежливо произнесла доктор, и после того как дверь за ней закрылась, каталка, на которой лежал Лео, выстроилась таким образом, что он оказался прямо над столом. Медленно, бережно опустив беспомощного парня на стол, каталка сложилась обратно и отъехала к стене. Над лампой, освещающей стол, с механическим тихим треском медленно выдвинулись четыре руки. Кисти были как человеческие, но из них исходили гибкие чёрные стержни, которые тянулись к потолку над лампой, а над головой Лео с таким же треском выдвинулась панель с различными инструментами. Натянув перчат-

ки, введя наркоз и раскрыв глазное яблоко с помощью веко-расширителя, руки приступили к операции, и уже через пару минут, хирургическим ножом отделив глазной нерв, удалили глазное яблоко. С помощью перекиси водорода и давящего тампона остановили кровотечение. В завершение вставили имплантат S-15, произведя его крепление к оставшимся сухожилиям мышц. Новый S-15 отличался от глаза лишь красным огоньком вместо зрачка и металлической красной сверкающей окантовкой.

Дверь открылась, и в комнату вернулась доктор Гринн. За металлическую ручку она держала небольшую ёмкость продолговатой формы. Каталка быстро подъехала к столу, соединившись с ним, как два магнита, и трансформировалась в маленький столик. Рука металлического цвета над лампой удлинилась и потянулась помочь Айрис. Взяв контейнер у доктора, рука поставила его на маленький столик и лёгким движением повернула крышку. Контейнер раскрылся, будто цветок. Доктор Гринн подошла ближе к ёмкости, и её взгляду предстала новая кисть G-18, состоящая из множества крохотных ромбовидных пластин, подобных черепице. Это был красный металл. Две из четырёх помощниц резкими движениями разрезали кожу чуть выше кисти по кругу, а затем вдоль до пальцев. Двумя крошечными лопатками подковырнули слой кожи и медленно сняли её с руки. G-18 раскрылась в своём контейнере на две равные половины и при помощи механических рук медленно закрылась уже на кисти Лео.

Лео открыл глаза, морщась от отвратительного ощущения, следовавшего после долгого сна. Жутко болела голова и правый глаз, который совершенно ничего не видел. Он услышал, как захлопнулась дверь, и попытался пошевелиться. Нащупав рукой над глазом фиксатор, который держал верхнее и нижнее веки с правой стороны, он медленно потянул за него, вытащив десятисантиметровую тонкую спицу. Лео догадался, где находится. Вероятно, его привезли на Остров, но удостовериться в этом не было возможности. Окна в помещении отсутствовали. Через несколько секунд зрение улучшилось, но осталось мутноватым. Рядом на столе лежал голый мужчина, вены и мозг которого были видны через прозрачную куполообразную голову. Теперь сомнений не было – это Остров.

Он не знал, день сейчас или ночь. Лео сорвал все датчики на своих руках и ногах и сел на стол. Он находился в комнате с сияющими белыми стенами и потолком. Напротив стояла раковина с зеркалом. Сильно кружилась голова, не спеша встав, он направился к ней. Руки и ноги нехотя его слушались, ощущение былой лёгкости тела ушло, угнетая очнувшийся разум. Лео почувствовал, как сильно болят суставы. Ему стало страшно и очень захотелось плакать, но вскоре любопытство пересилило страх. Облокотившись двумя ру-

ками на ободок и открыв кран, он начал жадно пить воду. Затем он некоторое время пытался, моргая, восстановить помутневшее зрение. Вскоре туман рассеялся. На месте правого глаза сверкал металлический окуляр с красным огоньком в центре. Правая рука также выглядела как киберпротез. Лео почувствовал тяжесть в желудке и резкий спазм кишечника. Он опустился к раковине, понимая, что сейчас наступит рвота. За дверью послышался очень знакомый женский монотонный голос:

– Мы вовремя остановили мутацию. Кости превратились в металл, ещё бы чуть-чуть – и заражение добралось до кожного покрова.

– Ты знала, что совы тоже могут заразиться? – грубо перебил девушку мужчина.

– Да. Только если ввести внутримышечно очень большую дозу. Откуда у них вирус? Его не должно уже существовать. Выясни, где они его взяли, – сказала Айрис и ударила своим миниатюрным кулачком о стену.

– Может, это была вспышка?

– Не будь идиотом. На камерах всё видно.

Лео повернул голову в сторону двери с небольшим окошком и увидел их. В расстёгнутом твидовом пиджаке, в галстучке бордового цвета на фоне белой рубашки мужчина выглядел немного потрепанным и был небрит. Напротив него стояла Айрис Гринн. Открыв дверь, она вошла в комнату в белом облегающем костюме.

– Меня зовут Айрис Гринн, – представилась она. – Ты инфицирован и находишься на Острове. Мутация была остановлена на стадии трансформации костей. Тебе повезло родиться совершенным в генетическом плане, без изъянов и слабостей. Стрелковое оружие почти не в состоянии причинить существенные повреждения твоим костям из-за трансформации скелета. Так как ты был в тяжёлом состоянии, мы вызвали твою мать, и она подписала договор. Теперь ты работаешь на нас, – улыбнулась она. Её немного вытянутое, покрытое веснушками лицо сияло от восторга. Она ощутила прилив сил из-за предстоящей работы с совершенным.

– Вы так поступаете со всеми инфицированными? – спросил Лео. Он всё ещё держался за раковину. Ком тошноты то подкатывал к горлу, то отступал.

– У каждого заражённого своё предназначение. Существует две группы: солдаты и рабочие. Солдаты нужны нам для поддержания порядка в Надежде, а остальные их чинят, модернизируют и занимаются второстепенными задачами, – ответила Айрис усталым голосом, держа руки за спиной.

– Я теперь солдат «Морали»?

– Ещё нет, мы не закончили с тобой, номер пятьдесят шесть. Обычно на то, чтобы создать из человека солдата Морали, требуется пара часов, но тебе выпала честь стать более улучшенным солдатом. Ты ведь совершенный. Первый солдат Морали из совершенных. На тебя уйдёт намного больше времени. Когда сделаем из тебя нового солдата Морали, с

другими новичками-совами дело пойдёт быстрее, – сказала доктор Айрис своим роботоподобным тоном и указательным пальцем левой руки нажала на череп у себя на нашивке. В ту же секунду вошли два охранника, взяли Лео под руки и уложили на стол.

– В технике человек проецирует себя, поэтому совместная эволюция человека и техники вполне адекватна, – сказала Доктор Гринн и, надев очки, начала внимательно осматривать окуляр Лео. – Твой повреждённый глаз мы заменили на электронный протез, добившись полного восстановления зрения. За счёт применения отражающих линз протез даёт радиус обзора почти в 180 градусов. Ты можешь увидеть человека, спрятавшегося за углом, не наводя на него окуляр. Ты можешь видеть совершенно чёткую картинку на больших расстояниях и даже в полной темноте. Если тебе не интересно это слушать, могу дать почитать инструкцию, – улыбнулась Айрис и принялась осматривать протез на руке парня. – Это устройство совершеннее человеческой кисти. Удар стал более увесистым, ты сможешь понимать любые механические устройства, их возможности и функции, прикоснувшись к ним.

После этих слов одна из рук над лампой потянулась к Лео, и в бедро вошла игла шприца, наполненного таллием. После того как шприц опустел, он оказался в стоящей возле стола урне. Звон в ушах, Лео потерял сознание.

Лео очнулся, когда доктор Айрис катила его в кресле по

длинному коридору. Справа через каждые три метра стояли полностью прозрачные двери, за которыми были вполне уютные жилые комнатки. Слева же за стеклом находился огромный тренировочный зал. Коридор узкий, чтобы все ходили в шеренгу по одному. Скамьи и стойки для тренировок и силовых упражнений, разметка на полу. Ближе к концу коридора одна из дверей была открыта. Возле неё стоял солдат Морали в костюме из мелких красных ромбовидных пластин. На его голове был шлем с агрессивного вида маской, похожей на череп, за которой не было видно лица.

В тишину проник шум кружащего в коридоре маленького летательного аппарата. Малыш обладал искусственным интеллектом. С короткими крыльями обратной стреловидности, сдав назад, он завис в воздухе и как будто устался на Лео.

– Обморок – это вполне нормально при первых приёмах таллия. После пяти-шести раз ты уже никак не будешь реагировать на введение препарата, – успокаивающе произнесла Айрис и завезла Лео в небольшую комнатку. Это твой новый дом, отдыхай пока. Завтра с утра начнём работать, – сказала доктор и вышла, закрыв за собой дверь. Лео осмотрелся. Небольшая тумбочка, окно без занавесок с видом на озеро Надежды, на потолке два круглых светильника. Всё белое и чистое. Голова закружилась. Он лёг на узенькую кровать, и вдруг свет погас. Включился монитор на стене. На экране появилась надпись «Вводная информация». Затем приятный

мужской голос заговорил:

– Вы оказались здесь, а значит, стали одним из доблестных солдат Морали. Отнеситесь к этому с уважением и всецело примите свою новую жизнь. Другого выхода у вас нет, – сказал мужчина, после чего на экране появился строй из грозно марширующих солдат. – Ваш скелет теперь состоит из красного металла и отлично защищает ваши органы. После аварии у нас появилось множество полностью обратившихся в металл несовершенных. Красный металл не ржавеет, хорош для литья и на данный момент является важнейшим конструкционным материалом. За счёт новейших научных достижений была создана экипировка для бойца, которая может оберегать и помогать Морали следить за нарушениями и устранять их, защищать от внешних воздействий и не стеснять движений. Костюм из красной брони имеет модульную конструкцию, то есть состоит из лёгкой основы, которую можно усиливать в зависимости от обстановки и задач, берцы с металлическими вкладками, навигацию, систему ночного видения, отслеживание психофизиологического состояния бойца – неотъемлемые части полной экипировки солдата Морали. При необходимости экипировка дополняется жилетом из красного металла и покрытиями для предплечий, плеч, бёдер, коленей и ботинок. Костюм, выполненный из красного металла, напоминает чешую. Благодаря броне из крохотных пластин, собранных на заменителе кожи, она не стесняет движений. Пластины пришиваются

ся к основе через пять отверстий в верхнем крае и закрепляются в центре двумя заклёпками. Кроме того, с момента создания Острова Морали мы добились огромного успеха в сфере кибернетики. Кибернетические устройства из красного металла, созданные нами, способны заменить аналогом любую часть тела человека или его внутренний орган. Основная цель устройств – улучшить физические возможности человека и предоставить ему необходимую информацию для выполнения задачи. Например, S-15 помогает ориентироваться на любой местности, быстро и правильно засекают нужные объекты, по звукам определять местонахождение и численность противника, метко стрелять, далеко и точно метать нож, переводить документы. После заражения перед ближайшим родственником инфицированного стоит выбор: жизнь или переплавка. Те, кто выбрал жизнь, должны подписать контракт о прохождении военной службы на пожизненный срок. В противном случае заражённого ожидает полное превращение в металл. Иногда на остров доставляли больных уже на последней стадии мутации. Процесс в этом случае уже необратим, и человека ожидают полное превращение и переплавление. Служба по контракту даёт возможность инфицированному жить дальше и встать на защиту общества. После заражения возникает частичная амнезия. Память будущего солдата уничтожается навсегда и заполняется новыми воспоминаниями, более нужными, на взгляд Морали. Будущие солдаты не проходят никакой специальной под-

готовки. Все необходимые навыки с помощью уникальной технологии, созданной Айрис Гринн, загружаются в память. После успешной загрузки солдаты умеют владеть приёмами рукопашного боя, определяют по внешнему виду любое оружие, владеют всеми способами ведения разведки, отлично владеют техникой маскировки и способами бесшумного передвижения на любой местности. Это лишь основные знания, умения, которые заполняют пробелы памяти идеального солдата. На практике перечисленные навыки распределяются между всей Моралью. Дело в том, что объём человеческой памяти, который можно заполнить искусственно, ограничен, поэтому приходится подбирать штатную специальность каждому заражённому в зависимости от его физических и умственных характеристик. После полной обработки памяти очень важно избегать всяческих намёков на свои удалённые воспоминания. Любой информационный толчок, будь то фотография, голос или визуальный контакт с близким человеком, может привести к неспособности таллия сдерживать мутацию, что в свою очередь приведёт к полному обращению, – договорил наконец мужчина. Все его слова подтвердились соответствующим видеороликом на экране.

Лео пытался переварить всю эту информацию. Сейчас он понял, что свобода ушла, и ушла навсегда. Судьбы всех людей, находящихся на Острове, а теперь и его судьба в чужих руках. В его голове замелькали мысли о матери, об Эффи. Теперь он не имеет права жениться, не имеет права пойти,

куда захочет. Болезнь со временем прикончит его, ведь заражённые живут недолго. Может, ещё лет двадцать, плюс-минус два года. Таллий не лечит, а лишь значительно замедляет мутацию. Теперь ему нечего предложить Эффи. С каждым днём личные воспоминания будут таять и утекать в никуда, а потом он превратится в бездушного солдата с ложной памятью, который, как и все заражённые, будет медленно двигаться к куче пепла.

Негромкий сигнал и надпись на экране предупредили об отбое. Свет в комнате приглушили, создав полумрак. Лео смотрел на тёмные силуэты охранников, бродящих мимо двери, пока не уснул. Примерно через час он проснулся от сильной боли в мышцах. Казалось, его тело рвётся на части. Из глаз текли слёзы, из носа сопли, которые он, чихая, вытирал о подушку. Тревожность окутала парня толстым одеялом, сотканным из страха и отчаяния. Когда в голове запульсировала адская боль, парень начал кричать. Охранник вошёл в комнату, закрыв собою дверной проём, и, несмотря на плач и мольбы парня, он не сдвинулся с места. Так продолжалось до самого утра.

* * *

Наутро Лео отвели в допросную комнату. Доктор Айрис была уже там. Она сидела в кресле, сложив руки на коленях, и внимательно изучала то, что происходило на экране бело-

го планшета, лежащего перед ней. Голова болела настолько, что казалось, мозг вскипел и рвётся наружу. Два здоровяка в серой одежде усадили его на стул напротив Гринн, и один из них резким точным движением достал шприц из своего кармана. Увидев шприц, Лео засиял. Даже вид иглы вызывал радость на его уставшем лице. Мужчина в сером комбинезоне сделал укол в шею парня. Несколько минут Лео и Айрис сидели молча. Лео заметил, что после введённой инъекции стал чувствовать себя намного лучше. Он мог сгибать и разгибать пальцы. Тяжесть во всём теле ушла, и боль в голове перестала пульсировать. Это был не таллий, что-то другое. Что-то сладкое, приятное и успокаивающее. Он как будто погрузился в горячую ванну. Внутри всё пело и звенело, и парень подумал, что в этом местечке не так уж и плохо.

– Итак, приступим, – сказала доктор не терпящим возражения голосом и взяла в руки свой планшет. – Расскажи о своей семье, ты помнишь отца? С матерью у тебя хорошие отношения? Рассказывай всё, что приходит тебе в голову.

Под таким опьянением Лео уже был готов рассказать всё. Стоило лишь попросить. Перед его глазами открылся родник чудес. Сейчас он счастлив. Он готов ответить абсолютно на любой вопрос Айрис, рассказать свои самые сокровенные секреты, лишь бы ему вкололи ещё этого чудесного вещества. Настроение его было таким жизнерадостным, что он на время забыл, где находится, почему и что его ждёт. После инъекции появилось дикое желание говорить, и воспо-

минания в голове разложились чётко по полочкам. Лео начал рассказывать. Каждую мелочь, каждый кусочек его памяти, каждый образ, каждое воспоминание, которое что-либо значило для него, вырывалось из его рта легко, как будто он заранее подготовил свою речь. Он рассказал про Эффи, про свои чувства к ней. Слабая боль появлялась и исчезала у него в голове, но в целом он чувствовал себя прекрасно.

– Ты помнишь, как вы познакомились с Эффи? – спросила доктор, и воспоминания Лео выстроились в хронологическом порядке. В своём воображении он в мельчайших подробностях увидел первую встречу с Эффи со стороны. Закрыв глаза, он вернулся в прошлое и наблюдал за этими дорогими воспоминаниями, находясь рядом. Лео видел маленького себя и Эффи. Он мог перемещаться вокруг, мог подняться вверх и наблюдать с высоты птичьего полёта. Он как будто превратился в движущуюся в любых направлениях камеру.

– Мы познакомились, когда началась ликвидация животных. Мне было одиннадцать лет. У меня в террариуме жил геккон. С толстым хвостом. Такая маленькая ящерица. Я хотел его спасти и спрятать где-нибудь. Я шёл по улице и увидел девочку, сидящую на крыльце. Тогда я в первый раз её увидел, – проговорил Лео, словно скороговорку.

На протяжении всего допроса Айрис задавала именно те нужные вопросы, вызывающие воспоминания, из-за которых Лео скучал по дому, по семье и по Эффи. Серые комбине-

зоны время от времени делали парню укол, и он видел свои воспоминания словно оператор фильма, режиссёром которого была Айрис Гринн. Он рассказал ей всё хорошее и всё плохое из своей жизни. Чем больше она рылась в его воспоминаниях, тем больше её поражало, насколько убого и безнравственно может жить совершенный. Для неё было жутко осознавать, что в Надежде есть люди Новой расы со схожим образом жизни. Личности для солдат и остального персонала Айрис Гринн склеивала из воспоминаний несовов. И даже в этих отбросах, у которых она крала память, было больше хороших качеств, чем в этом молодом человеке, сидящем перед ней. Она внедряла ему новые воспоминания, используя свои готовые шаблоны, тем самым делая этого ужасного человека лучше.

– Хорошо, Лео, допрос окончен, – неожиданно сказала доктор. – Охранники проводят тебя обратно.

Эта фраза как будто разбудила сознание Лео, и он уже не помнил ничего о том, что рассказывал доктору Гринн. Он пытался вспомнить события вчерашнего дня, но память отказывалась помочь ему в этом. Ему снова стало плохо. Выйдя в коридор, от белого слепящего света его стошнило на пол. Здоровяки подняли его, держа под руки, и, пронеся над лужей коричневой рвоты, снова поставили на пол. Слюна растянулась от нижней губы до низа белой рубашки и болталась, пока Лео качал головой из стороны в сторону.

Мужчина лет тридцати с тяжёлыми веками и шрамом на носу стоял возле комнаты Лео и пристально смотрел в сторону парня. Из оружия у него был только шокер. Это значит, он не солдат, а охранник. Охранники проводили парня до двери в его апартаменты. Лео с трудом дошёл до кровати и рухнул на твёрдый матрац. Суровый накачанный мужчина с лицом, не обременённым интеллектом, зашёл следом, громко топая.

– Я буду снаружи, если тебе что-то понадобится. Можешь звать меня Коул, – сощурившись и сжав кулаки, проговорил охранник.

– Спасибо, – слабым голосом поблагодарил Лео. – Приноси мне зелёной совы, – попросил Лео, хотя знал, что, скорее всего, Коул впервые о ней слышит.

– Я заразился год назад и очень этому рад, а потом позвонил по горячей линии Морали. Думал, что буду служить солдатом, но меня взяли всего лишь охранником, – сказал Коул, хотя Лео его ни о чём не спрашивал. Парня вполне устраивало молчание. Сейчас молчание бы его успокоило.

– В смысле ты этому рад? Что тут хорошего? – спросил парень, осознав, что с таким болтливым охранником полежать в тишине не удастся.

– Это лучше, чем быть отбросом. Они дали мне новую

жизнь и возможность трудиться на благо общества. Твой номер... пятьдесят шесть, – сказал Коул. Затем глубоко вздохнул и замолчал, как будто думая, что сказать дальше. Лео сел на кровать, полностью погрузившись в свои мысли, но охранник и не думал уходить.

От солдат охранника и других служащих на острове отличали портативные компьютеры, подключённые к головному мозгу. Компьютер помогал синхронизировать воспоминания, чтобы несовершенный не запутался в своей ложной памяти. Солдатам и другим служащим не требовался такой компьютер, так как их разум был более глубоким и менее уязвимым к усвоению новых воспоминаний. У несовершенных, не годных для того, чтобы стать действительно полезным членом персонала, новые воспоминания приживались хуже. Подкожно тянулся провод от браслета на предплечье, напрямую связанный с нервной системой. А браслет, в свою очередь, имел постоянную прямую связь с главным компьютером в кабинете начальника охраны, следившим за каждым служащим. Айрис путём замены памяти сделала так, чтобы каждый охранник стремился стать солдатом Морали.

У Коула был странный голос. Он делал короткие паузы почти после каждого слова, также как и большинство несовершенных. Некоторые слова, вырывавшиеся из его монотонной речи, были исковерканы говором несовершенных и резали слух. Коул, сутулясь и загребая воздух, откровенно рассказывал о своей жизни, наверное, пытаясь сблизиться

хоть с кем-то на этом Острове, но Лео слушал его без особого интереса. У Лео сложилось впечатление, что Коулу больше не с кем поговорить. Слишком уж охотно он раскрыл душу незнакомому человеку. Иногда охранник говорил фразами, никак не относящимися к реальности, словно не знает, в каком мире сейчас живут люди, и парень отвечал ему сухо, не воспринимая всерьёз его слова. Лео с трудом сдерживался, чтобы не послать его куда подальше.

Родители Коула пытались вести домашнее хозяйство, выращивали овощи и продавали на рынке. Скучная, неинтересная жизнь заставила парня мечтать об участии в военных действиях, которые, как ему казалось, были лучшим спасением от бесконечных хозяйственных дел. «О чём ещё может мечтать глупый несовершеннолетний?» – подумал Лео. Коул справился лишь с тестом минимальных умственных способностей, и поэтому стал обычным пустоголовым охранником на Острове.

– Можно мне позвонить? – наконец спросил Лео, дождавшись подходящего момента.

– Нельзя. Так сказала доктор Айрис, – ответил охранник и неохотно вышел из комнаты, наконец предоставив Лео его одиночеству. Примерно через час Коул пригласил его пройти в столовую. Они прошли по узкому коридору к эскалатору. Лео поразила масштабность организации. Здесь находилось очень много работников. Ситуация напоминала поездку в метро с одной станции на другую, сопровождающую

юся нескончаемым потоком людей. Целая система эскалаторов позволяла быстро добраться в любую точку Острова. Не хватало только шума поездов. В этом огромном здании под водой располагались и цеха, и лаборатории. Здесь распиливали листы красного металла, изобретали вакцины, оружие, различные устройства. Все они трудились для Надежды. Несмотря на высокую технологичность всего увиденного, столовая на Острове не произвела на Лео особого впечатления. Огромная серая комната с низким потолком, длинными столами и очередью за тёмно-зелёной жижей, которую наваливал робот в поварском колпаке в глубокие алюминиевые тарелки. Здесь трапезничали и охранники, и солдаты Морали, но сидели они за разными столами. Нашивка с буквой «С» красовалась у Лео на плече. Из присутствующих такой нашивки больше ни у кого не было. Минуту все внимательно, повернув головы, осматривали Лео, а затем продолжили есть. Никто не разговаривал. Тишину нарушали лишь шаги, скрип отодвигаемых лавок и стуканье половника о кастрюлю.

Коул, отстояв в очереди, сразу же двинулся в сторону «своих». Приблизившись к их столу, он, двумя руками подвинув в сторону сидящего с краю, сел на его место. Среди них он был самый огромный. Лео, взяв наполненную непонятно чем тарелку, приземлился за пустой стол. Когда к нему подсел один из солдат, Лео вежливо спросил, нельзя ли ему связаться с родными, но молчаливый собеседник жадно от-

кусил хлеб, наскоро прожевал и никак не отреагировал на просьбу.

На вкус еда оказалась не такой уж и отвратительной, какой казалась на внешний вид. Намного лучше той стряпни, которой однажды пыталась накормить его Эффи. После того как Лео поел, он вернулся в свою комнату. Бесчисленные толпы людей всё так же, не переставая, носились взад и вперёд, но не выглядели уставшими. Они выглядели холодными и бездушными. Они даже двигались одинаково. Коула сменил другой охранник, который тоже очень сильно желал поговорить, и Лео выслушал ту же самую историю второй раз. До этого момента парень не задумывался, что внедрённая память может принадлежать одному и тому же человеку. По сути, все охранники были одной личностью, все солдаты – другой. Разные профессии – разные личности. У Гринн была огромная коллекция воспоминаний, которые она распределяла между заражёнными. В наличии у неё были сотни людей самых разных, необходимых ей профессий. Будь то хирург или инженер – они были лучшими в своём деле. Айрис гордилась проделанной работой, ведь она создала идеальную организацию и атмосферу. В голову каждому из всего персонала на Острове она загружала личность наподобие того, как записывают информацию на запоминающее устройство. Куда проще было бы нанимать совершенных на эти должности, но ей нравилось работать с несовами. Да и организация была бы уже не такой идеальной. Персонал, который она имела,

никогда не устроит бунт, не попросит прибавку к зарплате, не проспит и не ошибётся в расчётах. Кроме работы по своей специальности, которую Айрис вложила в них, они больше ничего не хотели и не умели делать. Залазить в голову к несовершенным, дёргать за ниточки, копаясь в их памяти, было для Гринн не только работой, но и развлечением, а проделывать то же самое с совами казалось ей неприемлемым.

С помощью сервера, через который постоянно проходит поток мыслей всего персонала, выполнялись определённые важные задачи, необходимые для благоустройства Острова Надежды и создания новых изобретений. Компьютер-мозг хранился на нижнем этаже и непрерывно оставался задействован в принятии лучшего решения, выбирая и комбинируя идеи персонала на Острове. Их разум объединялся в единую социальную сеть – коллективный интеллект, в котором мысли, сформировавшись, перемещались из одной головы в другую, непосредственно фильтруясь через сервер. Принимая уже своё сформированное индивидуальное решение, он был эффективен только благодаря живому мозгу человека. Именно люди всё же оставались главными участниками процесса. Без искусственно созданных учёных сервер не смог бы ничего придумать сам.

Глава 6

2060 год

Дети на улице увлечённо рассматривали тёмно-синий кар Миллера, бегали вокруг, держа в руках невидимый руль.

– Так, давайте, бегите отсюда, – сурово сказал Джон, дав одному из мальчишек подзатыльник. Он завел кар и поехал на завод по производству аккумуляторов, где работали Герб и Майк. Они должны были отпроситься после обеда, чтобы ввести Майка в курс дела и посмотреть, на что он способен.

Джон непринуждённо поздоровался с Майком, перекинулся парой бранных словечек с Гербом, и они отправились в дом Ниеро. Митчелл сразил новых друзей своим профессионализмом. Вся группировка собралась посмотреть на это зрелище. Все, кроме Аделин. Он резал, рубил и пилил тело с «Создателя» так ловко и изящно, что Джон на протяжении всего этого зрелища стоял, открыв рот. Крысиные глазки Элативы как обычно забегали из стороны в сторону, и она подошла так близко, что показалось, сейчас Майк отсечёт её огромный нос тесаком. Герб пытался чем-то подсобить Майку, но, без сомнения, помощь была не к месту. Митчелл выпилил верхнюю часть черепа и достал предмет, представляющий собой ручку с кнопкой и присоской. Такого рода ин-

струмент группировка видела впервые. Сильно прижав это приспособление к лысине овоща, он нажал кнопку, тем самым образуя вакуум между присоской и кожей головы, и снял выпиленную часть черепа. Но в какой-то момент Майк замер. У него не оказалось нужного предмета под рукой для процедуры вытаскивания мозга из черепа. Герб обрадовался такому повороту событий.

– погоди, Майк, сейчас всё будет, – сказал он, медленно кивнув Майку, немного приподняв брови. Порывшись в сумке, Герб извлёк нужный предмет, напоминающий большую ложку с острыми краями. Митчелл схватил ложку и, ловко подковырнув мозг, аккуратно достал его и положил в пакет.

– Вот так вот, Джон. Ты нас уже неоднократно подводил, не сумев вовремя справиться с поставленной задачей. Наверное, нужно выгнать тебя и твою жену к чёртовой матери из нашей группировки, – с ненавистью высказал Герб.

– Я тоже так могу. Даже получше этого нищеврода, – угрюмо ответил Джон, но сразу понял, что ляпнул лишнее.

– Ещё раз ты его так назовёшь – и окажешься на месте этого тела, – сказал Ниеро, схватив Миллера за галстук, и подтянул к себе так, что они столкнулись лбами. От удара Джон сморщился, а Герб смотрел на него грозным взглядом.

– Я понял, – уныло сказал Джон, и Ниеро отпустил галстук.

– Запомни раз и навсегда: если чувствуешь, что у тебя что-то растёт за спиной, не торопись делать вывод, что это

крылья. Возможно, это горб, – сказал Герб сквозь стиснутые зубы и, издавая глухой звук, постучал кулаком Миллеру по спине.

* * *

– Нет. Давай вон того посвежее, видишь? В первом ряду, – сказал Майкл, указав пальцем на чернокожего здоровяка из новой партии. По его телу симметрично расположенные электроды воздействовали на мышцы тела с помощью электрических импульсов.

– Я уже начинаю привыкать к такой работе, – громко сказала Маргарет и вприпрыжку направилась к здоровяку. Сотни одинаковых искусственно выращенных мужчин, предназначенных для пищи, рядами висели в огромном, хорошо освещённом помещении, которому не было конца и края.

– Вот надо было именно сегодня выпасть этому дежурству. И няня отпросилась, – ответил Майкл, волоча тележку вслед за своей женой.

– Ну, хватит ворчать. Не переживай за Элис. Она у нас умничка, – Маргарет посмотрела на часы. – Мы вроде как успеваем.

– Ей ещё рано оставаться одной, – снова проворчал Майк.

– Если бы что-то случилось, она бы позвонила. Телефонном пользоваться она уже умеет, – успокоила Маргарет мужа.

С трудом погрузив едва помещающегося мужчину на маленькую тележку, предварительно отлепив от него электроды и освободив тело от трубок, ведущих к прибору жизнеобеспечения, супруги Митчелл, торопясь, устремились к выходу. На стенах висело множество инструкций с изображениями мультяшных человечков, которые, улыбаясь, активно показывали, как себя вести в экстренных ситуациях, как правильно ухаживать за телами и транспортировать их. Когда наконец железные двери захлопнулись за спиной, Майкл вместе с охранником погрузили тело в фургон.

– Это последний. Я надеюсь, не будет проблем, как в прошлый раз?

– Я ещё раз прошу прощения за доставленные неудобства, – с виноватым видом сказал охранник. – Прошу, не говорите Гербу, что я забыл прибраться за вами, – попросил охранник. Майкл ответил лишь кивком и вручил ему несколько сотен.

Добравшись до дома, Майк припарковал фургон на заднем дворе и вместе с роботомощником, напивая песню *Mein Teil*, спустил тело в подвал.

– Дорогая, проверь, пожалуйста, Элис. Я пока начну, – устало промычал Майк. Маргарет посмотрела на него, нахмурилась брови.

– Для меня важно, чтобы мы делали это вместе.

– Я знаю. Для меня тоже. Я просто всё подготовлю, – ответил Майкл, натягивая на руки одноразовые перчатки, рас-

правляя каждую складочку.

Украсть тело с фермы намного дешевле, чем покупать мясо в магазине. Единственным минусом является то, что это считается незаконным и карается смертью. Супруги Митчелл сегодня были на смене, а значит, они должны были привезти тело к себе, чтобы разделать человека на пригодные для употребления куски мяса. Затем они были обязаны поделиться с другими членами группировки северного района. Всего группировок было четыре, столько же и районов – северный, южный, западный и восточный. Группировки между собой обычно не пересекались, но Герб лично знал каждого из участников. В каждом районе находилось по одной ферме «Создатель», расположенной на окраине в бедном квартале. Возле ферм с утра до вечера крутились голодающие бунтовщики с плакатами, обычно гласившими, чтобы государство снизило цены на мясо или устраивало бесплатные раздачи пищи чаще, чем раз в месяц. Стивен и Джордж частенько продавали им небольшое количество мяса по приемлемой цене. Богачей же обдирали как могли. Группировки состояли из супружеских пар, всё было слаженно, никто не совался в чужой район за мясом. Если мяса не было или полиция проявляла особый интерес к кому-либо, члены группировки могли и потерпеть, так сказать, временно перейти на вегетарианскую кухню, но такие ситуации возникали крайне редко.

Майк включил маленький телевизор.

– Будьте внимательны при покупке мяса. Если после при-

ёма пищи вы почувствовали недомогание, позвоните по номеру, который вы видите на экране, и вам обязательно помогут, – болтал голос из телевизора за спиной Майка.

– Да, конечно. Помогут они, – вслух произнёс Митчелл.

Майку не потребовалось много времени, чтобы обучить Маргарет этой специальности. В подвале на заднем дворе дома Митчеллов она умело помогала мужу потрошить тела. Супруги надели фартуки и принялись за работу. Сделав надразрез над ахилловым сухожилием, Майк подвесил мужчину на специальный мясницкий крюк. В подвале было довольно много пространства для работы, большой стол для разделки, несколько баков для крови и лишних частей, раковины по обе стороны стола. Стена была увешана различными инструментами – длинными, короткими острыми ножами, ножовкой, топором и электропилой. В углу стояла большая душевая кабина с прозрачными стёклами.

Маргарет подставила открытый бак под голову ещё живого мужчины. Как правило, они живут ещё около часа после отключения от аппарата. Чтобы мясо было вкусным, нужно успеть спустить кровь, иначе без тепла тела и сердцебиения она густеет и превращается в желеобразную консистенцию. Митчелл длинным ножом провел по шее от уха до уха, тем самым открыв внутренние и внешние артерии и главные кровеносные сосуды. Когда кровотечение замедлилось, Майк приступил к обезглавливанию, продолжив разрез до затылка. Затем разрезал все мышцы и, слегка покручивая,

удалил голову. Аккуратно оттянув кожу рукой, Майкл отделил куски вдоль линии мышц, оставив кожу вокруг ануса. Маргарет ножом с коротким лезвием, чтобы не полоснуть слишком глубоко, разрежала кожу и полностью удалила её с конечностей. Длинным ножом Майк сделал надрез от солнечного сплетения почти до ануса очень осторожно, чтобы не вызвать сокращение кишечника, от чего всё помещение может оказаться в фекальных бактериях. Распилив лобковую кость с обеих сторон, Майк очистил нижнюю часть тела от внутренних органов. Теперь нужно было достать органы из верхней части туловища. Маргарет разрежала диафрагму из внутренней стороны туши, а Майк принялся удалять грудную кость. В специальные пакетики, тщательно промыв, Мэгги разложила органы. Её муж промыл оставшуюся тушу и части тела из шланга. Отрезав дельтовидную мышцу, руки были удалены, и Майк с помощью электропилы принялся распиливать тело надвое. Маленький четырёхколёсный робот длинными клешнями помог расположить половины туши на разделочном столе. Отрезав ступни, куски около живота, шею, удалив лопатки и ключицу, отрезая мелкие куски мяса, отделив грудь, супруги начали разделять рёбра (распилив их надвое и удалив поочерёдно). Наконец они занялись разделкой нижней части. Отделив ноги, Майк удалил коленные чашечки и мышечную массу рядом с ними. Бедро порезали на большие круглые куски мяса. Расфасовав всё мясо и органы по пакетикам примерно на равные части, су-

пруги убрали стол, тщательнейшим образом вымыли пол и слили кровь из баков в канализацию. Кости и ненужные куски Митчелл закинул в печь.

Пятое дежурство Митчеллов прошло удачно. За всё это время Майк окончательно и беспощадно расправился с долгами, оплатил все счета, забронировал для Элис место в самой лучшей школе, и к тому же он наконец-таки мог позволить себе купить кар.

Маргарет, или, как называет её муж, Мэгги, уволилась со своей работы теперь уже с совершенно бессмысленной зарплатой и навеки забыла эту семью Новой расы. Она с улыбкой вспоминала эти тяжёлые дни, когда приходилось в самую жару работать в специальной форме домработниц, обливаясь потом, и без конца слушать раздражающее бряканье фортепиано, клавиши которого уже устали от одного и того же этюда. Не менее сильно выводила из себя постоянная похвала бредовых картин хозяйки, без устали показывавшей ей эту бездарную размазню, скорее похожую на рвоту. Эта самая нудная в мире интеллигентная семейка, наверное, умерла бы не своей смертью, если бы Маргарет продолжила работать у них.

Родители Маргарет погибли в автокатастрофе. По крайней мере, так говорила её бабка, возможно, даже не родная, растившая её и ещё пятерых внучек, у которых ukrала детство. В двадцать два года Маргарет познакомилась с Майком. Помнится, в один день, когда бабка Флюорита узнала

об их отношениях, она как смерч залетела в комнату, в диком неистовстве схватила Мэгги и повела за руку в ванную комнату. Удостоверившись, что она уже была с Майком в интимной связи, бабка начала крушить всё вокруг, повторяя снова и снова сумму, которую можно было выручить за девственность своей внучки. Майк ещё какое-то время сомневался и не торопился делать Маргарет предложение, но она предоставила неопровержимое доказательство своей верности. Она ушла из дома, проклиная всю свою семью, и переехала к Митчеллу. В один из июньских дней они с Митчеллом сочетались браком, не позволив бабке отдать внучку соседу-сутенёру.

Единственными несчастными людьми на этом скромном пиришестве были мужчины, не сумевшие завоевать сердце первой красавицы в бедном квартале, но она не могла оторвать свой взгляд от Майка. Маргарет смотрела на него так, как будто он был самым лучшим мужчиной на всём свете. Вильям Моренс, будучи, наверное, самым уважаемым несовершенным, которого Майк отвлек от всех его важных дел и привёл на свадьбу, провёл бракосочетание влюблённых, зачитав очень трогательную длинную речь. От такого неожиданного поворота бабка, жадно надеявшись получить процент прибыли за самую младшую и самую красивую внучку от сутенёра, умерла от сердечного приступа. В отличие от Маргарет, которая весьма успешно сыграла горечь утраты на похоронах, Майк не смог скрыть улыбки от радовавшей его

кончины злостной женщины, не сумевшей всё-таки добиться своего. А когда одна из сестричек Маргарет начала петь какую-то глупую песню собственного сочинения в память о бабушке своим скрипучим противным голосом, он и вовсе разразился диким хохотом. Также радовал тот факт, что с живыми родственниками молодожёны наверняка больше не увидятся. Сёстры Мэгги, совершенно не обременённые моралью, винили Маргарет в смерти любимой бабушки, которая к ним относилась лучше, и завидовали замужеству сестрёнки. Сама же младшая из внучек не горела особым желанием общаться со своими ненавистными родственниками. К своим годам она не хуже своих сестёр разбиралась в житейских вопросах и без особого труда сумела ещё и урвать кое-какое наследство от Флюориты.

Глава 7

2075 год

Счастливые здоровые дети, росшие в ярком мире с улыбающимися лицами, зелёными деревьями и дружелюбными собаками, среди несовершенных остались в далёком прошлом. У многих несовершенных состоять в банде отморозков было престижным. Школьники младших классов мечтали выглядеть и вести себя как члены банды. Избили бездомного на улице, разбили витрину в магазине, задержаны полицией за кражу – подобными поступками зарабатывали уважение в школе. Не состоять в банде было как-то по-детски. Почти у всех несовершенных идти против отморозков, иметь своё собственное мнение считалось вздорным и легкомысленным. Мало кто из несовов мог получить достойное образование или престижную работу, ведь совершенные не давали им такую возможность, наглым образом забирая все привилегии современного мира себе. Большая часть несовов хотела работать на криминальные авторитеты, жить в достатке, иметь крышу над головой, обворовывая магазины, снимая дорогие диски с каров и продавая наркотики. Их даже не пугало то, что абсолютно все отморозки умирали в местах лишения свободы или были казнены. Они восторгались уго-

ловной романтикой, а не идеалами добропорядочной жизни. Уже не в первый раз вечно занятый работой отец забывал забрать своих сыновей из школы, пока они после очередной вечерней прогулки до дома не познакомились с отморозком, отсидевшим в тюрьме половину своей жизни. Бывший заключённый без всякого злого умысла, приманив леденцами к себе двух детишек, впадая в сентиментальное настроение, рассказывал разные истории лагерной жизни, чувствуя при этом себя не таким одиноким. В школе братья Эдвард и Дэнни познакомились с Джаредом и стали неразлучны. Позже уже втроём они приходили к своему новому другу и с затаённым дыханием слушали его.

Его звали Киллиан. Старый, сутулый, но с приятным добрым лицом, он искренне полюбил Дэнни, Эдварда и Джареда как своих собственных детей. Но однажды вечером школьный учитель оставил Дэнни и Джареда после уроков. Обеспокоенный Эдвард прибежал к Киллиану за помощью и рассказал то, от чего лицо мужчины побледнело как лист бумаги. Он со всех ног рванул к школе и, достигнув здания, увидел одно единственное окно, в котором виднелся тусклый еле заметный свет. Вскрабкавшись на второй этаж по выступающим кирпичикам, его взору предстала картина, где учитель-совершенный бьёт тяжёлой книгой по голове Дэнни и Джареда. Лицо бывшего арестанта перекошилось от злости, и он увидел только один выход из этой ситуации. Киллиан без промедления разбивает окно и проникает в кабинет. Твёр-

дым голосом он приказывает детям выйти в коридор. После того как дети оказываются по другую сторону двери, Киллиан наносит десятки ножевых ранений вопящему учителю, а затем рукоятью ножа с нескольких ударов проламывает ему череп. Он останавливается, только когда понимает, что вбивает в пол кусочки костей. Кровь медленно течёт прочь от тела, нежно обхватывая ножки стульев и парт первого ряда.

Отвезя детей, толком не понимающих, что произошло, домой на машине учителя, бывший заключённый возвращается в свою квартирку. Он достаёт пыльную, наполовину пустую бутылку виски и растягивает её до тех пор, пока за ним не приезжают полицейские. На следующий день его казнили. Эдди, Дэнни и Джаред, пришедшие навестить Киллиана, были несколько возмущены на удивление спокойным тоном его подруги, объяснившей им во всех подробностях, как казнили человека, на какое-то время заменившего детям отца. Они не понимали, почему их спасителя казнили, а обидчика хоронят со всеми почестями и никого из окружающих это не беспокоит. Все, кто знал этого доброго старика с выразительным взглядом и улыбкой, которой детям так не хватает, напрочь забыли о нём и теперь делили между собой его вещи.

Когда Эдварду было восемь лет, в их дом ворвались два заражённых. Прямо на его глазах они убили мать, после чего один из инфицированных в приступе ярости растерзал другого. Оставшегося в живых Эдвард застрелил из пистолета

отца, что оставило на нём ещё один отпечаток, помимо смерти друга. Отпечаток, который, подобно атомной бомбе, дал цепную реакцию. В девять лет он попал в банду отморожков. В двенадцать он начал собирать свою.

После смерти жены отец Эдварда и Дэнни топил свои страдания в бутылке спиртного, обеспечив своих детей полной свободой. Первое время Эдвард вместе с отцом посещал детского психолога. Мальчик прошёл полный курс реабилитации, но ничего хорошего из этого не вышло. Если бы не отец, Эдди бы положили в психиатрическую клинику, но он заплатил приличную сумму и сделал это исключительно для того, чтобы не запятнать свой статус полицейского и добродорядочного гражданина. Отец всегда оставался безучастным к жизни своих сыновей. До взрыва «Красоты будущего» он почти всё своё время уделял работе, а после смерти жены полностью посвятил себя алкоголю.

Домработница воспитывала Дэнни. Мальчик видел в старшем брате своего кумира, во всём его слушался и мечтал стать таким же. Дэнни и Джаред были всего на год младше Эдварда, но, когда они закончили школу, Эдди уже был авторитетом среди отморожков. Отец обратил внимание на своих детей, когда они стали совсем взрослыми и были способны помогать ему, но им больше нравилось проводить своё время с членами банды. К тому времени братья уже сделали для себя вывод, что старому Киллиану было до них больше дела, чем родному отцу. Их так тронул поступок Киллиана,

что они решили помочь таким же, как он. Хорошим людям, которым просто не повезло.

Сначала троица решила взглянуть на всю эту неидеальную систему изнутри, чтобы, возможно, в дальнейшем внести некоторые изменения в пользу несовершенных. Добровольцем вызвался Джаред. Его посадили в тюрьму в 2073 году, когда ему исполнилось двадцать лет. Чтобы совершенного упрятали за решётку, преступление должно быть серьёзным. Для этого отлично подошло громкое высказывание прямо на центральной площади, содержащее в себе множество оскорблений в адрес нынешнего правительства. Собралась огромная толпа в основном из несовов, которые даже не успели отреагировать на эту речь, так как полиция уже через пять минут переломала Джареду ноги и отвезла прямиком в Дом Справедливости. Судья, глядя на стонущего от боли парня, вынесла приговор сроком на полгода.

Совершенные в тюрьме не оказали никакой медицинской помощи парню с переломами. Когда скулящего Джареда забросили в камеру, один из соседей незамедлительно сделал шины из ножек для стула, обмотав их кусками разорванной простыни.

– Если уж ты и попал в тюрьму, то веди себя достойно. Подумай об этом, – сказал мужик в лохмотьях с жидким хохолком волос на лысой макушке. У него были непомерно длинные руки, сильно вытянутый небритый подбородок и глубоко посаженные глаза. Ещё у него ужасно пахло изо рта.

Он напоил парня брагой и, насколько у него хватало знаний в этой области, вправил кости. Сосед по имени Эндрю с обожжённым лицом приносил ему еду, мыл его, насколько это было возможно, и убирал его испражнения. Пока Джаред лежал неподвижно, он вознёс сеть общения несовов с внешним миром на новый уровень. Об этом ему рассказал Киллиан, который в молодости отбывал срок в русской тюрьме. У испуганных чахлах заключённых никогда бы не хватило на это смелости. У них уже была возможность с помощью заключённых, работающих на тюремную администрацию, передавать информацию в виде записок. Заключённые делали рогатку, используя резиновую нить, привязанную между прутьями решётки, и выстреливали записку с вложенным в неё камнем для утяжеления, добытым на прогулке, в окно камеры через двор или даже за забор. Вначале это были безобидные письма или записки по поводу необходимых в быту вещей, но Джаред с помощью своего обожжённого друга по прозвищу Фредди начал собирать очень важную в таких местах информацию. Теперь несовы предупреждали друг друга о предстоящих обысках, о стукачах. Заключённые начали действовать сообща. Имя охранника, который вёл себя неподобающе по отношению к несову или дерзнул перехватить драгоценное сообщение, перебрасывалось за забор. А затем отморозок из начинающей свой криминальный путь Банды Братьев, регулярно собирающий раскиданные за территорией тюрьмы записки, привозил их в город и отдавал в

руки Эдварду и Дэнни, которые в свою очередь должны были разобраться с обидчиком с помощью угроз или более серьёзных мер.

Вскоре тюремная охрана начала лишний раз задумываться, прежде чем нанести увечье кому-либо из заключённых. Джаред добился уважения, не вставая с койки. Он призывал несовов держаться вместе и обещал им хорошее жильё и работу по освобождению. Когда срок Джареда подошёл к концу, он оставил после себя надежду на лучшие времена каждому, кто отбывал срок в тюрьме.

Эдвард, его брат и Джаред совершили революцию в криминальном мире. Их уважали, им слепо верили и мечтали возрасти до их уровня. В многоэтажном отеле они собрали вокруг себя фанатеющие от них отбросы. Для отморожков они являлись образцом мужского достоинства и безупречного, на их взгляд, воспитания. Общаясь с бывшими заключёнными и полностью погрузившись в суть криминального мира, будучи совершенными, обладая незаурядными умственными способностями, они за короткое время создали целую систему, при которой отморожкам стало легче сосуществовать. Братья с Джаредом впитали давние обычаи и законы и адаптировали мир заключённых в условия блага.

Они придумали завербовывать себе несовершеннолетних работников, которых не имели право серьёзно допрашивать или больше двух часов держать в участке, что значительно упрощало криминальную жизнь. Но достигнув двадцатилет-

него возраста, отморозки вели себя осторожнее, так как за серьёзную кражу, барыжничество или убийство им грозила смертная казнь. Если член Банды Братьев попадал в тюрьму, его встречали свои, и ему жилось намного легче, чем обычным заключённым. Охранники в тюрьме боялись членов банды, оставшихся на свободе, поэтому выделяли отморозкам большие камеры с удобствами, где разрешалось жить по пять человек.

Лидеры Банды Братьев придумали свод правил и законов, соблюдение которых было выгодно совершенным для поддержания порядка среди криминальной массы, но в то же время положительно сказывалось на арестованных. Теперь отморозки могли проводить время в тюрьме с пользой, читая книги и общаясь с другими заключёнными, делясь опытом друг с другом, повышая уровень своего внутреннего мировоззрения и избавляясь от изъянов в своём сознании, они подготавливались к свободе. Назначенные братьями старшие несли ответственность за поддержание порядка и решение конфликтов в тюрьме и на свободе.

Развитие системы братьев, несмотря на безграничную власть Гринн, осталось для неё незаметным. А когда до Айрис дошли слухи о создании отморозками своего порядка, она не восприняла эту затею всерьёз. Только когда преступность в Надежде заметно возросла, по приказу Айрис несовершенных начали судить строже, без разбора, с лёгкостью отправляя в тюрьмы, где заключенные, в прошлом добропо-

рядочные граждане, становились преступниками. В тюрьмы начали запускать отряды Морали, которые заходили молча и били заключённых, уничтожали их жалкие пожитки при обыске, чтобы в дальнейшем у них не возникло желание воровать и убивать. Кроме того, эта процедура была основным способом дознания. пытки с давних времён не изменились. Били по пяткам резиновой дубинкой, превращая их во что-то бесформенное, жёлто-сиреневое, не влезающее в обувь. Их пытали током, подвешивали за руки или за ноги. Также людей изматывали одиночеством, потому что для многих страх пробыть одному в маленькой комнате без общения, телевизора и других благ цивилизации сильнее страха физической боли. Пытали до тех пор, пока несов в чём-нибудь не признается, или просто для профилактики. Но это только усилило желание отчаявшихся несовершеннолетних вступить в Банду Братьев, чтобы получить хоть какую-то защиту и отомстить государству, обрѣкшему их на такую жизнь.

Признание в своих собственных преступлениях, даже в тех, которые заключенный не совершал, среди отморозков было в порядке вещей. Все понимали, что такие условия может выдержать не каждый. Сломать можно любого, это только вопрос времени. Но некоторым достаточно показать, как ломают их товарища, и они выкрикивают имена своих друзей и родных в надежде на помилование. Таких стукачей отморозки наказывали жестоко, ведь они обрекали на тяжёлую участь другого человека. Пока стукача не разоблачили, он

жил в постоянном страхе, что в любой момент его могут поймать.

Бедняги, обиженные на власть, загорались желанием отомстить, и те, кто ещё не был в Банде Братьев, охотно в неё вступали. Большинство несовов, каждый со своей душераздирающей историей, приходили к братьям. Они выслушали каждого, прежде чем принять в банду. Кто-то по собственной глупости попал в тюрьму, у кого-то не осталось родных, кто-то просто устал жить в рабстве. Почти все истории сводились к одному – виновато правительство. В итоге случилось то, чего Айрис боялась: у несовершеннолетних возникло своё государство, по силе равное Новой расе. Она боялась отправить своих немногочисленных солдат в отель, считая, что её людей растопчет огромная армия Банды Братьев.

* * *

Эффи проснулась с мыслью об обещании Эйприл поговорить с её опекуном. Она смотрела на лежащую рядом Эйприл. Девушка ещё спала. Она подумала, что нужно поблагодарить свою новую подругу за то, что ей не приходится оставаться одной. Эффи закрыла глаза и попыталась заново уснуть. Ей на миг показалось, что сон избавит её от всех проблем. Но вдруг её охватила паника. Предстоящее рисовалось ей так ясно, что на глазах выступили слёзы. Она не представляла, как будет жить без своего Лео. Увидит ли она

его снова? Умер он или стал бездушным солдатом Морали, Эффи не знала. Она встала с кровати и пошла в ванную. Всё в этой маленькой квартирке напоминало о нём. Зубная щётка Лео, его одежда, висевшая на верёвке, и... сумка, которую он принёс и просил спрятать. С зубной щёткой во рту она расстегнула молнию. Куча денег, наркотики.

– Как ты себя чувствуешь? – спросила Эйприл, стоя у неё за спиной. Эффи вздрогнула от испуга.

– Нормально. Ты позвонишь отцу?

– Да, конечно, – сказала Эйприл и достала из кармана свой телефон. У Эффи появилась надежда на то, что всё будет в порядке. Ей даже показалось, что в скором времени они будут вспоминать об этом и смеяться. Лео будет обнимать её за плечи, расскажет про Остров и как он скучал без неё.

– Он стал солдатом Морали. Его мать подписала все бумаги, – с сочувствием сказала Эйприл через несколько минут, засовывая телефон обратно в карман.

– И ничего нельзя сделать? Я ведь ничего не подписывала.

– Твоё согласие не требуется. Ты ему не родственник. Забудь о нём, они что-то делают с памятью, он скоро даже не вспомнит о тебе, – угрюмо сказала Эйприл. Эффи злобно посмотрела на Эйприл, захотела её ударить, но сдержалась.

– Не смей так говорить, – тяжело дыша, сказала Эффи. Ноги её не слушались, и она неуклюже опустилась на диван. Полы халата разошлись, обнажив богатство пышного бюста. Большие глаза Эйприл растерянно уставились на Эффи.

– Я не хотела расстраивать тебя. Прости. Я хочу помочь... Но не знаю, как, – извинилась Эйприл, украдкой поглядывая на грудь Эффи.

– Помнишь, когда заставляли усыплять домашних животных? – сказала Эффи и подняла глаза, полные слёз. Она поправила халат, закрыв грудь.

– Помню. Я была ещё маленькая. Взглянуть бы ещё разок на какое-нибудь животное. Ощущение, должно быть, фантастическое.

– Мне было десять. Никогда, наверно, не было таких больших очередей в ветеринарных клиниках. Мы иногда посещали клинику с бультерьером по кличке Марли белого окраса с единственным чёрным пятном вокруг правого глаза. Мы очень любили этого пса. В нашем городе людям дали пару недель, для того чтобы усыпить своих животных. Марли стал более ласков и ни на шаг не отходил от меня, как будто хотел оставшееся время провести со мной. Помню, как отец на руках занёс Марли и положил на стол. Отец с матерью вышли, а я попросила остаться на эвтаназии, хотела быть с ним до конца. Ему поставили наркоз внутривенно, и он заснул. Ещё одна доза – и сердце сдаётся. Я держала руку на нём и чувствовала удары его сердца, потом Марли тяжело вздыхает в последний раз. Я крепко обнимаю его и начинаю рыдать во весь голос. Два мужика, стоящие рядом, заматывают его в какую-то ткань, затем прямо на моих глазах засовывают в пакет и забирают. Нам не дали даже похоронить его, –

рассказала Эффи, затем вздохнула и продолжила: – Я сидела на крыльце одна со слезами на глазах. Ко мне подошёл мальчик. В руках у него была маленькая ящерка с большими глазами. Он сел около меня на нижнюю ступень крыльца и сказал, что прячет её. Сказал, что ей нужен новый дом, а затем дал мне подержать её. Такая маленькая, вертлявая, как будто из мягкой резины, она вызвала у меня непередаваемое восхищение. Так мы и познакомились с Лео. Мы приходили каждый день в одно и то же время после школы навещать маленькую ящерицу.

– А у нас не было питомца. Только роботопомощник и живая кукла, – улыбнулась Эйприл, пытаясь поднять Эффи настроение.

– А один раз, когда я возвращалась из школы, отморозки пристали ко мне, а он пытался меня защитить. Они были старше и сильно избили его. Я потом навещала его в больнице. Мне так понравилось, что он не испугался и заступился за меня, несмотря на то что они были сильнее и их было больше. Помню первый поцелуй. Тогда уже нам было по пятнадцать. Помню, как мы сидели на заднем дворе на белом песке. Его рука сквозь песок подползала к моей, и когда я почувствовала тепло его руки, он подсел ближе и поцеловал меня в губы. Потом мы засмутились, сидели молча. Нам не нужно было что-то объяснять друг другу, просто я чувствовала, что он мой и только мой и никогда я его не отпущу, – сказала Эффи и, откинувшись на спинку дивана,

закрыла глаза, пытаюсь во всех подробностях вспомнить эти моменты.

Она продолжала снова и снова перелистывать в своей голове воспоминания, связанные с Лео. Она то улыбалась, то начинала плакать. Когда её большие глаза наполнялись слезами, она щедро предоставляла себя объятиям Эйприл, которая, подложив под себя одну ногу, внимательно слушала свою собеседницу, раздевая её взглядом.

– У меня был парень когда-то. Наша любовь была не такая, как в романах, – на сладкий лад. В реальности она оказалась губительна. Мы чувствовали кайф, когда находились рядом, и страдали, если не были вместе. Любовь разрушала нас и превращала жизнь в хаотичный поток событий. В один момент моё сердце разбилось, и моя любовь повисла в воздухе, осталась воспоминанием, сбежавшим настоящим, – проговорила Эйприл.

– У нас не так. У нас это навсегда, – сказала Эффи и, обиженно надув губки, мягко подняла ладони вверх, показывая, что разговор на эту тему исчерпан. Эйприл ухмыльнулась.

Эйприл сидела на диване и нежно гладила Эффи по волосам. Та лежала рядом на боку и в продолжение своих безудержных откровений о Лео, положив голову ей на ноги, тихонько всхлипывала, моргая своими длинными красивыми ресницами. Эйприл была в восторге от Эффи. Глуповатая наивная кукла с грустными глазами вызывала у неё сильное чувственное влечение. Она больше не могла себя сдержи-

вать. Она, исходя из своего опыта в принудительном привлечении к лесбийской любви глупеньких девушек, достала из кармана розовую таблеточку и дала её Эффи, сказав, что это успокоительное. Девушка, не глядя, положила таблетку в рот и запила водой, взяв стакан с журнального столика. Спустя некоторое время Эффи почувствовала волны тепла, и приятный запах парфюма новой подруги сводил с ума. Ей захотелось приблизиться и насытиться этим ароматом.

– Такой сладкий запах, – сказала Эффи, немного приподнявшись, она почти достала кончиком носа до шеи Эйприл и глубоко вдохнула.

– Обычно такие комплименты делают мальчики девочкам, – улыбнулась Эйприл, увидев блеск в её глазах, и своими длинными тонкими пальцами стала изучать черты лица своей подруги.

Нежные губы слегка приоткрылись, словно ожидая поцелуя. Эффи привстала и посмотрела в глаза девушке, которая опьяняла её. Небесно-голубые глаза, густо накрашенные чёрными тенями, её запах и пухленькие губы. Розовые ровные волосы, серая маечка, заправленная в чёрную мини-юбку и ровные ножки, обутые в домашние тапочки. Они смотрели друг на друга в некотором недоумении. Тёплые волны внутри бросили девушку в жар, и она села рядом, лениво откинув голову на спинку дивана, говоря этим: «Делай со мной всё, что захочешь». Прокрутив образ Эйприл с закрытыми глазами в голове, Эффи вдруг неосознанно предста-

вила их обеих в страстном поцелуе. Затем вспомнила про Лео, его прикосновения. Ей безумно захотелось уткнуться носом в его шею, запустить пальцы в волосы у него на затылке, почувствовать его запах. Она вдохнула. Глубоко. Это был не его запах, но не менее приятный. Эффи приоткрыла глаза. Перед лицом была шея Эйприл, между пальцами она ощущала локоны её волос, и наконец Эффи всецело отдалась своим фантазиям, потеряв чувство реальности.

– Я начну, – то ли спросила, то ли утвердила Эйприл. Горячее дыхание коснулось щеки, чужие губы медленно приблизились к губам Эффи, и она закрыла глаза. Больше нет сил бороться, Эффи легла на спину, и рука нежно сжала её грудь, затем рука опустилась ниже на живот, с живота на бедро и скользнула под тёмно-синий халат. Млея от нежной бархатистой кожи, она целовала Эффи так же, как Лео целовал её.

– Лео, – прошептала она, чувствуя, как её ласкают вверх-вниз, кругами, быстрее, медленнее. Она дрожала и не могла сделать даже движения, чувствуя тёплые нежные пальцы. Затем Эйприл сползла вниз, сняла с Эффи трусики и, держа её бедра, начала водить языком между её ног, выписывая алфавит, доводя девушку до безумия. Временно страдания испарились. Только сильное возбуждение руководило Эффи, на теле появились капли пота. Она взялась руками за свою голову и тихо застонала. Эйприл трахала её своими пальцами и до боли выставляла немеющий язык, не переставая ще-

котать её там, доведя наконец до оргазма.

Эффи лежала на диване, не в силах о чём-то думать. Ей уже не хотелось плакать, но тоска сжимала её сердце. Мысли путались в голове. Она старалась прогнать угнетающее настроение, и у неё получилось. Эффи подумала о своём будущем без Лео. Как скоро можно найти замену, чтобы не было так больно? Или жить прошлым, страдая, или стараться изо всех сил забыть о нём, налаживая своё будущее. Время неумолимо идёт вперёд, и нужно двигаться дальше. Ничего уже не исправить. Лео больше никогда не вернётся. Ещё несколько дней – и он совсем не вспомнит о ней. Но больше всего на свете она боялась остаться одна. Остаться наедине со своими собственными мыслями. Эффи никогда не пыталась развиваться как личность. Лео был нужен ей для доказательства самой себе, что она особенная, и для девушки это было очень важно. В какой-либо серьёзной ситуации, требующей решения, Эффи не могла самостоятельно разобраться, как ей поступить. В каком-то смысле совершенно несамостоятельная Эффи непреднамеренно повесила роль Лео на Эйприл.

* * *

Лео снилась мать, которая тщательнейшим образом протирает стол тряпкой, прежде чем сесть за него. Снилось, как счастливая семья сидит за обеденным столом. Отец – насто-

ящий, темноволосый и худой, рассказывает интересный случай, произошедший на работе, и мама смотрит на него влюблёнными глазами. Она внимательно слушает и улыбается. Они сидят напротив друг друга, тогда как Лео сидит с торца стола. Вдруг Лео пытается взять вилку и видит, что рука его обрастает металлической коркой. Он закрывает мутировавшую руку другой, нормальной, но вторая рука тоже покрывается красным металлом. Лео испуганно смотрит на родителей, которые смеются, глядя на него. Лица у них становятся гладкие, нет ни глаз, ни носа, ни бровей. Только открытый смеющийся рот. Затем они резко успокаиваются и продолжают есть. Лео просыпается и садится на кровати, сердце пугающе громко и бешено бьётся. На лице пот. Солнце заливает комнату через открытое окно. Он пытается обратиться к детству. Это крайне трудно. Тело и ум приобрели невыносимую чувствительность. Он с тревогой подумал, что забыл почти все, даже самые сильные впечатления детства, и слёзы наполнили глаза. Он забывал всё личное и самое дорогое. В конце подготовки он должен помнить лишь загруженные в память многочисленные боевые тренировки и участие в военных действиях, которых на самом деле с ним никогда не происходило. По коридору, не издавая ни звука, прошла толпа сотрудников в белых халатах. Они все шли в ногу и очень быстро.

– Пятьдесят шестой! Пройдите в кабинет номер один! – пронзительно залаял динамик в комнате женским голосом.

Лео подумал о побеге. Это была дикая вздорная мысль. Глупо было бежать.

В кабинете номер один не было ни доктора Айрис, ни кого-либо другого. Пустая, белая до тошноты, спящая комната была огромной и безжизненной. Но вот неожиданно стены разъехались, открыв окна от потолка до пола. Лео подошёл к окну. Солдаты с лицами, лишёнными всяких эмоций, шагали, уступая место другим, точь-в-точь таким же. Вдруг в один миг комната заполнилась сотрудниками в белых халатах. Они построились в шеренги, и возле каждого из них возникли стулья, выстроившиеся из пола словно карточные домики. Они сели, не разговаривая друг с другом. У Лео сложилось впечатление, что все они слишком взволнованы предстоящим событием, вместо того чтобы обратить внимание на парня в невзрачной чёрной одежде. Они уставились на стену, как будто ожидая чего-то. Через пару секунд позади всех с механическим треском появился ещё один стул. Он повернулся в сторону Лео, будто приглашая его присесть. Взор людей резко обратился в сторону парня. Лео сел, и в кабинет вошла доктор Айрис, встав возле стены лицом к аудитории. Весь зал перевёл взгляд на неё. Один из сотрудников поднял руку, вытянув и растопырив пальцы, но Гринн, не обратив на него внимания, начала говорить:

– Представляю вашему вниманию нашего нового солдата. Он является совершенным. Номер пятьдесят шесть, – сказала женщина. Резкая торопливая речь напоминала щебетание

птицы. Сидящие в кабинете оглянулись и пристально рассмотрели Лео с ног до головы. В их пустом взгляде не было и намёка на дружелюбие. Не говоря ни единого слова, они снова, как дрессированные, уставились на Айрис. Один из мужчин в белом халате почувствовал себя плохо. Он начал быстро, с нечеловеческой скоростью кивать головой и поспешно удалился из кабинета.

– Пятьдесят шестой, вот твоя форма, – сказала Гринн, и слева от Лео из пола медленно поднялся манекен, одетый в экипировку Морали. – Экипировка Морали включает в себя несколько элементов: защита, то есть униформа, связь, оружие, ситуационная осведомлённость. Система включается по мере необходимости, – она замолчала и осмотрела каждого из присутствующих. – Ты должен незаметно пробраться в отель, – Гринн из-за шума повысила голос и продолжила: – Твоё задание – выяснить, кто занял место Джареда Голда. Тебя высадят, и дальше ты будешь действовать самостоятельно. Мы будем постоянно следить за тобой. Есть вопросы?

Лео задумался. Он ничего не ответил. Доктор слишком быстро говорила. Он попытался ещё раз прокрутить в голове всё, что она сказала. Вместо этого он представил нечто, не связанное с заданием. Это видение совместило в себе комнату Эффи, где они проводили большую часть своего времени, и мать, вечно недовольную.

– Запомни самое главное. Ты должен полностью поло-

житься на свои новые навыки и на свой костюм. Это тест, – сказала Айрис. После этих слов присутствующие встали и ушли. Остались лишь двое – они помогли Лео надеть костюм и проводили до военного кара. Лео поздоровался с водителем. В ответ тот лениво кивнул, и они тронулись с места. Парень совершенно не беспокоился насчёт первого задания. Он думал: вспоминают ли его Эффи и мама так же часто, как он вспоминает их? Пока он пытался представить, чем занимается Эффи, кар уже приехал. Водитель повернулся и посмотрел на Лео.

Кедровая улица тянулась за перекрёстком. Кто бы мог подумать, что он сюда вернётся? Знакомый бар в отеле был уже за углом. Лицо закрывал шлем. Лео посмотрел вверх. Затем вниз. Оторванная пожарная лестница, которая помогла ему сбежать от охранников Джареда, лежала на земле. Небольшое усилие – и он запрыгнул на второй этаж к разбитому окну. В коридоре со скрипом открылась дверь, и он резко спрятался за угол, сам не контролируя свою быстроту. Два молодых человека быстро прошли по коридору.

Лео бесшумно залез через окно и по лестнице поднялся на четвёртый этаж, на котором находился кабинет Джареда. В коридоре никого не было. Тишина давила на уши. Он направился к двери комнаты. С помощью универсального ключа, который анализировал и открывал любые замки, он вошёл внутрь. В комнате никого не было. Тысячи имён умерших отморозков были написаны на стене. Дверь позади захлоп-

нулась с такой силой, что, казалось, всё здание вздрогнуло.

– Заакрывааай! – зарычал голос за дверью, и металлический скрежет прервал глухой стук по ту сторону двери. Только сейчас Лео заметил, что окон в комнате нет. Он несколько раз ударил кулаком дверь, пока через отверстие не показался красный металлический блеск металла. Это была ловушка. Как они узнали? Или это и есть задание? Тихо, еле слышно щелчки, по звуку напоминавшие метроном, звучали со стороны стола. На столе лежало устройство, похожее на небольшую металлическую коробку. Лео подошёл к ней, осмотрел и медленно перевернул. Бомба. Аккуратно снял крышку и перевернул обратно. Любительская бомба низкого качества, при создании которой не использовались профессиональные схемы. Он взял в пучок провода и начал резать их по одному. Осторожно, чтобы случайно ножом не замкнуть цепь детонатора. Удивительно, но он знал, что делать. Перерезав последний провод, щелчки не прекратились. На другом конце комнаты медленно и мерно тикал точно такой же прибор, отсчитывая последние секунды его жизни.

Глава 8

2060 год

Нищета и голод остались позади. Сейчас жизнь менялась в лучшую сторону, и наконец можно заняться собой. Пока Майк читал газету за завтраком, не содержащую ничего, кроме объявлений типа «приму в дар» и астрологии, Маргарет, наградив мужа беглым поцелуем, отправилась по магазинам в кварталы Новой расы. Ей был до жути непривычен шопинг. Она откладывала его, но женская натура взяла своё.

В магазине, находившемся на территории совершенных, её сразу окружили продавцы, как хищники свою добычу, но держались скептически. Пришлось показать им наличку в доказательство того, что она пришла не красть и не просто так поглазеть. Но Маргаретнисколько не обиделась. Никто и ничто сегодня не могло испортить её настроение. С первого магазина она вошла во вкус. Ей предложили кофе, и пока она грелась и наслаждалась вкусным капучино, высокая молодая девушка выкатила отдельную вешалку на колёсах, на которой красовались с десятков моделей шуб, и начала монотонно и нудно говорить:

– Рада предложить вам несколько моделей шуб. В одной из наших красивых шуб будете чувствовать себя и выглядеть

шикарной женщиной.

Маргарет понравилась лишь одна, самая дорогая, из меха викунии. Возможно, такая шуба была одной из последних во всём мире. Мягкая, густая, тонкая. Её и раньше, ещё до вымирания животных, изготавливали крайне редко только именитые бренды. Дорогое изделие было скрытно перфорированным, чтобы не было жарко. После такой покупки вес сумочки, полной наличных, значительно уменьшился. Но самое главное предстояло впереди. Обойдя все бутики на улице Хисамова, Маргарет из серой мышки превратилась в настоящую королеву моды. Только вот она забыла сбрить чёрный пушок на ногах, смутивший консультанта, когда тот обувал её в высокие сапожки.

Она переходила через дорогу, и уже вдалеке стало видно, как сверкает парившая в воздухе вывеска «Красота будущего». Снаружи от магазина исходила волшебная светлая аура, манящая и чарующая. Консультанты по выбору косметики ждали клиентов возле входа. Едва её нога ступила на лестницу, они предложили донести многочисленные пакеты. Маргарет несколько не устала, энергия возрастала с каждой новой покупкой, но она всё равно отдала все свои вещи консультанту, и он положил их в специальный шкафчик. Улыбаясь, он отдал ей ключ. Просторный холл, бежевый глянцевый пол, люди, одетые в забавные костюмы губной помады, баночки с кремом, громко кричали:

– В «Красоте будущего» вы найдёте всё, что нужно, для

ухода за собой и вашими вещами, вашей мебелью...

Красивая брюнетка с пышной причёской торопливо подошла к Маргарет.

– Здравствуйте, вы пришли за чем-то определённым? – спросила она.

– Здравсьте, – неуверенно поздоровалась Маргарет. – А что у вас там? – она словно лунатик двинулась к стенду.

– Разрешите рассказать вам о наших новинках, – девушка, стуча каблуками, обогнала Мэгги, взмахнула рукой и указала на манящий стенд. К нему тянулась ярко-красная ковровая дорожка, указывая Маргарет путь.

У Маргарет разбегались глаза. Она пыталась внимательно рассмотреть девушку-консультанта, на которой была задействована всевозможная косметика «Красоты будущего», и в то же время не могла отвести взгляд от крутящихся завораживающих небольших полочек. Лаки для ногтей, губные помады, средства для ухода за волосами. Всё это было аккуратно расставлено и манило своим цветом, чарующим ароматом и изысканным оформлением.

– Начну с, пожалуй, самой главной новинки этой недели – сверкающий блеск «Номер шесть». Он есть уже почти у всех ценителей нашей продукции. Вот скажите, скажите, – брюнетка начала махать кистями рук на уровне груди, пытаясь что-то вспомнить. – Чем вам нравился сверкающий блеск «Номер пять»? – спросила она. Маргарет почувствовала себя до ужаса неловко. У неё никогда не было никакого сверка-

ющего блеска для губ и вообще никакой косметики из «Красоты будущего». Ей захотелось просто уйти и прийти, возможно, в другой раз. Она подумала, что лучше заказать доставку косметики на дом и прийти в магазин накрашенной, чтобы не было так стыдно.

– Знаете, у меня... – Маргарет закусила губы и, грустно усмехнувшись, попятилась назад к выходу. От волнения сильно вспотели ладони. Но девушка-консультант посмотрела на Маргарет и поняла, что совершила ужасную ошибку, поставив клиента в неловкую ситуацию. Она поняла только сейчас, что косметика для Маргарет в новинку. У брюнетки был такой вид, как будто её ударило током и она ещё не скоро придёт в себя. Медленно подойдя, она испуганно закончила за неё фразу:

– ...не было нашей косметики, – шёпотом она пару раз хлопнула своими длинными ресницами, схватила Маргарет за руку, провела её на другую сторону стенда и, положив руки ей на плечи, усадила на небольшой коричневый диванчик. У Мэгги перехватило дыхание, когда её насильно усадили на этот сверхудобный диван напротив волшебного стенда.

– Невелин! Перестань хватать наших клиентов за руки, – сердито произнёс мужчина с бейджиком администратора, обращаясь к брюнетке, которая не обратила на него ни малейшего внимания.

В магазин вошёл необычайно пузатый мужчина в тёмно-синем пальто. Он прошёлся по залу, словно он хозяин

всего мира, и неожиданно плюхнулся на диван рядом с Маргарет, отчего она подпрыгнула на месте.

– Девушка, присядьте, – сказал он грудастой консультантке, поглаживая пальцами-сардельками своё колено, одновременно оценивающе сканируя Мэгги своим самоуверенным взглядом.

– Я на работе. Начальство не разрешает садиться к клиенту на колени, – уверенно ответила девушка.

– Да я договорюсь с твоим начальником. Как его зовут? – грубо спросил мужчина, похабно разглядывая девушку. Он был несовершеннолетним, хотя одет был очень хорошо. Его выдавали хамские манеры, южный акцент и жвачка, которую он жевал, широко открывая рот, громко чавкая и непристойно облизываясь. Маргарет подумала, что именно такие, как он, и портят отношения между совами и несовами. Консультантка щенячьими глазами посмотрела на администратора, и тот незамедлительно вызвал охрану по рации. Два амбала подошли к этому мужчине, взяли его под руки, подняли с дивана и выкинули из магазина, открыв двери его же головой, так быстро, что он даже не успел что-либо сказать.

Администратор сделал ещё одно замечание девушке, когда она схватила Маргарет за её миниатюрные ручки и начала с сочувствующим видом разглядывать её ногти. Невелин его даже не услышала или сделала вид, что не услышала. Тогда он подошёл к ней с суровым выражением лица, наклонился и сквозь зубы сказал:

– Ты можешь вести себя чуточку скромнее?

– Артурчик, после ужина едем к тебе или ко мне? – зада-
ла Невелин встречный вопрос. От неожиданности админи-
стратор лишился способности говорить, но, нервно потерев-
бив свой бейджик, так, словно искал в нём ответ, наконец
сумел взять себя в руки.

– Ко мне? – то ли спросил, то ли ответил Артур и, оставив
девушек, ушёл.

– Ты не подумай, он мне давно нравится, и, насколько я
знаю, я ему тоже. Просто не успеешь опомниться и станешь
совсем старой, пока дождёшься от мужчины инициативы.

Невелин прониклась сочувствием к Мэгги и совершенно
бесплатно около двух часов приводила её ногти в порядок.
Артур больше не беспокоил свою подчинённую и вообще
предоставил ей полную свободу действий. Никто из других
консультантов, с завистью смотрящих на Невелин, не посмел
бы красить ногти клиентке. Это вообще не входит в их обя-
занности. Она показывала Маргарет каждый флакон, каж-
дый тюбик, всё-всё, что стояло на полках, из последней кол-
лекции и одновременно без остановки тараторила. Для Мар-
гарет всё, что ей рассказывала консультант, казалось вели-
ким открытием. Невелин плавными движениями наносила
макияж на свою клиентку, затем держала несколько секунд
зеркало у неё перед лицом, а потом стирала всё специаль-
ной салфеткой и тут же красила её заново, используя дру-
гие цвета и оттенки. Маргарет наблюдала за девушкой с за-

таённым восторгом, а когда перед лицом появлялось зеркало с абсолютно другой идеальной, невероятно сексуальной Мэгги, у неё замирало сердце. Преображение было настолько прекрасным и в то же время естественным, что у неё ненароком вырывались тихие стоны от такого блаженства.

Наконец, выслушав всю историю завода «Красота будущего», узнав об этой косметике ровно столько, сколько требуется для того, чтобы самой работать консультантом, Маргарет, счастливая, сияющая своим новым образом, отправилась домой. Пришлось вызывать микроавтобус, чтобы увезти все сегодняшние покупки.

В доме Митчеллов запахло едой. В плане кулинарии у Маргарет был особый дар. В воздухе витал запах дурманящего, настоящего и наконец заслуженного мяса. Она вдыхала этот запах, словно курильщик сигаретный дым, очень долго отказывающий себе в сигарете. Она вдыхала глубоко и часто, пока голова не закружилась. Ещё в детстве бабка заставляла её готовить, так как сама не умела. Тут уж пришлось учиться, читать книжки с рецептами, выбирать продукты на прилавках. Маргарет, в отличие от бабки и сестёр, не считала готовку наказанием и с радостью проводила время на кухне, достигнув совершенства в этой области. Она подумала о том, что позже они с Майком смогли бы открыть свой ресторан.

Дверь хлопнула, а значит, муж вернулся. Майкл подхватил на руки встречающую его Элис и не мог не насладиться этим чудным запахом пищи. Они с дочкой вдохнули этот

сладостный долгожданный аромат, закрыв глаза от удовольствия, и пошли к маме на кухню. Она закрыла духовой шкаф и увидела в нём своё отражение, никогда не сиявшее таким изысканным макияжем.

– Ты выглядишь потрясающе, – прокомментировал Майк её внешний вид, разглядывая её так, словно не видел несколько лет. Его даже затрясло от восторга. Он полюбил свою жену, когда она была ненакрашенной, плохо одетой серой мышкой, но всегда мечтал сделать её королевой.

– Тебе нравится? – смутившись от ошарашенного взгляда, спросила Мэгги и, опустив голову вниз, отвернулась.

Майкл, ничего не ответив, подошёл и обнял её сзади. Элис прижималась к маминому бедру. В этот самый момент Мэгги вдруг поймала себя на мысли о том, как хорошо они стали жить. И всё это благодаря мужу. И ради их дочери. Настоящая крепкая любящая семья. На глазах Маргарет выступили слёзы счастья.

* * *

На следующий день, возвращаясь домой, Майк не чувствовал никакой усталости после рабочего дня. Сегодня, после того как он вышел за территорию завода, у него открылось второе дыхание. Завтра просыпаться рано утром не нужно. Грядущий выходной день придавал сил. Он и в общем стал чувствовать себя лучше. Настроение было на вы-

соте. Майкл стал чаще улыбаться.

Дав взятку директору военного завода, Майк купил себе один выходной в неделю. Директор на удивление очень быстро согласился. Он был из совершенных, но в последнее время полиция сильно давила на него из-за нескольких инцидентов. Созданные им аккумуляторы были нестабильны и взрывались. Такие аккумуляторы было очень трудно достать в каком-либо другом месте. Директору очень были нужны деньги, для того чтобы откупиться.

Вечером семья Ниеро снова собирала всю группировку у себя дома. Ещё недавно все темы для разговоров у Митчелла сводились к осуждению власти, а теперь они пьют вино с новыми друзьями, хвастаясь дорогими покупками, и делятся рецептами.

– Майк, хочу тебя предупредить, – произнес Герб с присущей ему серьёзностью, когда дело касалось работы. – Старайтесь не совершать дорогих покупок хотя бы чаще одного раза в месяц. Нам могут сесть на хвост. Согласись, что сразу бросится в глаза, если несов решит разъезжать на дорогой машине. Когда будешь брать кар, то возьми подержанный. Так будет лучше для всех.

– Можно купить новый и помять крыло, например, – предложил Стивен, пальцами закручивая кончики усов.

– Можно и так. Главное, чтобы совы не акцентировали на нас своё внимание. Можешь разбить заднее окно и заклеить его каким-нибудь скотчем или что-то типа того. Короче, что-

бы был видимый дефект.

– И ещё, – снова вмешался Стивен. – Расплачивайтесь наличными. Всегда.

– Наличные – самый безопасный способ рассчитаться. Его не отследят, – добавила Рейчел, и Джордж одобрительно кивнул.

– Покупки в супермаркете оплачивайте картой. Если вы не будете тратить деньги, это тоже будет выглядеть подозрительно, – добавил Джордж, окинув взглядом Майкла и Маргарет. Они закивали головой.

– Лучше бы мы собрались у нас, – буркнула Аделин, после того как попробовала кусочек мяса и закатила глаза. Она имела привычку сначала говорить, а потом только думать.

– Это почему же, интересно? Может, тебе не нравится моя еда? Или мой дом? – спросила Рейчел, на каждом вопросе повышая голос.

– Рейчел, я просто так сказала, я не хотела, – начала оправдываться Аделин. Рейчел нахмурилась.

– Девочки, успокойтесь, – безуспешно вмешался Джон. Он не хотел, чтобы спор затронул ту тему, которую ему очень не хотелось вспоминать, но было уже поздно.

– Может, ты ещё хочешь поучить меня кулинарии? Я ведь не прихожу в твой дом и не указываю, как отсасывать твоему мужу. Проститутка! Конечно, если бы мы пришли к вам в дом, ты бы выкроила минутку и снова затащила бы Герба в свою постель! – закричала Рейчел и, резко встав, твёрдыми

шагами вышла из комнаты. Джон жутко покраснел и опустил глаза. Посмотрев на него, всем, кто ещё не был в курсе, стало ясно, что Герб спал с Аделин.

– Ну, давайте все эти слова пропустим мимо ушей и выпьем. Это всё наша непростая работёнка сказывается на наших хрупких любимых женщинах. Готов поспорить, минут через десять она вернётся и извинится, – попытался сгладить обстановку Герб, разливая по бокалам вино. И он оказался прав. Через полчаса Рейчел вернулась и извинилась перед всеми, особенно перед Аделин, которая встала и в ответ её обняла. Они ещё немного постояли, обнявшись, и как ни в чём не бывало сели за стол.

– Женщины! – улыбаясь, прокомментировал Герб, после чего Рейчел играючи ладонью хлопнула его по плечу.

Нервы сдавали у всех, просто никто этого не показывал. Некоторые уже задумывались о том, чтобы выйти из игры, но Герб умел переубеждать. Он как никто другой любил эту работу, ведь с такими огромными деньгами Ниеро мог жить лучше любого совершенного, чего всегда хотел. Но его вид становился всё безумнее, его мысли лихорадочно метались, потому что он с каждым днём всё чаще начал представлять, что их всех ждёт в случае малейшей неудачи. Он плохо спал. Закрывая глаза, он видел себя и Рейчел, сидящих на железных стульях, ожидая смертельный укол в Доме Правосудия. Он не знал, как поведёт себя в этой ситуации. Будет ли гордо сидеть, до последнего отшучиваясь, оскорбляя судью, или

будет рыдать как маленькая девочка, моля о пощаде. Будет ли он молчать на допросе или сразу сдаст всех своих друзей, когда ему начнут бить по пяткам резиновой дубинкой. Или, возможно, казнят всех одновременно. Эти мысли сеяли панику в его голове. Он выстраивал бредовые идеи, постепенно переставая рассуждать логически. Его спокойствие и уравновешенность безвозвратно улетучивались.

Ужин близился к концу. Перед уходом Герб позвал Майка наверх в свой кабинет и, убедившись, что за ними никто не поднялся, уселся в своё кресло.

– Я не хочу больше работать с Джоном, при первой возможности он нас сдаст, – сказал Герб. Майк сразу понял, к чему весь этот разговор, и начал искать оправдания для Джона.

– Но если мы его выгоним, он точно может нас заложить.

– Выгнать его мы не можем, – Герб сделал паузу, глядя Митчеллу прямо в глаза. – Мы убьём его.

– Я не могу. Мы не можем. А Аделин? – испуганно спросил Майк, но ответ он, конечно, знал.

– Нужно убить и её. У нас нет другого выхода, дружище.

– Давай ещё хоть немного подумаем! Ты как обычно ставишь меня перед фактом, – сказал Майк, взялся руками за голову и начал расхаживать из одного угла в другой. – Он же наш друг, он безобидный. С чего ты взял, что он пойдёт в полицию?

– Он уже туда ходит. Может быть, он коп? Сегодня я

встретил своего старого знакомого, и он, конечно, не уверен, он немного не в себе, но он сказал, что видел Джона выходящим из полицейского участка. Причём не один раз, – ответил Герб и начал раздражающе постукивать пальцами по столу. Он, прислушиваясь к своему чутью, в последнее время начал думать, что за глупым и невинным видом Миллера кроется коварство. Но чётких доказательств у него не было.

– А что твой друг, интересно, там делал? По-моему, мы всегда стараемся держаться подальше от таких мест, – спросил Митчелл. Ему было страшно осознавать, что Герб вот так просто приговорил Джона к смерти, ведь на месте Миллера мог оказаться и сам Майкл.

– Он доставляет туда Джусс.

– Но он же не уверен, да? Может, Джон просто проходил мимо, а не заходил туда?

– Не уверен. Я же сказал, – ответил Герб таким тоном и видом, словно Майк его разочаровал.

– Тогда не будем делать поспешных выводов.

– Мальчики, вы идёте? – крикнула Рейчел, находясь внизу у входной двери.

– Да-да, милая, секундочку! – крикнул в ответ Герб.

– Давай с ним завтра поговорим? Напугаем его, если придётся. Хорошо?

– Хорошо, Майк, до завтра, – одобрил его мысль Ниеро.

Они обменялись рукопожатием. Майк, обрадовавшись тому, что сумел уговорить Герба не принимать поспешных мер

и попрощавшись с Рейчел у порога, вышел на улицу к жене. Пьяные позитивные гости разбрелись по домам.

Впервые за долгое время они забылись глубоким сном. Майк тоже спал крепко, совершенно не думая о Миллере. Проснувшись, сразу о себе дало знать лёгкое похмелье. Был уже полдень. Майк спустился вниз и, проходя мимо входной двери, увидел свою старую обувь рядом с новыми дорогими ботинками. Он кинул кроссовки в пакет, вышел на улицу, разбежался и словно звезда баскетбола в прыжке кинул их в мусорный бак, нарушая тишину глухим стуком старой обуви о пластиковую стенку. Соседка через дорогу от испуга резко дёрнула за поводок, притянув к себе глянцевого серебристого робота-пса, и уставилась на Майка, на что он ответил приветствием и улыбкой. Пёс от сильного рывка не устоял и завалился на бок. Беспомощно подёргивая лапами, он напоминал жука, пытающегося перевернуться обратно на лапки.

– Вот и началась наша новая счастливая жизнь, которую мы заслуживаем, – сказал Майк, вернувшись в спальню. Волосы его торчали, как хохолок у попугая на голове, и Маргарет захихикала. Митчелл бросился к ней на кровать, завернул её в плед и начал щекотать, от чего Маргарет заливалась хохотом. Элли прибежала на шум, вскарабкалась на кровать и начала прыгать на упругом матрасе. Отец к ней присоединился, и они вместе прыгали вокруг мамы. Маргарет не помнила, когда в последний раз они так веселились, когда дочка не плакала, а муж не ворчал. Наконец кровать хрустнула, и

матрас сполз с кровати. Майк подхватил одной рукой дочку, другой – жену, и они ещё некоторое время валялись на полу, пока в дверь не постучали. Даже по стуку Митчелл понял, что пришли совы. Стук был такой, как будто стучали ногой или кулаком, что выражало неуважение к хозяевам. И он был прав – это были полицейские. Маргарет жутко перепугалась и не без помощи своей женской фантазии прокрутила в голове все возможные сценарии с сюжетом не в пользу Митчеллов. Полиция без фанатизма обыскала комнаты, и затем совы ушли, также неуважительно захлопнув за собой дверь. Майк, уперевшись в дверь лбом и закрыв глаза, глубоко вздохнул.

– Надо получше спрятать деньги и всё остальное, – сказал он.

Вечером в телефонном сообщении Герб указал время и место встречи. Митчелл успел посетить автосалон подержанных каров и выбрал самый быстроходный с небольшой вмятиной на задней двери. Майк попал в пробку и, припарковав кар на обочине, со всех ног побежал к месту встречи. Он боялся, что не успеет и Джон уже мёртв. Когда Митчелл прибежал по нужному адресу в какой-то наркопритон, Джон, испуганный и мокрый от пота, уже был привязан к стулу. В его лице с ужасающей отчётливостью отражалась мысль о том, что его привезли сюда не просто запугивать, а пытаться. Пока запыхавшийся Митчелл вешал свою куртку на крючок, Герб расстегнул ширинку и достал член. Он уже

мочился на Джона, когда Майк развернулся в их сторону. Всё произошло так быстро, что Митчелл даже не успел это прекратить. Как будто Герб намеренно терпел, держа всё в себе ради этого случая. Ниеро был настроен очень серьёзно, и после угроз отрезать Миллеру какую-нибудь часть тела Майк, не сумевший справиться с упрямством друга, разрешил ему выдернуть один ноготь с большого пальца на руке, после чего бедняга обмочился. От скулящего Джона они ничего не добились. Даже когда Ниеро, пока Майк отлучился в туалет, отрезал Миллеру фалангу этого же пальца. Вернувшись, разозлённый Митчелл, применив силу, забрал у друга клещи и выкинул их в окно. Герб слегка пригнулся, чтобы поймать взгляд Миллера, который был устремлён вниз, и принялся развязывать бедолагу. Митчеллу показалось, что Ниеро немного расстроился из-за отсутствия расчленёнки, но Герб аккуратно перемотал окровавленный палец, распылил на него чудо-спрей, и троица пошла в бар, так сказать, залить пивом обиды. После парочки стаканов Герб и Майк вышли на улицу покурить.

– Интересно, что сейчас в них пихают? – спросил Ниеро, держа сигарету большим и указательным пальцами, пряча её в ладони. Затем он посмотрел на быстро тлеющий бычок и изобразил задумчивый вид.

– Ты всё ещё думаешь, что он коп? – спросил Майк.

– Да какой там полицейский? Ты посмотри на него. Там одни нахальные ублюдки. Они эгоисты, самоуверенные гор-

дые сукины дети. А этот... обоссался. Джон даже не стукач. Он бы во всём сознался сегодня, если бы был им, – сказал Герб. Теперь он успокоился и был уверен в том, что Миллер не имеет отношения к полиции.

На удивление Джон выглядел счастливым. Он улыбался и смотрел, как старая стриптизёрша отчаянно крутит перед ним сиськами и жопой. Она тоже улыбалась. Но улыбался только рот, искусственно и фальшиво, а всё остальное таило в себе холод и ненависть к совершенному. Обычно в подобной обстановке, а тем более с Ниеро, он вёл себя скованно, но теперь же, зная, что его коллеги-преступники спокойны, Миллер стал намного увереннее в себе. Герб начал доверять Джону и посвящать его в некоторые тонкости их дел, о которых раньше боялся рассказать. В том числе о продажных полицейских, которые подчищали улики и делали вечной загадкой то, кто же ворует здоровяков, а папка с компроматом на всех членов группировки и их помощников становилась всё толще и толще.

* * *

Поздно вечером того же дня Джон и Аделин разделявали тело около часа. Это немного быстрее, чем Майкл Митчелл. Миллеру даже не мешал залитый в изрядном количестве алкоголь.

– Мне уже это осточертело, – сказала Аделин, швырнув

перчатки в мусорное ведро.

– А мне нравится, всю жизнь бы этим занимался, – спокойно сказал Джон.

Когда рядом никого из северной группировки нет, супруги работают как профессиональные мясники. Сейчас они вдвоём, и незачем играть свои роли. Неуклюжий дурачок и его глупая болтливая жена остались ждать у порога дома, и когда они вновь выйдут из своего особняка, щедро предоставленного полицейским управлением, то не забудут надеть свои маски. Это их работа. Джон и Аделин – копы под прикрытием. И если они не справляются с разделкой туши, опаздывают на собрания или просто ведут себя глупо, то это всё заранее спланировано для поддержания своей легенды. Сегодня Джон Миллер своим поведением напрочь отбил от себя все подозрения в том, что является полицейским. Он по собственному опыту знает, что самый лучший способ остаться нераскрытым – прикинуться никчёмным, и супруги вжились в свою роль так, словно никогда не выходили из образа.

– Вырвал мне ноготь, а потом отхуярил половину пальца! Вот скотина, – возмутился Джон, демонстрируя забинтованный палец.

– Ну, ты ведь знал, куда идёшь и что он задумал. Мне кажется, тебе ещё повезло. Я так переживала за тебя. Даже несмотря на то, что наши постоянно вели наблюдение. Обезболивающее-то помогло? – с жалобным видом спросила Аделин.

– Почти ничего не почувствовал. Проглотил ампулу за час до встречи с этими дебилами, но на пианино теперь не играешь.

– Ну, уж кто-кто, а Герб не debil. Надо отдать ему должное. Чутьё у него нечеловеческое.

– Ты права. Умён этот несов. Да и вообще они все далеко не глупые люди, поэтому управление послало именно нас. Мы всё-таки не первый год этим занимаемся.

– Они все так любят и уважают Герба.

– Да, коллектив у них сплочённый.

– Знаешь, мне кажется, ты превзошёл сам себя, когда обмочился. Это просто гениально.

– Я видел это в одном фильме. Короче, это не я придумал, – сказал Джон и улыбнулся. Но улыбку быстро сменила гримаса печали. Он не мог смотреть жене в глаза, не прокручивая в голове, как она занимается сексом с Гербом. Аделин сняла резиновые перчатки, помыла руки дорогим мылом с красивой выгравированной на нём буквой «К» и подошла сзади, пока Миллер вытирал стол. Она просунула руки через его фартук, чтобы не испачкаться. Джон никак не отреагировал. В голове всё ещё крутилась мучительными вспышками эта проклятая сцена измены.

– Ты всё ещё не можешь меня простить? – спросила она.

– Не хочу об этом говорить, – резко ответил Джон. Затем устало вздохнул и принялся тщательно тереть стол.

Аделин – его жена. И не только по легенде. У них самый

настоящий брак и самые настоящие дети. Как она могла переспать с ним? С этим преступником! Джон часто задаёт себе этот вопрос, но жене задать не решается. Сама же Аделин мучилась угрызениями совести и мечтала вернуть время назад и всё исправить. Поддавшись минутной слабости, она чуть не разрушила свою семью. До измены она смотрела на мужа как на давно изученное привычное существо, неинтересное, а сейчас она как будто полюбила Джона заново.

Хотя всё мясо было расфасовано, стол и инструменты в подвале были вымыты, Джон позвонил Гербу и сказал, что не успевает выполнить свою работу. В ответ бригадир, чувствуя вину за необоснованные обвинения и отрезанный Миллеру палец, не стал возмущаться, а вежливо, с ноткой сочувствия в голосе разрешил ему закончить работу вечером следующего дня.

Позже в спальне, протянув руки, с затаённым дыханием Джон ощупывал свои деньги, не включая свет, чтобы жена не проснулась.

– Осталось совсем немного. Ещё совсем чуточку – и мы сможем уйти. Интересно будет взглянуть на лицо Герба, когда я засажу его за решётку. Тогда уж точно улыбка сойдёт с его лица, – прошептал он, поглаживая тугие пачки, аккуратно складывая деньги обратно в сейф. Часть денег он сунул в карман пиджака. – Как же меня раздражает этот самоуверенный ублюдок! Возомнил себя главным... Я тут главный! Что бы он сделал, если бы точно знал, что я коп? Убил бы и

сожрал нас! Это точно. Вот когда засажу его за решётку, он будет скулить на допросах, плакать, пресмыкаться. А я отрежу ему его сраный палец, – тихо шептал Джон самому себе.

Из всех членов северной группировки он испытывал ненависть только к Гербу. Он очень часто вспоминал, когда впервые узнал про измену Аделин. Узнал не от неё, а от пьяного Герба, который в баре у Ричарда проболтался о том, что поимел некую шлюшку Аделин. Джон в беспамятстве накинулся на него, но Герб оказался сильнее и здорово избил Миллера. Несмотря на это Джон всё-таки сумел внедриться в северную группировку, потому что после этой стычки Миллер поклялся самому себе, что лично отведёт Герба в Дом Справедливости на казнь. Шлюшка Аделин. Эти слова крутились у него в голове каждый раз при виде Ниеро. К остальным участникам он, можно сказать, привязался и совсем не считал их плохими людьми. Он не думал, что они делают что-то плохое. Они обворовывали государство, но эти потери были незначительными. Он считал, что казнь и даже тюрьма – слишком суровое наказание для такого преступления. Но Джон должен делать свою работу, он ведь полицейский.

Он уже лёг в кровать, но сердце начало колотиться от злости. Он попытался успокоиться. Уже очень долго он со своей женой трахает мозги шефу. Давно уже можно было разоблачить похитителей тел с «Создателя», но немаловажная причина, почему он их до сих пор не сдал, – это деньги. Когда

сейф будет полон, он отнесёт все доказательства преступной жизни северной группировки своему начальству.

Особенно часто Джон, восхваляя себя, вспоминал, как ловко втёрся к Гербу в доверие, как будто придумал этот план внедрения в группировку сам со своим глупым начальником. На самом деле всё спланировала Айрис Гринн, и если бы Джон всегда делал всё в точности, как она говорила, то дело бы шло намного быстрее.

Джон представил, как вытянется от удивления самодовольная рожа Герба, когда он узнает правду. Тут же в голове промелькнула сцена с его повышением, и с этими мыслями Джон, откинув голову на скрещённые руки, уснул. Наутро он должен был ехать к Айрис в их секретную квартирку.

* * *

Айрис – двоюродная сестра Аделин по отцовской линии. Работает в химической лаборатории в полиции, имеет учёную степень по химии. Каждый день после работы она сложив голову несётся в одну из своих секретных лабораторий и ставит там непостижимые уму опыты. Они вместе с Джоном Миллером учились в одном институте Надежды, и уже тогда она полностью захватила его внимание своей идеологией. Гринн утверждает, что мы, люди, уже потеряли многое достигнутое. Общество деградирует, и дальше будет только хуже. Людям нужен тотальный контроль. Лидер должен быть

один. Им нужно подчиняться, иначе «бардак». Она говорила, что литература, наука, искусство, разнообразие удовольствий в скором времени исчезнут. К тому же банды отморожков, эти дикари уничтожат всё, но она этого не допустит.

Она околдовывает, к ней тянутся все. Она будет той, кем ты хочешь её видеть. Мамой, старшей сестрой, другом. Айрис хочет создать свою партию, и чем могущественнее она будет, тем слабее будут отморозки. Властная сильная женщина, мечтающая быть главной во всём. Она видит людей насквозь и всегда держит возле себя только тех, от кого можно что-то получить. Её взгляд обладает гипнотической силой, её возможности, её ум граничат с всесильным божеством. Глядя на неё, складывается впечатление, что с этим человеком в принципе ничего плохого не может случиться.

Айрис Гринн всё своё время тратит на строительство лаборатории на Острове. Именно она посоветовала Джону внедриться в северную группировку. Она подкинула начальнику полиции идею о том, как поймать похитителей тел с «Создателя», и порекомендовала Джона.

Джон как щенок крутится возле неё, отдавая ей значительную часть своих денег. По замыслу Гринн, он должен работать под прикрытием до тех пор, пока Остров не будет достроен. В полиции Айрис Гринн бесконечно доверяют, и слушают её советы абсолютно все, но выше статуса старшего работника лаборатории в нынешнем мире ей не подняться, так как она – женщина. И этот патриархат раздражает

её больше всего на свете. Даже больше, чем несовершеннолетние. Мужчины, считающие, что правят этим миром, сами того не понимая, идут на поводу у Гринн. Она же, в свою очередь, воплощает в жизнь свою идею, но если её обвинят в измене государству, в манипуляции мужчинами, то в один из пятничных вечеров казнят прямо на площади. Нужен человек, чтобы в случае провала свалить всю вину на него. Для этой цели Джон подходит идеально.

Миллер проснулся от противного звона будильника. Было уже десять утра, и Айрис ждала в бедном квартале. Джон оделся в темноте, слыша ровное дыхание жены, он поцеловал спящую Аделин, отвёз сына в школу и направился к Гринн. Она словно перекрашивала его чёрно-белую рутину цветными красками. Её звучный голос как какой-то музыкальный инструмент опьяняет Джона. Он любит её как сестру. Кроме того, она так похожа на Аделин и кажется ему родной. Его вполне устраивает такая жизнь, даже нравится. В нём отлично уживаются два абсолютно разных человека. Первый – приличный семьянин, глава семьи, любящий жену и детей, полицейский под прикрытием. Второй – алчный, считающий по ночам свои деньги в сейфе полицейский, который в скором времени сдаст начальству своих единственных друзей. По звонку Айрис он тут же бежал к ней со всех ног.

Через час он уже подъезжал к убежищу в бедном квартале. Квартира находилась прямо напротив фермы «Создатель» на втором этаже. Джон припарковался и вошёл в дом,

поднялся наверх и постучал в дверь.

– Ты слышал про то, что вскоре, чтобы родить ребёнка, нужна будет лицензия? – незамедлительно сообщила она.

– Ну и правильно. Это, наверное, из-за того, чтобы малоимущие семьи отбросов не заводили детей. Паршивый народец эти отбросы. Работать не хотят, ни о чём не думают, а детишки потом страдают, – сказал Джон и подошёл к рабочему столу с чертежами. – Как продвигается работа? Как там строительство лаборатории?

– Нужны ещё деньги, а то строительство не завершится даже через год. Ты ведь мне одолжишь? – улыбаясь, спросила Айрис.

– Сколько ещё тебе надо?

– Ну, вот столько, – Айрис указала рукой на чертежи. На рабочем столе, помимо многочисленных чертежей, стояли разные по форме и высоте колбочки с надписями. Дурно пахнущие, ядовитые, разноцветные, светящиеся жидкости занимали большую часть стола, и даже нешуточного размера вытяжка не могла справиться с этой вонью. На полу возле раковины стояли глиняные банки и пластиковая корзина с битым стеклом. Самая высокая стеклянная колба грациозно возвышалась над остальными. Подул вентилятор, слегка потревожив бумаги на столе, и запах из высокой колбы перебил тошнотворные запахи всех остальных жидкостей. Это был лирий. Он светился и благоухал. Помимо всего этого, на столе Джон увидел нарисованное здание посреди озера.

Оно возвышалось над поверхностью воды, имело обычную ничем не примечательную асимметричную надёжную форму. Но внутри, включая тридцать этажей ниже, размещался самый высокотехнологичный проект, который был когда-либо создан в этом мире. Благодаря мощному фасаду и укреплённому внутреннему ядру это здание обещало выдержать любое столкновение или взрыв. Айрис, во избежание осмотра помещений инспекторами из Дома Правления, спроектировала его с учётом перепланировки в будущем.

– Охренеть, как тебе в голову такое пришло? – спросил он в искреннем изумлении.

– Строительство уже идёт полным ходом за счёт полицейского управления. Я ещё потихоньку обворовываю одну фирму, но на многое их финансов не хватит. Скоро мы будем над властью, над полицией, у нас будут свои верные люди в подчинении, мы совершим революцию, – в голосе её слышались мечтательные интонации. – Люди слабые. Им не нужна свобода. Им нужен лидер. Тот, кто сильнее их всех. И только тогда будет мир. Ты только взгляни, в каком убожестве живут люди! Пока полиция занимается ерундой, беспредел процветает! – объясняла она, энергично жестикулируя. На какое-то время укротив буйство своей фантазии, Айрис наконец дала сказать слово Джону, которого удивило то, из чего строится этот проект.

– Строишь дом из мусора? – съязвил Джон.

– В основном из переработанного материала. К твоему

сведению, это не новшество. Так делают уже очень давно все нормальные люди.

– Думаю, что такое нельзя построить незаметно. Я имею в виду, не пришив пару человек из правления, – предположил Миллер.

– Ты прав. И ещё несколько существенных взяток правительству тоже очень помогли, – подтвердила Гринн.

– Я принёс деньги, – ответил Джон. – После того как я закончу свою работу, у нас будет достаточно денег, чтобы закончить строительство. Там уже я сам буду решать, какой ерундой заняться. Мы уже потратили миллионы на эту лабораторию. Надеюсь, всё будет оправдано конечной целью. Надеюсь, твой план сработает.

– У тебя помада на щеке. Фу! Убери эту гадость, – Айрис протянула ему платок. – Какие же глупые всё-таки люди. Ведутся на этот лирий как дети, – яростно сказала она и быстрым шагом устремилась к террариуму. – Хорошо, что ещё остались люди в здравом уме, которые брезгуют этой дрянью, – уже мягче прибавила она.

– Успокойся. Все пользуются лирийной косметикой, – равнодушно произнёс Джон. Он подошёл к стене, вдоль которой стоял террариум. Две блестящие красные крысы неподвижно лежали за стеклом. – Это что ещё за хрень?

– Сначала я создала вирус, вызывающий дикую агрессию на некоторое время. Я ввела его крысам, и они загрызли друг друга. Но когда я добавила в состав лирий, вирус мутировал,

я проделала всё то же самое. После схватки и выжившие, и мёртвые превратились в металл. Этот металл высшего сорта. Этот успех вдохновил меня больше, чем любой другой. Проблема в том, что вирус не работает должным образом без лирия. И если ввести лирий без вируса, животные просто умирают.

– Ты меня поражаешь! Как тебе в голову такое приходит? И где ты достала крыс и лирий?

– Я принесла этих малышей из участка. Там мне не разрешили проводить над ними опыты, – сказала Айрис. – Лирий я вывела обратно из купленной косметики. По-другому его не достать.

Джон увидел ещё одну крысу, живую, тяжело выползающую из домика.

– А с ней что?

– Ну, я же не могла создать вирус без противоядия. Её скелет полностью из этого металла.

– Это удивительно. Так происходит только с крысами?

– Нет, – Айрис твёрдым шагом подошла и открыла дверь в соседнюю комнату, в которой неподвижно лежали мужчины прямо на полу. – Если мои расчёты верны, то, когда я закончу, вирус будет распространяться только на несовершеннолетних. И что же получается? Мы устроим геноцид для них, и мы получим новый высокопрочный металл. И не менее важное: введя отбросам противоядие, мы получим солдат, каких ещё не было, с экипировкой из самого лучшего металла. Перед

тобой первая партия солдат. Они помогут нам начать.

– Где ты взяла этих людей? – ошарашенно спросил Джон.

– Не волнуйся, их не будут искать. Это почти готовые солдаты. И они не помнят ничего. Вирус вызывает амнезию. Это побочный эффект. Я пока не уверена, что смогу его исправить. Но это и не потребуется.

– Но они ведь не солдаты. Ещё и не помнят ни хрена. Какой от них толк?

– Я могу загрузить в человека такие воспоминания, какие только захочу. Правда, это ещё в разработке, – ответила Айрис, указывая на бессмысленно крутящего в разные стороны головой мужчину. К его вискам плотно прилегали электроды, позволяющие использовать мозг человека как накопитель информации. – Я выставила объявление. Написала, что ищу несовершеннолетних самых разных профессий. Докторов, инженеров, военных. Я пообещала им приличное вознаграждение за то, что они позволят подключить к ним это устройство. Пришло человек двести, и я тебе скажу, там было что украсть. Некоторые из них лежат сейчас в этой комнате.

– А на совершенных вирус будет распространяться?

– Думаю, да, но только если ввести внутримышечно очень большую дозу.

– Всё так сложно...

– Ничего сложного. Выпущу вирус – власть нашего правления затрещит по швам. Я слышала, там работает доста-

точно несовершенных, которые после заражения перегрызут там всем глотки. Затем большинство отбросов умрёт, с помощью противоядия и своих солдат спасу мир и стану главной. Всё! Ах да, чуть не забыла! Каждый погибший несов подарит мне огромный кусок металла. И знай: я не забуду всех, кто мне помогал. Особенно тебя.

– На самом деле это самое невероятное, что я слышал в своей жизни, но мне нужно на работу. У нас новенький в группировке.

– Я пока буду здесь, взяла выходной. Не забудь, что мне нужен один умник из вашей группировки, а то эти отбросы туповаты. И желательно, чтобы он был хорошо сложен. Хочу кое-что испробовать, – в глазах Айрис загорелся огонёк энтузиазма.

– Айрис, Надежда – это тебе не монополия. Будь осторожна и не оставляй за собой улики.

– А, кстати! Я видела жену Главы Правления на одной конференции, и знаешь что? Она начала кашлять и чихать, сопли потекли, и всё такое. Представляешь?

– Блин, так она что, несовершенная? Охренеть! – удивился Миллер и направился к выходу.

Когда Джон вышел из квартиры, он прокручивал у себя в голове всё то, что сказала ему Айрис. Это и вправду было самое невероятное, что он когда-либо слышал. Он был ярким примером того, кому проще подчиниться другому и слепо верить обещаниям, нежели взять свою жизнь в руки

и самому обустроить её, даже если твоё ремесло тебе не по душе. Айрис это знала и умело этим пользовалась. Сегодня он узнал, что крысы не единственные подопытные Айрис, но Гринн рассказывала ему далеко не всё.

Со своим первым уже готовым солдатом Морали, одетым в полицейскую форму, они хватали в бедном квартале одиноких несовершеннолетних и отвозили на уже почти достроенный Остров. Она проводила эксперименты с памятью, стирая её полностью и создавая новую, вытаскивала их мозг и помещала его в робопомощников или другие устройства, вкалывала им «Красную смерть», обращая в металл. Правительство заботили лишь несомы. Что творили или строили совершенные, их почти не волновало. Всё внимание и ненависть обрушивались на беспомощных несовершеннолетних.

Три года ушло на строительство лаборатории, набор кое-какого немногочисленного персонала и полную автоматизацию. Её план казался Джону непостижимой целью для себя. Сам бы он не смог это повернуть, но в Айрис он верил. Единственное, что от него требовалось, – исполнять в точности её приказы.

План Гринн содержал в себе поистине невыполнимые задачи. Взорвать завод «Красоты будущего» – первый пункт. Отбросы с отредактированной памятью отлично для этого подходили. Как только энергоблок завода взорвётся, лирий распространится почти по всей Надежде. Второй пункт – при помощи атмосферных комплексов выпустить ядовитое

облако. Опустившись на землю, оно совместно с лирием образует вирус, который будет перемещаться по воздуху и прикрепляться к тканям слизистой несовершенных. Затем подождать, пока они перебьют друг друга и превратятся в металл. Последний пункт – спасение Надежды с помощью противоядия. Она ничего не имела против обычных добропорядочных несовершенных, но само существование отморозков с их бандами не давало ей покоя. Айрис считала, что если хорошим несовам суждено погибнуть, то так тому и быть. Все чем-то жертвуют ради красоты. Весь этот план шёл к одной единственной цели – единолично управлять Надеждой.

* * *

Наутро Маргарет внимательно пересчитывала деньги и складывала их в шкаф, старательно облизывая языком свои губы. Столько налички у них в доме не было никогда. Она подбрасывала тугие пачки вверх в солнечную пыль и ловила, оттягивая на себе футболку. Через несколько месяцев Маргарет так привыкла к своему новому образу, что каждое утро начиналось с макияжа. Она уже не представляла себя без этой волшебной косметики. С каждым разом слой косметики на лице и крема на теле становился всё толще и толще. Продукцию «Красоты будущего» привозили прямо к ней домой, и в скором времени она приобрела для неё целый шкаф. Губные помады всевозможных цветов, кремы и туши

для ресниц разных коллекций приблизили стоимость шкафа к стоимости дома Митчеллов. Маленькая невинная причуда превратилась в явную зависимость от косметики, так как, покупая всего один крем, Маргарет чувствовала, что не насытилась, и покупала «Красоту будущего» целыми коллекциями. Её муж как-то раз пытался посчитать, сколько видов крема она использует для ухода, но не смог. Майк не относился серьёзно к её чудачествам. Он был постоянно занят, работал на двух работах и каждый раз, когда директор завода соизволил выдавать рабочим деньги, Майк ухмылялся, поглаживая свой карман, и без этой мизерной зарплаты полный денег.

Для своей незаконной работы Митчеллы оборудовали подвал на заднем дворе, в который в случае обнаружения при всём своём желании не смогли бы проникнуть даже полицейские. Герб и Рейчел с радостью согласились помочь в работе над отлично спрятанным помещением.

* * *

На следующий день Митчеллы ждали гостей. Это первый приём северной группировки в своём доме, но основным поводом является день рождения Элис. Сегодня ей исполняется пять лет. Семья Ниеро была здесь много раз, тогда как все остальные должны были прийти впервые.

Майк не решался никого приглашать, пока как следует не

обставит дом. Он всегда стеснялся своей бедности. Особенно когда познакомился с новыми друзьями-богачами. Но теперь, когда особняк Митчеллов заполнился всевозможной дорогой мебелью, сделанной на заказ под цвет красного дерева, эксклюзивными светильниками, купленными Маргарет, которые раскрывались и закрывались в зависимости от освещения, гостей позвать было не стыдно. Но больше всего Майк хотел похвастаться личным каром красного цвета с белыми полосами по бокам и аккумулятором огромной ёмкости. Ну и, конечно, немаловажным предметом гордости являлся роботопомощник последней модели. Митчелл мечтал, что, когда закончится условный срок и ему больше никогда не придётся работать на заводе, он всё свободное время будет проводить в гараже.

И вот наконец раздался долгожданный звонок в дверь. Маргарет, одетая в красное полупрозрачное вечернее платье, расшитое ненавязчивым узором, подкрасила губы и положила помаду на полочку под зеркалом в прихожей, которую сразу же схватила Элис, вприпрыжку подбегая к двери. Первыми пришли Ниеро. Митчелл поприветствовал гостей и проводил в дом. Герб пришёл в голубой рубашке и чёрных брюках. Поверх рубашки он надел модный без воротника слегка приталенный пиджак чёрного цвета. Пиджак был расстёгнут, и Майк заметил, что у его друга вырос небольшой живот. Митчелл просунул руку через свою чёрную кофту, стилизованную под военный мундир, и потрогал свой жи-

вот. Нащупав выступающие кубики, Майк удовлетворённо ухмыльнулся.

– Дядя Герб! – запищала Элис, намертво вцепившись в ногу Герба.

– С днём рождения, красавица, – пригнулся Герб и обнял её в ответ. Затем девочка вырвалась и бросилась в объятия Рейчел.

– С днём рождения, малышечка моя, – поздравила её Рейчел, поцеловав в щёчку. Сегодня она облачилась в короткое чёрное платье без декольте с максимально открытой спиной.

– Какая же ты красивая, тётя Рейчел! – с искренним восхищением сказала Элис, легко прикоснувшись к её пышной причёске и аккуратно пальчиками потрогав её серебряные серьги.

– Я бы тебе поверила, если бы была совершенно слепа. Своей красотой ты затмеваешь весь женский пол, – нараспев ответила Рейчел, пригладив торчащие кружева на белоснежном платье девочки.

– Секундочку. Пока, кроме нас, никто ещё не пришёл, хочу разделить это с вами в узком кругу, – интригуяще заявил Герб, подмигнув Майку, и торопливо скрылся за дверью. Через секунду он пытался втиснуть в дверной проём огромную белую коробку метра два высотой с большим красным бантом наверху. Элис ошарашенно смотрела на свой подарок. Пока Герб нёс коробку в гостиную, бант зацепился за люстру в коридоре, но Майк ловким движением руки успел отце-

пить его. Все выстроились вокруг волшебной коробки, возвышающейся посреди гостиной. От неё даже пахло чем-то сладким.

– Ну! Открывай же свой подарок, солнышко, – громко сказала Рейчел.

Элис подошла и с помощью папы, который приподнял её, не спеша потянула за ленточку. Заиграла музыка, как в старинной шкатулке. Концы банта, извиваясь, растянулись, и он превратился в сплошную ленту, медленно сползшую на пол. Музыка из ненавязчивой превратилась в торжественную, заиграла громче и насыщеннее, она уже не была похожа на бесконечно повторяющуюся однообразную мелодию из шкатулки. Напряжение росло, но коробка не спешила открываться.

– Разойдитесь немного в стороны, – лучезарно улыбаясь, сказала Рейчел. Её послушались. И когда, казалось, в доме у Митчеллов играет целый оркестр, стенки коробки медленно разложились в стороны, открыв самую настоящую живую куклу с синими глазами, наивно хлопающую своими ресничками. В голубеньком кружевном платьице, в красных туфельках она завораживающе стояла на светящемся подиуме и поочерёдно осматривала людей, находящихся в гостиной. На шее у неё красовалось крохотное золотое кольцо с сапфиром в круглой огранке, который подходил под цвет её глаз. Маленькая дверца с торца подиума открылась, словно ворота маленького гаража, выпустив оттуда трёх бабочек – белую, синюю и красную. Дымок тех же трёх цветов струился из по-

диума, шлейфом тянувшись каждый за своей бабочкой. Они несколько раз облетели вокруг смеющейся девочки с пепельными волосами и вернулись обратно в подиум.

– Разрешите представить, – улыбнулся Герб, показывая рукой на куклу, – это Оленька. Кукла высокомерно посмотрела на Герба.

– Ну же, побудь джентльменом, – подтрунила Рейчел, ткнув мужа локтем.

– О, прошу прощения, – сообразил Герб и подал Оленьке руку, чтобы она смогла спуститься на пол. Все замерли в ожидании, когда это чудо заговорит с ними. Кукла достала из своей сумочки зеркальце, посмотрелась в него, убрала обратно и спросила:

– Кто из вас Элли?

– Это я, – неуверенно отозвалась Элли, поглядывая на маму.

– Меня зовут Оля, и я твой подарок. Покажешь свою комнату? – спросила кукла и протянула имениннице ручку. Элли ответила тем же, и, держась за руки, они побежали вверх по лестнице.

– А это не опасно? – обратился Майк к Гербу и Рейчел.

– Нет, конечно, дружище. Мы всё выяснили. Она безопаснее, чем плюшевые, – улыбнулся Герб.

– Не помню, когда в последний раз видел плюшевые игрушки, – нахмурился Майк, пытаясь вспомнить свои игрушки в детстве.

– Ну что, может, выпьем? – предложила Рейчел. Маргарет поставила к краю стола четыре бокала. Майкл открыл бутылку вина.

– Когда-нибудь в Надежде закончится вино. Что тогда будем делать? – уныло спросил Герб, снимая пиджак. Он хотел повесить его на спинку стула, но роботопомощник уже всюду мчался к нему, держа плечики на вытянутой клешне. Герб отдал ему пиджак и поблагодарил.

– Когда построили Надежду, первое, что сюда везли, это алкоголь, – усмехнулся Майк. – Пойдём, кое-что покажу тебе.

Митчелл обнял Герба за плечо, и они пошли на кухню. Небольшой стол посреди кухни сложился вдвое, открыв проход вниз. Спустившись по лестнице, Герб увидел длинные стеллажи, стоявшие в несколько рядов. На полках стоял всевозможный алкоголь на любой вкус.

– Откуда всё это? – спросил Герб, выпучив от восторженного удивления глаза.

– Не поверишь! На прошлой неделе сломался холодильник. Так вот, когда я его отодвигал от стены, увидел кнопку прямо над ним. Нажал на неё. Стол сложился, и вся посуда с едой упала на пол. Я увидел лестницу. Когда я спустился, я напрочь забыл о сломанном холодильнике и о разбитой посуде. Когда Мэгги с дочкой вернулись, я уже не мог внятно что-то объяснить. Представь, я нашёл здесь яблочный бурбон.

– Он ещё остался? – с надеждой в голосе спросил Герб.

– Ну, конечно, остался. Возьмёшь, сколько захочешь, – ответил Майк, взяв бутылку бурбона. Герб достал из кармана жёлтую коробочку размером со спичечный коробок и раскрыл. Он скосил взгляд на нос и несколько раз вдохнул порошок, уткнувшись туда обеими ноздрями.

– Будешь? Это не сильное. От нервов.

– Не, спасибо. Ограничу себя бурбоном, – задумчиво ответил Майк. Он в первый раз увидел, как Герб принимает наркотики, и это его встревожило. Не то чтобы он являлся борцом за здоровый образ жизни или тем более законопослушным гражданином, но друг, нюхающий наркоту, немного выбивал его из равновесия. До сих пор для него это было нечто, чем занимаются пропащие люди, а Герб Ниеро таким человеком не являлся. Майк подумал, что, возможно, его друга что-то тревожит, раз он решил впустить в себя эту отраву, но отложил разговор об этом на потом, чтобы ненароком не испортить никому настроение. Они вернулись к столу.

Левиты и Ноланы разувались на пороге. Стивен как обычно был одет в старомодный костюм. Робот аккуратно взял его малиновый пиджак. Левит подал роботу свою зелёную куртку и остался в белой рубашке с короткими рукавами. Из мини-кармана под поясом тёмно-серых зауженных брюк у него свисала серебряная цепь от карманных часов. Робот взял короткое пальто жены Левита и повесил в шкаф, оставив её

в шёлковой белой блузке, украшенной стразами, и чёрной юбке из плотного натурального шёлка с объёмными оборками. Элатива пришла в шикарном обтягивающем платье насыщенного синего цвета с погонами и крупными деревянными пуговицами. Грудь и шея были закрыты, но она всё равно удивила всех своим нарядом. Если оценивать её платье по шкале откровенности Элативы, то это была оценка десять из десяти. У неё даже откуда-то появилась грудь. Рейчел сразу оценила её наряд и подмигнула ей. Робопомощник аккуратно расставил их обувь. Счастливая Элис несла в руках квадратный горшок с сиреневыми цветами. Они выглядели как тюльпаны, только намного больше. Рядом с именинницей весело шагала кукла, с ярым любопытством заглядывая в горшок.

– Смотрите, смотрите! – закричала Элис, увидев, как цветы задрожали, начиная менять цвет, и поставила их на журнальный столик возле телевизора. Три тюльпана стали жёлтыми. Они переплелись друг с другом, распустились, образовав круг, и превратились в подсолнух.

– Какая красота, – с нескрываемым восхищением сказала Рейчел. Маргарет осторожно прикоснулась к подсолнуху, и он как кошка скользнул под ладонь, как будто прося, чтобы его погладили.

– Он постоянно меняет цвет и форму, красивый, правда? – спросила Элатива, перебегая своими глазками с одного лица на другое.

– Да, это удивительно, – сказала Рейчел и сильно наклонила свой бокал. Немного вина пролилось на пол, и робопомощник уже мчался, держа перед собой тряпку.

Майк, видимо, как и все остальные, подумал о том, что его в детстве никогда не баловали такими подарками. Память бесцеремонно вытащила на поверхность сознания картину. Он вспомнил свой двадцать второй день рождения, когда отец подарил ему билет в один конец. И только благодаря ему он сейчас жив. Он вспомнил улыбку своего отца, стоящего за высоким забором. Грустные мысли накрыли его волной из самых дорогих и в то же время угнетающих воспоминаний. Майк вспомнил, как отец принёс два пропуска в Надежду, как они вместе стояли в бескрайней очереди, ведущей к городу под куполом, как неожиданно для всех завывли сирены и сотни людей ринулись к заветным воротам, которые медленно закрывались. В какой-то момент он потерял из виду отца. Перепуганная толпа несовершеннолетних против его воли толкала Майка к проверяющим пропуска поста. Он беспомощно зыркал по сторонам, но не видел своего отца. Несмотря на все попытки парня вернуться, толпа уверенно двигалась, пихая его вперёд, и вот уже мужчина в форме схватил у Митчелла пропуск и за руку затащил в ограждённую зону, из которой уже не было обратной дороги. Он наконец увидел отца, совершенно спокойно стоящего всего лишь в каких-то трёх метрах от него, но как бы сильно Майк ни желал прорваться к нему, это было невозможно. Как бы громко

он ни кричал, Митчелл-старший не слышал. Вопящая толпа неумолимо приближала Майку к максимально защищённым от взрыва и радиации воротам Надежды. Отца и сына отделяло высокое непреодолимое ограждение и паникующие люди, готовые растоптать друг друга, лишь бы успеть проскочить в убежище. Отец улыбался и махал ему рукой. И глядя в его единственные во всём мире родные глаза, он понял, что пропуск был только один. Митчелл-старший простоял с ним несколько часов в этой очереди, много говорил и шутил, проводя свои последние часы с сыном, ни разу не дав повода Майку понять, что отцовских денег, которые он сумел скопить, хватило только на одно место. Отец смял в руке листок бумаги, который выдавал за пропуск всё это время, и, улыбаясь, перекинул через плечо. Пока толпа продолжала толкать Майку к Надежде, Митчелл-старший спокойно шагал параллельно сыну. Он улыбался и рукой показывал, чтобы Майк шёл вперёд. Неожиданно нахлынувший поток воспоминаний прервала Маргарет, нежно похлопав мужа по плечу своей миниатюрной ручкой. Майк посмотрел на дочь с выражением лица, полным умиротворения. Счастливая девочка держала в руках роликовые коньки, подаренные Левитами. Розовая изящная туфелька со съёмной поддержкой голенистопа стояла на четырёх белых тоненьких колёсиках в красной окантовке. Элис была безумно рада, и Майк мысленно поблагодарил своего отца за то, что этот ребёнок живёт на свете.

– Да... эта конструкция претерпела некоторые изменения, с тех пор как я видел её в последний раз, – сказал Герб.

– Я помню, как отец подарил мне ролики. На них было жутко трудно передвигаться, и катание превращалось в сплошное мучение. Но мы с друзьями всё равно катались на них, натирая мозоли. В основном с горки, – вспоминал Майк.

– У меня тоже такие были. Колёса как будто деревянные. Шкрябаешь себе по асфальту... – засмеялся Герб.

– По-моему, вы преувеличиваете. У меня были хорошие роликовые коньки с нормальными колёсиками. И ничего я не шкрябала! – вмешалась Рейчел.

– Ну, мы-то выросли в деревне, в глуши. До нас все чудеса техники доходили с задержкой, – ответил ей Герб. – Да и семья у нас была далеко не из благополучных. Я первый, кто закончил девятый класс в нашей семье, – горделиво произнёс он.

– А почему в десятый не пошёл? – спросил Майк. Он не сомневался в умственных способностях друга и с уверенностью мог заявить, что Герб способен закончить любое заведение, способное выдать диплом о высшем образовании, если бы только захотел.

– Лучше спроси моего старшего брата, почему он не пошёл в пятый, – рассмеялся Ниеро. – У нас все попадали в тюрьму прямо со школьной скамьи, – грустно улыбнувшись, добавил он.

– Они работают как обычные, – начал Джордж, сменив тему разговора, – но могут и сами донести до заданного места назначения. Всевозможные датчики, система предупреждения, которая подсказывает водителям каров о приближающемся ребёнке, и встроенный сверхпрочный батут, который в случае опасной ситуации окутает ребёнка и защитит от столкновения и даже огня, делают эти роликовые коньки супербезопасными, – проговорил Левит на одном дыхании, как будто заучивал.

– Ты что, их продаёшь? – спросил Герб, рассмешив Майка. Стивен тоже засмеялся, по-дружески ударив Джорджа в плечо. Трудно было представить, что Джордж Левит когда-то был членом Белой общины. Он всегда держался скромно и вообще являлся интеллигентным начитанным мужчиной, как и его жена.

До одного события, которое сделало их лучшими друзьями, Джордж всегда избегал разговоров со Стивеном. Правильный Нолан вызывал у Левита обжигающий душу стыд за своё прошлое. Он отвечал ему коротко. В большинстве случаев только либо «да», либо «нет». Стивен, вопреки словам Герба, постоянно защищавшего Левитов, сильно недолюбливал их за то, что раньше они являлись членами Белой общины. Он считал, что если ты нелюдь, то это на всю жизнь. Как-то раз, давно, Герб, Стивен и Джордж напились и возвращались домой пешком. Разговор зашёл о Белой общине и о причастности Джорджа к этому движению. Нолан

полез к Джорджу с кулаками, объясняя это тем, что именно такое же чудовище без капли моральной ответственности, как Левит, убило его жену. Джордж только защищался и ни разу не ударил в ответ, хотя вполне мог уложить старика на лопатки. Полицейские, проезжавшие мимо, увидели драку, и всех троих забрали в участок. Они уговаривали Джорджа написать на Нолана жалобу, но тот ни под каким предлогом не стал этого делать, а наоборот всячески его выгораживал. Три дня полицейские, задумав получить премию за предотвращение нападения на совершенного, били всех троих. Особенно Джорджа в надежде получить заветные показания против двух отбросов. Они мучили его жаждой, но он так ничего и не подписал. Нолану вместо серьёзного наказания присудили три месяца исправительных работ. Гербу – месяц. Джорджа отпустили. Этим поступком Джордж доказал не только свою непричастность к Белой общине, но и то, что Стивен может считать его своим другом. Нолан переосмыслил своё отношение к Джорджу, ведь настоящий член Белой общины никогда бы не стал выгораживать несовершенного. Он, скорее всего, наоборот поспособствовал бы тому, чтобы Стивена казнили. Стивен убедился в том, что Джордж давно уже не имеет отношения к Белым.

Джон с Аделин как обычно пришли самыми последними. Робопомощник в погребке искал нужную бутылку вина, и Миллерам пришлось повесить верхнюю одежду в шкаф самостоятельно. Аделин, надев пластиковую маску с изобра-

жением какого-то непонятного рыжего существа, похожего на скрещённых лису и хомяка, протянула другую маску своему мужу, что-то недовольно буркнула, на что Джон шёпотом огрызнулся. Но всё же он надел маску с изображением косоглазого волка. Пока в прихожей проходила подготовка Миллеров к маскараду, Герб, глядя на них, заливался хохотом. Это был громкий и безудержный смех. Все остальные сидящие за столом, включая Майку, которому, глядя на Герба, было уже очень тяжело сдерживать вырывающийся хохот, тихонько хихикая, прикрывали рты руками.

– Вы уверены, что пришли по нужному адресу? – сквозь смех крикнул Герб, и Майк тоже разразился диким хохотом.

– Я думала, мы все будем в масках. День рождения же, – глуповатым тоном ответила Аделин. Несмотря на полное отсутствие вкуса, Миллеры пришли в новых костюмах от «Эстнер», безоговорочно соответствуя тренду. Рейчел, поклонница этого талантливого дизайнера, даже приоткрыла от удивления рот, увидев Аделин в платье из полупрозрачной струящейся ткани, покрытом сверху клетчатым материалом, напоминающим рыбацкую сеть. Джон явился в тёмно-синем костюме в размытую серо-чёрную клетку. Аделин позвала Элис и вручила синюю коробку с жёлтым бантом. Раскрыв её, девочка вытащила плюшевую куклу с тёмными волосами, заплетёнными в косички, одетую в джинсовый комбинезон. Глаза куклы были безжизненными, нарисованными. При всём многообразии подарков, которые мож-

но было выбрать для пятилетней девочки, этот был самым обыкновенным и обыденным. Эта кукла не делала ничего. Элис посчитала её некрасивой и бесполезной. Нарисованная улыбка скорее напоминала зашитый нитками рот. Она не пела, не говорила, не двигалась и казалась мёртвой. Гости увидели, как радость на лице Элис медленно угасла. Даже кукла, подаренная Гербом и Рейчел, с недоумением уставилась на плюшевое недоразумение. Затем осторожно подошла к ней и потрогала рукой. Убедившись, что это чудовище не представляет опасности, Оленька взяла её за ручку и поволокла за собой. Неуклюже взобравшись на диван, Оля затащила куклу, села и, усадив её на колени, улыбаясь, посмотрела на гостей своими большущими голубыми глазками. Все женщины ещё какое-то время умилялись, но потом речь зашла о еде. Маргарет подала горячее.

– Я жарю мозги на сковороде. Это просто бомба. Главное – вымачивать их в воде несколько раз, меняя её. Потом варишь, а потом обжариваешь, – сказала Аделин, жестикулируя одной рукой, растопырив пальцы. Она при каждом совместном ужине не упускала случая рассказать о своих не особо затейливых кулинарных рецептах, без всяких на то оснований считая себя хорошей домохозяйкой.

– На вкус прям как свиной стейк. Насколько я помню, – похвалила Рейчел приготовленное мясо.

– Просто потрясающе. А если нарезать тонко-тонко и пожарить, можно сравнить с беконом. Обожаю, когда жена по

утрам готовит. Стоит один раз попробовать – и ничего другого уже не хочется, но то, что сделала Маргарет, просто прекрасно, – похвалил Джордж.

– Как бы ты не стал есть на стороне, – пошутила Эллен. Она всегда, когда улыбалась, прикрывала рот рукой, словно стесняясь своих зубов или ещё чего-то, хотя для стеснений не было никаких причин.

– Но многое зависит от маринада, конечно, – начала рассказывать Маргарет. – Можно сделать из человечины что-то похожее на баранину. Конечно, сейчас приправ нет, но я покупаю маленькие пакетики с красной ленточкой. В любом супермаркете такие продаются. По-моему, ничем особо не отличаются от того, что было раньше. Пакетик чеснока, пакетик горчицы, пакетик мёда, пакетик кинзы. Всё это перемешиваешь с мясом, оставляешь мариноваться на ночь. Запекаешь в рукаве – и всё, – протараторила Маргарет, как будто уже давно сдерживала себя молчанием. Некоторые из гостей в первый раз услышали её чудный голос, который неожиданно для всех прозвучал как красивая мелодия. Даже Майк никогда не слышал разом такую большую порцию слов от неё, за исключением тех моментов, когда она пела. Казалось, Мэгги рада гостям больше, чем маленькая Элис подаркам. Митчелл считал, что она как истинный мастер кухонного дела, кроме знаний, имеет особый кулинарный талант. Она обладала необыкновенным терпением и выдержкой, присущими искусному повару, и знала сотни рецептов. Не записывая,

она держала их у себя в голове.

Джон весь вечер держался отстранённо и молчал, иногда поддакивал или улыбкой отвечал на шутки. Майк заметил, как он поглядывает на свою жену и тут же отводит взгляд, когда она смотрит в ответ. Он подумал, что когда они молчат, то выглядят вполне адекватно, но когда Аделин открывала свой рот, безуспешно пытаясь шутить или поддержать разговор, воцарялась неловкая пауза. Джон в свою очередь смотрел на неё с лёгкой улыбкой, как будто испытывал гордость за свою жену и за тот бред, который она несёт.

– Помню, в позапрошлом году мы с Рейчел приезжаем в «Создатель», а возле входа стоит фургон. Представляете? Рейчел просила уехать, но я твёрдо решил разобраться с ними. Какого хрена они приехали на нашу ферму? – возмутился Герб и пролил немного бурбона на скатерть.

– Ну-ну. И что было дальше? – поторопил рассказчика Майк, не на шутку увлечённый историей друга.

– Я сказал Рейчел закрыться в машине и пошёл туда.

– Вот я спрашиваю тебя в сотый раз. Почему ты не позволил нам? – возмутился Стивен, и Джордж быстро закивал головой, одобряя этот вопрос.

– А я в сотый раз вам отвечу, что не было особой причины вас беспокоить, – ответил Ниеро. – Так вот. Захожу я туда и вижу Олега, охранника. Этот сучёнок спит. Я ударил его по щеке так, что он чуть не грохнулся со стула. Короче, он пропустил южан на нашу ферму, думая, что это мы, – рас-

сказывал Герб. Он глотнул бурбона и продолжил: – Я сказал ему: «Ещё раз ты так накосячишь, и я вместо здоровяков разделаю твоё щупленькое тельце и запекую твои рёбрышки в духовке». Ну и, короче, я достаю нож, иду по коридору и вижу двух южан. Я крикнул: «Стоять! Не двигаться, сукины дети!». Один из них куда-то смылся, а второй крепыш достал нож и пошёл на меня, представляете?

Герб сильно ударил ладонью по столу, схватил нож, хищно выставил его и начал махать им направо и налево, пытаюсь, насколько это было возможно после выпитого бурбона, максимально достоверно воспроизвести свою схватку с южанином.

– И вдруг я слышу, как второй козёл бежит сзади. Я поворачиваюсь и просто наугад делаю выпад вперёд, – оживлённо рассказывал Герб и продемонстрировал это событие. Он резко повернулся и чуть не ткнул ножом в Джона, который возвращался из уборной. Джон схватил нож прямо за лезвие, порезав свои пальцы. Герб бросил нож. Аделин вскрикнула, увидев окровавленную руку мужа. Настала длинная пауза. Герб жутко побледнел.

– Извини, это вышло случайно. Прости ради бога, Джон, я так виноват, – с испуганным видом оправдывался Герб. Никто не винил Герба. Все прекрасно видели, что это чистая случайность.

– Тебе надо нюхать меньше, – закричала на мужа Рейчел. Робопомощник мчался, держа в руке аптечку. На его колё-

сико намоталась подарочная лента, и его немного тащило в сторону. Джордж обработал рану чудо-спреем, затем наложил повязку. Герб медленно опустился на стул.

– Царапина, не волнуйтесь, – уверенно произнёс Джон, но тут же подумал, что эта фраза не вписывается в его образ. – Но болит жутко, – оглядевшись, добавил он.

– Так я не понял. Ты убил их, что ли? – спросил Майк.

– Не-а, порезал немного, – соврал Герб, допивая бокал бурбона.

На самом деле в тот день он зарезал их обоих. Разделывая тела всю ночь, на следующее утро Ниеро продал их мясо. Оставил немного и себе. Попробовав, он убедился, что у каждого человека свой особенный и неповторимый вкус, но никогда и никому об этом не рассказывал.

– Ладно. Настало время родителям вручить свой подарок, – улыбаясь, поглядывая на жену, объявил Майк и достал из кармана прямоугольную чёрную коробочку.

– Доченька, иди к нам, – снова сразила всех Маргарет своим чудным голосом.

– А я уж думала, вы ничего ей не купили, – сказала Аделин и поперхнулась вином.

Когда Элис подошла к столу, Майк повесил ей на шею золотой круглый амулет на золотой цепочке с выгравированной буквой «М».

Глава 9

2075 год

Лео снился сон. Вся его жизнь раскинулась перед ним, сотканная из невнятных воспоминаний, и затем собралась в одно. Лео смотрел на Эффи и не мог прикоснуться к ней. Ясный мягкий свет открывал просторы парка. Растительность здесь давно уже заменили металлические тонкие выгнутые пластины, по форме напоминающие деревья. Эффи сидела так близко, но, протягивая руку в её сторону, он тут же отдалялся, перед ним возникала стена мрака и рёв в ушах. Запах её волос, вкус губ ещё хранились в его памяти. Они часто бывали тут. Сидели в парке на широкой лавочке. Она часто спрашивала: «Ты представляешь, как мы будем одиноки, если нас разлучат?». А Лео всегда отвечал: «С нами может случиться всё, что угодно, но всегда помни, что я люблю тебя. Этого у меня точно никто отнять не сможет». Эффи так нравился этот ответ. Наверное, поэтому она очень часто задавала один и тот же вопрос. Лео опять попытался дотронуться до неё, но мрак появлялся и, казалось, длины руки не хватает, чтобы дотянуться. Лео захотелось гулять с ней по парку, говорить о пустяках, покупать всякие безделушки для дома. Для их дома. Почему они раньше не говорили о совместной

жизни? Они могли бы поселиться в одном из заброшенных домов недалеко от элитного квартала.

Лео проснулся. Лампа слепила глаза, но тут же выключилась. Он снова оказался на хирургическом столе, но теперь ему не хотелось вставать.

– Отныне ты машинно-человеческий гибрид, не способный жить без своих механических и электронных компонентов. Я честно не знаю, что случилось. Могу предположить, что кто-то всё это подстроил, но сюда отморозкам не пробраться. Я обязательно всё выясню, – голос доктора Айрис звучал не как обычно. Лео показалось, что она ему сочувствует. В каком-то смысле она ценила его как свою самую лучшую работу. – Что скажешь? Ты помнишь, кто ты такой?

– Я Лео Стоун.

– Ты хочешь домой?

Лео замешкался. Он помнил взрыв, и ему было страшно узнать, как теперь он выглядит. Лео сел на стол. Перед ним уже стояло большое зеркало. Он посмотрел в него и замер от испуга. Хотя он и был без костюма, тело его почти полностью было покрыто крошечными ромбовидными пластинами. Правая часть лица была сверкающе красной. Левая половина лица с многочисленными швами почти что осталась прежней. На ней были маленькие рубцы вокруг глаза. «Если бы не шлем, я бы вообще попрощался со своим лицом», – подумал Лео. Больше всего его угнетала беспомощность. С Острова не было обратной дороги.

– Не хочу я возвращаться, кому я теперь нужен? – ответил он. Айрис движением руки заставила его замолчать.

– Мы спасли тебя, твоё состояние было критическим. Наши ручки, что бы мы без них делали, – с улыбкой сказала доктор и посмотрела на руки, которые спрятались над лампой. За всё время их знакомства она улыбнулась впервые, подметил Лео. Он не сразу обратил внимание на безразличных людей в белых халатах, стоящих вдоль стены. Мелкие мужчины в поплёскивающих очках. Сварливыми голосами они изредка переговаривались друг с другом. Лео смотрел на себя в зеркало, затем вытянул перед собой руки и посмотрел на них, он трогал себя непослушными движениями, издавая скрежещущий звук при трении металлом об металл. Один вопрос в голове: «Когда страдания кончатся?».

– Что вы из меня сделали? Вы же сами отправили меня на это задание. Из-за вас я стал таким! Верните меня домой! – закричал Лео. После этих слов глаза Айрис загорелись гневом.

– Возможно, ты их и любишь. А они тебя? Твоя мать подписала договор о передаче твоей жизни в наши руки, а твоя Эффи в данный момент облизывает другую девушку. Что ты на это скажешь?

– Это неправда, – неуверенно возразил Лео, но Гринн щёлкнула пальцем, и механические руки над лампой опустили экран, на котором было видно, как без него Эффи проводит время. Изображение было настолько чётким, что Лео

увидел каждую морщинку на мамином лице, которая подписывала договор, и как она, улыбаясь, приветствовала солдат на крыльце дома, вручивших ей лицензию. И вдруг, совершенно не соображая, что делает, он сел на стол, закрыл лицо руками и заплакал. Айрис подошла и ласково положила руку ему на плечо.

– Пятьдесят шестой, скоро всё это закончится, – сказала она. – Я обещаю. Нужно ещё немного времени.

– Почему вы просто не взорвёте этот отель? Вся Надежда знает, что там творится.

– Тут всё немного сложнее, – ответила Айрис и на секунду задумалась. – Я не хочу их убивать вот так просто. Я хочу их унижить и доказать, что они живут неправильно. Но их слишком много там заселилось, а у меня ещё мало солдат. Я надеюсь, ты мне поможешь.

По привычке Лео потёр ладонью свою голову, но, услышав скрежет металла, тут же перестал. «Неужели мама могла так поступить со мной? Неужели всего несколько дней назад это было обычным делом – разговаривать с Эффи о чём вздумается, ласкать друг друга в одной постели и никуда не спешить? Предаваться грёзам о том, что роман их не кончится, пока они не умрут своей смертью? Теперь всё это было в прошлом. Я не могу явиться к ней. Я изуродован. Я обречён стать бесчувственной машиной. Мне остаётся тянуть настоящее без будущего. Пусть лучше она запомнит меня таким, каким привыкла видеть. Чёрт возьми! У меня даже нет чле-

на!» Он хорошо знал Эффи и мог бы догадаться, что такая, как она, не будет ждать. Она не выносит одиночество.

Даже Коул перестал раздражать его. Лео привык к нему и всё больше рассказывал ему о своей прошлой жизни, мешая подлинные и внедрённые вспоминая, иногда даже путаясь. Но новый друг слушал его, приоткрыв рот, с торжественным выражением лица.

* * *

Воспоминания об Эффи всё больше превращались в мутные картинки, окружённые чернотой. Он пытался сосредоточиться, чтобы запомнить во всех подробностях её лицо, но её образ ускользал из памяти быстро и уверенно. И когда тоска стала такой жгучей, что не было уже сил терпеть, он решил стать солдатом Морали. Он вдруг понял, что если окончательно забудет о ней и маме, станет легче. Именно это и имела в виду Айрис, говоря, что вскоре всё закончится.

– Это точно. Нет другого выхода, – почти шёпотом проговорила Айрис, как всегда держа в руках устройство, похожее на планшет. Лео услышал её слова, но не придавал этому особого значения. Он не был уверен, расслышал он правильно или нет. Слабая боль то появлялась, то исчезала у него в голове. В это время Айрис Гринн беспощадно стирала память Лео на своём устройстве. Он перестал плакать, но слёзы ещё текли сами собой из глаз. Уже шестой день как он заражён

«Красной смертью», и Айрис стирает все позывы в его голове, которые могут помешать ему стать солдатом Морали.

Все допросы были предназначены именно для удаления лишних воспоминаний, которые не стёр вирус, и добавления новых. Вопросы типа: когда вы с Эффи познакомились или расскажи про свою мать, как она выглядит? Что обычно на ней надето? Все эти вопросы создавали соответствующие картинки у него в голове, и даже то, что Лео никогда бы не сказал вслух, Айрис ясно видела на экране и тут же удаляла. Ей нужны солдаты, не знающие душевных переживаний, солдаты, беспрекословно выполняющие приказ без всяких сожалений, без раздумий и угрызений совести.

Нейтрализатор памяти напрямую связан с мозгом Лео. Всё, о чём он думает, отображается на экране, Гринн просто выбирает, что добавить, а от чего избавиться навсегда. Удалённые воспоминания исчезают не сразу. Через какое-то время Лео забудет и никогда больше не вспомнит то, что Айрис посчитала ненужным. Всё прожитое мелькало на экране, который держала Гринн, стоило только ему подумать об этом. С каждым допросом Лео становился сильнее, и это не могло не нравиться ему. Всё легче и легче. Всё меньше и меньше мыслей о том, что заставляет его мучиться. Гринн решает, когда Лео забывать, когда сделать передышку, когда задавать вопросы. Мысли его плавали как будто в наркотическом бреде, а значит, близится конец допроса. Это как плыть против течения.

Он смотрел на Айрис, она молчала. Как он оказался в комнате? Лео помнил разговор не с самого начала. Это происходило каждый раз. Он сидел перед столом напротив доктора Айрис, и она говорила: «Спасибо, пятьдесят шестой, допрос окончен». Затем уходила, а Лео возвращался в свою комнату отдыхать. Каждый день она проводила с ним долгие часы, постигая секреты человеческой памяти у совершенного. Раньше она имела дело исключительно с несовами.

Её ненависть к несовам вызвана тем, что они слабее, глупее и всячески хуже её. Серые личности, простые рабочие. Со временем она нашла в этом сильном в эмоциональном плане чувстве глубокий смысл, который помог понять их как личность. Она победила свой гнев по отношению к обычным несовершенным, так называемой дешёвой рабочей силе, ведь они своим трудом помогают государству, но несовов-преступников Айрис ненавидела всем сердцем, ведь они не отвечают её интересам, не угождают ей. Отморозки не устраивали её своим поведением, не имели такие же жизненные принципы, мысли и понятия, как она. Гринн ненавидела их, потому что была не в состоянии подчинить отморозков своим интересам. Она уверена в том, что её замечание справедливо к отморозкам. И для этого у неё есть объективные и естественные причины, начинающиеся от школьных издевательств, когда ещё совы и несовы учились вместе, и заканчивая взрослой жизнью, когда Банда Братьев воскресила былой преступный мир со всей его жестокостью и безнаказан-

ностью. Позже она поняла, что не все несомы плохие, ведь она проводит с ними очень много времени. А после того как Айрис порылась в настоящих воспоминаниях Лео, который являлся жутким эгоистом и наркоманом, она и вовсе пересмотрела свою точку зрения о разнице между совами и несовершенными.

* * *

Вдруг дверь отворилась, и в комнату вошёл мужчина. Лео подумал, что впервые в жизни видит перед собой знаменитого Джона Миллера. Мятая одежда, как будто бы он спал в ней, уставшие пустые глаза, запах алкоголя и пиджак, надетый на голое тело, напроочь перечёркивали образ одного из спасителей Надежды. Мятый галстук свисал из кармана брюк.

– Зачем ты припёрся? – пискляво закричала Айрис. Кажалось, всё здание зазвенело от её крика. Затем воцарилась мёртвая тишина, и Гринн подняла свои изящные брови в ожидании ответа.

– Я... э-э-э, – пытался ответить Джон и криво улыбнулся. От него разило перегаром, и когда он открывал рот, Айрис отклонялась в сторону.

– Ты даже не можешь объяснить цель своего визита. Ты когда-нибудь причёсываешься? Убери этот чёртов колтун на своей тупой башке! Ты вообще сделал то, что я сказала?

– А что ты говорила? – пошатываясь, промямлил Джон и погладил свои густые спутанные сальные волосы.

– Ты идиот, найди своих детей! Они как-то связаны с этой чёртовой бандой отморожков. Я видела Эдварда на записи из клуба. Я же объяснила тебе всё в мельчайших подробностях! – кричала Айрис, закипая ненавистью.

«Как же ты меня достала», – думал Джон. Мысленно Джон всегда отвечал дерзко. Мысленно он мог ударить её. Но он быстро успокаивался и стоял словно высеченный из камня.

– Твои методы неадекватны. Может, оставим их в покое? Может, они хотят вдвоём уничтожить банду. Они ведь мои дети. Я ведь тоже когда-то... – почти что дрожащим голосом сказал Джон, но Айрис его перебила.

– Ты уверен, что они вообще твои дети? У них, в отличие от тебя, есть яйца между ног. И вообще, твои советы в самом низу списка моих приоритетов. Просто пригласи Эдварда и поговори с ним. Выясни, что он делал с этими отморожками, или я сделаю это сама.

– Я понял. Я всё сделаю.

Лео смотрел на них и не мог понять, почему Айрис так с ним разговаривает. Его глаза перебегали с лица на лицо. Она кричала на Джона, отчитывала его как раба, а он оправдывался перед ней. Слушая его, не взбеситься было почти невозможно. Он мямлил, и казалось, что сейчас заплачет, когда Айрис повышала на него голос. Лео всегда думал, что Миллер является неотъемлемой частью новой власти, но

Джон стал тенью своего прошлого. Миллер ни разу не появился на допросах и никогда не говорил с Лео. Он просто жил здесь, бессмысленно бродя по коридорам. Старый, усталый, под глазами набухли мешки, кожа под скулами обвисла. Деятельный, аккуратный, brave офицер полиции стал никчёмным человеком.

* * *

Джон зашёл в свой кабинет. Точнее, это был не кабинет, а грязная, пыльная комната с разбросанными вещами и бутылками. Эдвард вошёл вслед за отцом, закрыв за собой дверь, и сразу же почувствовал сильный запах мочи. Он поморщился, закрыв воротником свитера нос.

– Присаживайся, – сказал полупьяный Джон, указав на большой серый диван. Многочисленные пятна на нём указывали, что именно этот диван является источником жуткой вони в комнате. – Сынок, скажи, что ты делаешь в этом логове отморожков? Хочешь с братом уничтожить этих отбросов, как когда-то твой старик?

После слова «отбросы» Эдвард, который до этого с отвращением оглядывал комнату, посмотрел на отца, затем на диван, затем снова на отца.

– Мы хотим изменить этот мир, отец.

– Я понимаю, сынок, но это не так просто. Эти сукины дети чертовски сильны. Скажу по секрету, отправив сейчас ту-

да всех наших солдат Морали, я не уверен, что мы победим.

– Ты прав, нас уже очень много, – промямлил Эдвард. Ему было сложно держать себя в руках, когда отец оскорблял его банду. Он трогал свою чёлку, то расчёсывая её пальцами набок, то снова опускал её вниз.

– Что? – не расслышал Джон.

– Я спросил, как там ваш паренёк? Слышал, он сдох?

– Нет-нет. Очень даже живой. Даже стал ещё круче себя прежнего. Очень перспективный солдат. Он убил этого ублюдка ещё до того, как попал к нам, э-э-э, как его там, э-э-э, не могу вспомнить. Ну, этот жалкий наркоман. Джаред Голд! Точно! – вскрикнул Джон и увидел, как изменился его сын: лицо напряжено до предела, словно он сейчас оскалится.

– Не смей так говорить о моём друге, урод! Он стоил десяти таких, как ты, – не сдерживая ярости, сквозь зубы прорычал Эдвард.

– Что? Какой, на хрен, друг? – не поверил своим ушам Джон. – Так это ты его взорвал?

– Конечно, я, старый хрыч! – Эдди сжал кулаки.

– Ты ставишь под угрозу всё, чем мы занимаемся! Ты вообще представляешь, во что бы превратился мир, если бы не мы? Ты что, участник банды?

– Ты забыл, что он чуть не воткнул в меня шприц с лирием?

– Я видел на записи с видеокамер, как всё было на самом

деле. Вирус был у тебя! Ты ввёл ему эту заразу! Я думал, что ты продолжишь начатое мной дело, а ты всего лишь очередной отморозок.

– Как те отморозки, которые убили мою мать? Разве это были не твои дружки? Ты ничего не мог сделать тогда! Ничего не можешь сделать и сейчас! Если бы не я, нас бы вообще не было! Ты просто беспомощный старик, который заработал на этом вирусе! Ты сгниёшь заживо от такой никчёмной жизни. Тобой руководит баба! – прокричал Эдвард. Затем шагнул ближе к отцу и тихо, но отчётливо проговорил: – Мы с Дэнни создали Банду Братьев. Я её создал.

Признание Эдварда заставило Джона мгновенно протрезветь. Испытав сильнейшую боль от предательства, он замахнулся и ударил своего сына. Эдвард ударил его в ответ. Джон чуть не упал, но успел опереться на стол. Голос ослаб, но речь по-прежнему была внятной.

– Ты мне больше не сын. Ты и твой брат. Убирайся отсюда, – на удивление спокойно сказал Джон.

– Я ненавижу тебя, ненавижу чистоту и добродетели. Ненавижу совершенных, хочу, чтобы они все сдохли, – сказал Эдвард и вышел из кабинета отца. Ненависть дошла до кипения. Он ненавидел своего отца – алчного грубого эгоиста, обделившего его и Дэнни любовью и вниманием. Эдвард, думая о детстве, не мог вспомнить ничего хорошего о Джоне. Когда маленькому Эдди снился кошмар и, испуганный, он прибежал в родительскую спальню, отец, оска-

лившись, как дикое животное, гнал его прочь и продолжал пересчитывать, целовать и судорожно нюхать свои деньги. Вспомнив это и Киллиана, который скорей бы перерезал себе горло, чем выгнал бы маленького Эдди из комнаты, сказал самому себе:

– Киллиан – вот мой отец.

В кармане зазвонил мобильник. Дэнни.

– Мы узнали её имя. Зовут Эффи Андерсон. Живёт в элитном районе.

– Возьми парней и отправляйтесь к ней. Я пока занят. Тащите её в наш отель.

– Как там отец?

– Отлично. Слышал меня?

– Слышал. Уже едем.

Джон сидел в своём кабинете, ерошил себе волосы и бессмысленно смотрел в папку с документами. Личные дела всех пятидесяти шести смертельно больных человек были в этой чёрной кожаной папке. Гринн продлила им жизнь. Джон достал бутылку и залпом осушил её. Он вспоминал время, когда не было войны, не было «Красной смерти». Он попытался представить жену. Она ясно, как будто живую, появилась у него перед глазами.

– Джон, ты всё сделал правильно. Ты изменил мир в лучшую сторону.

– Это всё Айрис. Она всё придумала.

– Без тебя она бы не справилась. Все считают тебя геро-

ем, – её голос был наполнен нежностью и заботой и словно плыл в воздухе, такой мелодичный, такой родной. Аделин начала медленно исчезать. Сквозь неё уже было видно очертание потёртой спинки кресла.

– Мне снятся мертвецы. Ноланы, Левиты, Рейчел. Все, кто умер в Доме Правосудия в тот день. Мне заплатили пятьсот единиц за эту работу. А сколько я заработал с ними? Я при-
творялся конченным дураком, а они всё равно со мной вози-
лись. Они были моими друзьями.

– Ты должен был это сделать. Это ведь твоя работа.

– Пожалуйста, не уходи. Я простил тебя. Давно простил. Прости, что не сказал тебе об этом раньше, – умолял Джон, и слёзы потекли по его щекам.

– Я всегда рядом, любимый. Позаботься о наших детях, – сказала Аделин и растворилась.

– Мне не нужны дети, мне нужна ты, – крикнул ей вслед Джон.

Иногда он, напившись, начинал бродить по Острову, по кабинетам, лабораториям и искать жену, но находил лишь в своём воображении. В дверь постучали. Айрис вошла в кабинет и села на то место, где только что сидела воображаемая Аделин. Джон подумал, как же они похожи друг на друга внешне, и в то же время такие разные в плане характера.

– Фу, ну и вонь же тут! Джон, когда же ты перестанешь рыдать в своём кабинете как баба? Твой сын не в себе. Я слышала весь разговор. От него нужно избавляться. Ты ви-

дел, что он сделал с бедным парнем? Эдвард знал про первое задание Лео и устроил ему ловушку, а затем запрограммировал водителя, чтобы тот высадил его не в том месте. Ты вырастил настоящего монстра. Точнее, двух. Я помню, когда Дэнни ещё в школе хотел плеснуть девочке серной кислотой прямо в лицо, но попал на шею. А потом сказал, что так ему приказал старший брат.

– Я слышу голос Аделин в голове, с которым я иногда разговариваю. Весь день. Очень часто. Не могу, если не поговорю с ним.

– Ты достиг своего предела и, судя по всему, сошёл с ума, – сказала Айрис.

– Я отстранил его.

– Этого мало. Когда уже ты начнёшь думать? Даже не представляю, что он может ещё натворить.

– И что мне делать? Убить их? Это же мои дети!

– Может быть, так и сделаем. Мы есть порядок в этом мире.

– Я даже не хочу об этом говорить.

– Это мне говорит человек, который плачет по ночам от того, что не может справиться с детьми. Ты и не разговаривай, ты слушай. Тут тебе не демократия, а диктатура. Не забывай о том, где бы ты сейчас был, если бы не я, – Айрис повысила голос, и Джон виновато опустил глаза вниз.

– Он ведь только что ушёл, может, Мораль притацит его обратно?

– Нет, пусть уходит. Я отправляю солдат в этот притон. Пусть убьют всех отбросов на глазах Эдди и Дэнни и притащат их сюда в комнату допросов. Если будет нужно, я сама превращу их в своих солдат. Так сказать, произведём чистку бедного квартала, – Айрис подняла голову, и её очки враждебно сверкнули. – Я думаю, у нас нет другого выхода. Отморозки и их банда – это изъян нашего мира. Я не потерплю, чтобы в мире существовал беспорядок. Тайное или случайное зло, я его искореню.

Миллер покорно кивнул в ответ. Джону уже не хотелось разговаривать со своими сыновьями. Он видел в глазах Айрис одержимость, сумасшедший восторг. Если бы было можно, Джон бы залёг на дно, спрятался как крыса, сбежал от всех проблем, от ответственности, от Гринн. Она была умнее его, она превосходила его во всём. Он говорил ей, что идеальный мир создать не удастся, но она сразу опровергала любой его довод. Не могло в его голове зародиться мысли, которую Айрис может посчитать полезной. Не было ещё такого случая, чтобы она его не поняла. Ни одно сказанное им слово, ни одна его мысль не осталась неразгаданной Гринн. Её голос повергал Миллера в состояние беспомощности, и он подчинялся.

* * *

– Они поставили защиту на всю свою банду. Солдаты не

смогут их даже пальцем тронуть. Как они это сделали, твою мать? А вдруг Эдвард придёт сюда? Он же убьёт нас! – Айрис охватила паника. Она тяжело дышала, и первый раз в своей жизни у неё не было плана. Страх – непривычное для Айрис Гринн чувство – накрыл её, не давая возможности сделать вдох.

– Взорви этот чёртов район вместе с отелем. Есть же чем, – предложил Джон.

– Мирное население не одобрит такой крайний шаг, – тихо проговорила она.

Она ввела многозначный код и приложила палец к сенсору. У неё закружилась голова, она немного пошатнулась и медленно опустилась на корточки. На экране отобразилась надпись: «Отключить защиту: да, нет?», но было уже поздно.

Дверь отворилась, и в комнату вошли Эдвард с чернокожим амбалом. Джон метнулся к монитору, но амбал грубо поднял Джона за пиджак, вышвырнув его из комнаты, не дав снять защиту, и закрыл дверь, активировав кодовый замок.

– Отзови солдат, – рявкнул он на Айрис.

– Нет, я уничтожу всех отморозков! – крикнула Гринн и попыталась нажать «Да», но Эдвард схватил её руку и ударил кулаком по лицу.

– Ну, посмотрим. Ты, держи её, – щёлкнув пальцами, приказал он чернокожему. Амбал крепко схватил Гринн за руки. Эдвард подошёл к ней, сжимая в руке нож, но вдруг резко остановился. Джон поднялся и попытался открыть дверь.

Через стекло он смотрел, как его сын стоит с ножом напротив Айрис, а амбал держит её руки. Миллер-старший лихорадочно пытался ввести код, но у него не получалось.

– Вы не посмеете! – закричала Гринн высоким надтреснутым голосом.

Джон попытался разбить стекло, но оно было бронированным. Тогда Джон, переполненный отчаянием, начал что есть силы кулаком долбить в дверь. Это было так же бессмысленно, как и пытаться разбить окно. Кожа на руке с каждым ударом слазила, оставляя кровавый след на двери. Неожиданно для самого себя он вспомнил код. Джон окровавленными пальцами ввёл комбинацию и ворвался в помещение. Он кинулся на сына, развернул его, взяв за плечо, и схватил за руку, в которой сверкала полоска острой стали. Вдруг Аделин появилась в комнате, и Джон, увидев её, ослабил хватку. Эдвард смотрел на суровое тяжёлое лицо и нож, торчащий из живота своего отца. Джон нахмурил брови и посмотрел в глаза сына, затем на нож. Чёрная рукоятка ножа перед его глазами расплывалась и дрожала. Джон упал и рукой коснулся ноги полупрозрачной Аделин, пуская изо рта кровавые пузыри. Он открывал и закрывал рот, но оттуда не выходило ни звука. Айрис под тяжёлым ударом здоровяка упала на пол около стены. Эдвард подошёл к монитору, навёл палец на слово «да», затем на слово «нет» и опустил руку.

– Что ты стоишь? Отключай уже, – промычал испуганный здоровяк.

– Нет, пусть они все приходят к нам. Мы больше не прячемся, – уверенно произнёс Эдвард.

– А что наш хакер? Его старания были напрасны? Мораль растопчет нас! – повысил голос амбал.

– Нас никто не сможет растоптать. Запомни это. Или я вырежу эти слова на твоей груди, – ответил ему Эдвард совершенно спокойно.

– Убьём её? – спросил здоровяк, глядя на Айрис Гринн.

– Не могу. Она так похожа на мать, – сказал Эдвард и многозначительно улыбнулся. Прошло уже много лет, но перед глазами Эдварда всегда будет стоять картина – несовершенный, держащий в одной руке окровавленный тесак, в другой – голову матери.

– Этот хмырь, который убил Джареда, он ведь здесь? Пойдём, я придушу его голыми руками, – прохрипел амбал и затряс своими огромными кулаками перед лицом Эдварда.

– Нет. Скоро они придут к нам. Они все придут.

– Надо бежать отсюда, – сказал здоровяк, крепко схватил Эдварда за руку выше локтя и вывел из комнаты.

Айрис очнулась. Держась за голову, она поднялась. Её глаза стали безумными. На мониторе, показывающем трансляцию с окуляра снайпера, Гринн увидела голову отморозка в перекрестии прицела, которую после отключения защиты пуля прошила насквозь.

Через час полсотни солдат Морали расположились неподалёку от огромного отеля с сотнями квартир, в которых

уже давно живут участники Банды Братьев, но его молниеносный захват был лишь иллюзией. Айрис решила отправить всю Мораль, а сама наблюдала за происходящим, сидя за мониторами. Отморозки мелькали в окнах, сную по отелю туда-сюда как муравьи. Полицейские кары, прибывшие на помощь, активировали установленные бандой мины, необдуманно наезжая на них. Те, кто вовремя решил не приближаться к отелю, были расстреляны прямо в машинах из окон домов вдоль улицы. Около сотни полицейских погибли и только потом отступили, полностью предоставив эту атаку Морали. Беспилотники заживо сожгли всех несчастных, находившихся в двухэтажных коттеджах. Несколько молодых парней успели выскочить наружу, неразборчиво стреляя, сумели уложить пару копов, но не более того. Возле них упал снаряд, сброшенный дроном, и члены банды погибли. Одного из них разорвало в клочья. В воздухе догорали куски его одежды. Перевернутый транспорт и полицейские щиты служили укрытиями для банды и мешали солдатам беспрепятственно перемещаться по дороге, в конце которой стоял отель. С других сторон подобраться к нему было опасно. Наверняка мины установили по всей близлежащей территории. Они не торопились покидать бронированные машины, полностью положившись на дронов. Во время попытки дистанционно закидать отель бомбами с помощью беспилотников Банда Братьев уничтожила большинство авиационной системы Морали. Некоторые из дронов, заблаговременно пере-

программированных в пользу банды, восстали против своих хозяев и сумели подорвать три военных кара со стоящими на крыше пулемётами. Дым поднимался вверх и проходил сквозь голограммные облака. Не успевая выветриваться, он медленно расплзлся по внутренней части купола. Беспилотные аппараты с заранее загруженным планом полёта взрывались в воздухе от столкновения с самонаводящимися ракетами, запуск которых был произведён с крыши высотки. Осколки и детали падали вниз, усеивая район Банды. Солдаты были вынуждены пробираться самостоятельно из-за массивных заграждений противника. Последний сбитый беспилотник Морали разорвался в воздухе. Выход из военных каров был встречен градом пуль, выпущенных из снайперского оружия, которые отскакивали от униформы военных. Один из брошенных коктейлей Молотова попал в кабину, и от возгорания взорвался боекомплект, разметав транспорт на куски по всей улице, осколками зацепив несколько солдат. Неожиданно раздался продолжительный оглушающий рёв бегущей со всех ног толпы, которой, по-видимому, не досталось хорошего огнестрельного оружия, но их самоуверенность не уступала самоуверенности солдат Морали. Большинство было одето в краденую полицейскую форму, некоторые в обычную одежду, дополненную элементами защиты экипировки Морали. Первые два ряда несущейся армии были быстро расстреляны прицельным огнём. Остальные всё же успели добраться, пока солдаты перезаряжали

оружие. Члены банды старались стрелять с близкого расстояния, чтобы было больше вероятности попасть в глаза – уязвимое место. Пули и ножи с длинными лезвиями вонзались в глаза Морали, но численное превосходство банды не спасло несущуюся армию от гибели. Непродолжительную тишину нарушали вопли раненых. Затем раздался громкий свист, и снова коктейли Молотова полетели в солдат. С десяток горящих живьем военных бросились в атаку, как в тире отстреливая рассредоточенных членов банды, после чего упали замертво. На мгновение всё стихло. Одиночные выстрелы загромыхали с обеих сторон. Мораль торопилась выполнить приказ Айрис Гринн. Независимо от значительной потери Банда Братьев имела численное превосходство. Готовясь ко второй волне, они вели редкий обстрел по выжившим военным, которые ожидали подкрепления.

Глава 10

2060 год

Она всё чаще жаловалась на ощущение усталости. Она ещё спала, когда Майк уходил на работу, а когда возвращался, жена оставалась лежать на кровати в точно такой же позе. Маргарет совсем потеряла аппетит, от чего сильно похудела. Майку приходилось самому разделять тела. За это время, пока глава семьи трудился изо всех сил, на животе у Маргарет появилось тёмно-коричневое пятнышко, которое с каждым днём увеличивалось в размерах. Сначала она постеснялась сказать об этом мужу и постоянно замазывала это пятно тональным кремом, но уже через неделю пятно превратилось в кровоточащую язву, и Митчеллы обратились к врачу.

– Мы только недавно столкнулись с этой болезнью, но я уверен, обратись вы раньше, мы бы смогли что-то сделать. Это рак кожи, который развивается чрезвычайно быстро, – объяснил доктор.

– Жена сказала, прошла всего неделя. Всего одна маленькая неделя!

– Злокачественная опухоль кожи выросла слишком глубоко. Метастазы распространились в органы брюшной полости. Шанс на выживание отсутствует, – ответил доктор. Он

говорил так безразлично, что Майк, даже будучи спокойным уравновешенным человеком, не смог не взбеситься. Казалось, для доктора это в порядке вещей и он вообще ничего не собирается делать. Майк схватил за грудки худощавого доктора своими огромными руками, поднял и прижал к стенке.

– Как вы можете так спокойно говорить о смерти моей жены? Вы должны её спасти! Вы врач!

– Мы сделаем всё, что в наших силах, – таким же безразличным тоном ответил он. Майк ничуть не испугал его, и вместо того чтобы продолжить запугивать врача, Митчелл медленно опустил его на пол.

– Посмотрите сюда, мистер Митчелл, – указал рукой доктор на противоположную стену, подошёл к ней и открыл жалюзи. – Это больные, поступившие за последний месяц. Исследования, проведённые лично мной, говорят о безмерном использовании последней серии косметики «Красоты будущего». Все они умирают, – сказал доктор. Только сейчас Митчелл заметил, что у него чертовски уставший вид. Майк посмотрел на лежащих больных, их было больше десятка. Мужчины и женщины лежали в ряд в огромной палате.

– Доктор Джиллиан, а мама сегодня придёт? – сказала маленькая девочка, дёргая доктора за халат. Повязка немного сползла, открыв ужасающее лицо ребёнка. Майк ужаснулся, увидев девочку, и от неожиданности отскочил от неё как ужаленный. От такого страшного зрелища у него появилась противная слабость в ногах. У девочки была огромная крас-

ная опухоль на лице со множеством трещин и маленьких язв.

– Конечно, придёт, Кристина, – доктор Джиллиан погладил девочку по голове, поправил повязку и отослал её в палату. Как только за девочкой закрылась, доктор закричал:

– Сьюзен, твою мать, почему Кристина ходит по больнице?! Поменяй ей повязку! Чёртова дура!

Торопливыми шагами медсестра прошла мимо доктора и Майка и вошла в палату девочки.

– Что с ней? – спросил Майк.

– То же самое, что и с остальными. Рак четвёртой степени с метастазами. Она не чувствовала никаких отклонений в здоровье. Мать просто решила проверить себя и свою дочь, после того как заболела её подруга, и мы выяснили, что процесс уже необратим. Девочка пользовалась косметикой вместе с мамой.

Майк посмотрел на жену через стекло и увидел отражение своей дочери. Он вспомнил, как она просила у матери косметику, а потом и вовсе без разрешения брала и пользовалась последней коллекцией «Красоты будущего». Майк незамедлительно ринулся за Элис и привёз её в больницу. Девочке поставили тот же диагноз, что и матери.

Всё свободное время он проводил с Маргарет и дочерью, не нарушая правила условной судимости, насколько это было возможно. Один раз он зашёл в палату к супруге и застал её сестёр, пытавшихся при всей своей наглости заставить Маргарет подписать завещание со всем нажитым ею имуще-

ством. Майк, недолго раздумывая, грубо выгнал их всех, и пока они со всех ног бежали от него прочь, не оглядываясь, Митчелл первый раз в жизни кричал самые непристойные слова, какие только смог вспомнить. Кто-то из них даже забрал свои сумочки. Он спал в палате дочери на большом кожаном кресле, и когда Маргарет на время становилось лучше, приходил к ней. Жена и дочь лежали в разных палатах. Так решил Майк, чтобы Элис не видела ужасное состояние матери.

* * *

Майк зашёл в палату. Вид жены приводил его в бешенство. Его удивляло, почему в современном мире врачи не в состоянии вылечить эту болезнь. Деньги они брали и вроде как работали. Только не было никакого толку. Он кивком поздоровался с Рейчел, поцеловал жену и сел в кресло, нервно постукивая пальцами по своему колену. Толстая рыжеволосая медсестра, увидев, как Майкл заходит в палату, вошла следом. Обведя присутствующих взглядом, она замерла в ожидании, напоминая дрессированное животное, видимо, думая, что делать дальше. Её халат был намеренно укорочен, что открывало ноги, по форме напоминаящие окорока. Она словно пришла сниматься в дешёвом порно. Лицо наивное, на которое не был наложен отпечаток суровой реальной жизни. Рыжая толстуха начала крутиться вокруг Марга-

рет. Она поправила подушку, поднесла ей стакан воды, хотя Мэгги ничего не просила, создавая видимость своей работы перед Митчеллом, якобы он заплатил ей не зря.

– Мы только что обсуждали, какой ненавязчивый тут сервис, – сказала Рейчел и улыбнулась Майклу, а потом грозно сверкнула взглядом, повернувшись к медсестре.

– А теперь наоборот. Чересчур навязчивый, – ответил он, сжимая и разжимая кулаки, будто уже душил беспомощных врачей и медсестру заодно, которая, казалось, вообще не поняла, что речь идёт о ней. Последней каплей была её попытка покормить Маргарет с ложечки. Майкл, борясь с искушением разорвать её прямо на месте, не сдержался и выгнал рыжеволосую из палаты.

Рейчел рассказывала Маргарет какую-то поистине увлекательную историю. Митчелл не слушал их. Он ясно видел картину прощания с женой в крематории. И вдруг эти ужасные мысли прервал смех Маргарет. Такой чистый, без кашля и хрипотцы, как будто она была совершенно здорова. Майкл не мог представить, как будет жить без этого смеха.

– И представляешь, я слышу эту дивную игру на пианино. Он репетировал или что-то типа того. Я подхожу к нему, вижу, как он играет. Подхожу ближе и ближе, осматривая его мужественное лицо в профиль. Такой, знаешь, волевой подбородок, – Рейчел мечтательно посмотрела вверх. – Затем смотрю на его красивые руки, а у него кольцо на безымянном пальце, – возмутилась Рейчел.

– И что было дальше? – с неподдельным интересом спросила Мэгги.

– Ничего. Послала его ко всем чертям и ушла. Бедняга даже не понял, что случилось, – сказала она не своим медленным расплывчатым тоном, как обычно. Сейчас она разговаривала внятно и громко, жестикулируя и щедро используя мимику. Рейчел пыталась насладиться последними днями со своей хоть и недавней, но, безусловно, самой лучшей подругой. Мэгги отвечала взаимностью на проявленную заботу и попытку приободрить. Она смеялась, но грусть быстро сжимала улыбку. Дойдя до определённого момента в своём рассказе, Рейчел остановилась. Майк понял намёк и пошёл в палату к Элис. Дочь выглядела и чувствовала себя лучше матери, но меланома разрослась на всю щёку.

Каждый день больные умирали, и в больницу поступали новые. У Маргарет очень сильно болела голова. Она постоянно твердила о том, что в голове у неё странный шум. Приём наркотических средств снижал боль, но летальный исход был неминуем. Ей дали неделю. Несмотря на свою слабость, она упорно сопротивлялась, но в один момент у неё изменился взгляд, став пустым, бездонным. Она смотрела Майку в глаза и как будто не видела его. Митчелл видел, что она уже хочет уйти. Маргарет поставили зонд для отведения желудочного сока, предотвращая рвоту. На пятый день возник паралич конечностей, а затем её добил инсульт, случившийся глубокой ночью. Майк оставался с ней до последней се-

кунды её жизни. У Элис ситуация была получше. У неё был крохотный шанс пойти на поправку. На промессию Маргарет пришли все северяне. Даже Джон с Аделин явились без опоздания. Церемония прощания прошла не совсем хорошо. У Рейчел после вида своей подруги подкосились ноги, и она едва не рухнула посреди зала, но Стивен вовремя её подхватил и усадил на стул. Герб, совершенно не стесняясь, постоянно нюхал свой порошок. После прощания работники ритуальной службы извлекли тело из гроба и погрузили в капсулу. Тело Маргарет расщепилось, и её прах в дальнейшем, как и прах других умерших в Надежде, послужит попыткой озеленения убежища.

* * *

После работы, вечером Майк отправился домой. Он хотел принять душ, а затем отправиться в больницу к дочери. Холодная вода лилась по его спине, а перед глазами – воспоминания о былой счастливой жизни. В утомлённый мозг лезли бредовые мысли о том, что семья его проклята. Возможно, ему просто не суждено быть счастливым. Он продолжал мёрзнуть, обливаясь холодной водой.

Майк проснулся. В доме никого не было, только кукла бродила по дому, волоча за собой плюшевую игрушку, подаренную Миллерами. Он прилёг всего на секунду и не заметил, как уснул, затем оделся и отправился в больницу к до-

чери. От врачей нельзя было добиться каких-нибудь разъяснений, но Майк по веским доводам доктора Джиллиана был уверен, что беда пришла именно из-за лирийной косметики дьявольского завода. Митчелла приводили в ярость секреты и недоговорки других врачей. Он кричал и грозился убить их, но потом успокаивался, извинялся и делал вид, что чувствовал вину. На самом деле Майк просто переживал, как бы его грубость не отразилась на отношении персонала к его дочери.

Лишь доктор Джиллиан мог сказать что-то внятное. Он и Майк полностью были уверены в том, что виновата «Красота будущего». Джиллиан говорил, что остальной персонал подкупил завод косметики, и он сам видел, как некий мужчина в чёрном костюме вручал увесистый конверт некоторым докторам, для того чтобы они не упоминали громкое название известной косметической линии. Когда же очередь в получении взятки во имя молчания дошла до Джиллиана, он послал мужчину в чёрном костюме куда подальше. Этот гордый жест стоил ему жизни. Молодой здоровый мужчина, успешный врач, неожиданно, без всяких предпосылок для болезни умер от сердечного приступа у себя дома. Вместе с ним умерла и надежда на спасение Элис.

Судиться с «Красотой будущего» было бессмысленно. Тем более у Майка почти не осталось средств. Члены северной группировки очень здорово помогли. Оставшись почти ни с чем, они дали Митчеллу баснословную сумму денег,

которую он решил потратить на сомнительный и якобы последний укол знаменитой новой жизни. Продавец в уединении своего капюшона, оставляющего лицо в тени, сумел впарить им чудодейственное вещество. Действительно ли это был тот самый препарат, Митчелл не мог определить, да и спрашивать у кого-либо другого он не решился. За такую вещь запросто могли убить, но это единственное, что могло спасти дочь, которая медленно с каждым днём угасала. Придя к Элис, он сделал ей укол и снова вспомнил улыбку отца, стоящего за высоким забором. Он подумал, что дарит своей дочери новый мир. Точно также, как и его отец когда-то подарил ему. Но на следующий день опухоль продолжила развиваться. Элис посмотрела на него своими большими небесно-голубыми глазами и спросила:

– Папа, я тоже умру? Как мама?

– Нет, конечно, – сказал Майк, выдавив из себя смех, такой, якобы Элис сказала что-то очень глупое. Крепко обняв дочь, он с трудом сдерживал слёзы. – Мы обязательно тебя вылечим, доченька.

После этих слов, этих пустых обещаний, этого чувства потери самого дорогого, этих мучительных страданий его жены и дочери Майк Митчелл решил, что должен отомстить. Это решение туманило все остальные мысли. Всё чаще и чаще очень ясно, как будто кто-то действительно говорил с ним, он слышал голос. Этот голос подсказал ему, как поступить правильно, и убедил, что у него нет другого выхода.

После множественных бессонных ночей Майку и всем остальным родственникам больных запретили приходить к пациентам, предоставив им полный покой перед смертью. Купленные врачи не должны были допустить распространения болезни и объявили карантин. Впервые за долгое время Майк ночевал дома. Доведя себя до полного изнеможения, он уснул.

* * *

Джон Миллер с увесистой папкой, в которой были улики на каждого из членов северной группировки и на всех, кто каким-либо образом им помогал, направлялся в здание полиции. Он ждал этого очень долго. Каждый день он воображал себе лицо Герба, когда тот узнает о настоящем Джоне Миллере, и тогда он будет бояться и зауважает его. И признает, что Джон умнее Герба. Когда кар был припаркован, он взглянул на папки и разложил их на панели так, чтобы были видны все имена. Стивен Нолан, Элатива Нолан, Джордж Левит, Эллен Левит, Рейчел Ниеро и тот, кого он ненавидел больше всего на свете, – Герб Ниеро. Не хватало ещё пары имён, но Маргарет Митчелл умерла пару дней назад, а Майка Митчелла Айрис попросила оставить ей для своих опытов. Миллер достал из бардачка полицейский значок, повесил его себе на шею и, смотря на себя в зеркало, покачал им перед носом, дёргая за тонкую цепочку. Но лицо его не выражало

сумасшедший восторг, хотя именно так он представлял себе этот момент.

Прошёл час. Миллер продолжал сидеть в припаркованном каре совершенно один, хотя его уже очень ждали. Он представил казнь всех этих людей, и его охватило чувство опустошённости. Джон первый раз в жизни начал сомневаться. А что если он жил всё это время неправильно? Ему нравится находиться среди этих людей. Нравится много зарабатывать. Чёрт возьми, да ему нравится эта работа. Он может положиться на этих людей. Точнее, на своих друзей, которых у него никогда не было и, возможно, больше не будет. Джону пришла мысль сжечь эти папки и сбежать. Он захотел приехать домой с подарком для Аделин, обнять и сказать, что простил её, забрать свои миллионы и сбежать. Аделин, несомненно, согласится сбежать с мужем, но полицейское управление и Айрис сочтут эту идею весьма оскорбительной. У них свои дальнейшие планы, абсолютно не совместимые с этой идеей. Миллер не может схватить жену за руку, взять детей в охапку и скрыться в каком-нибудь уютном укромном месте. В Надежде бежать некуда. Их в любом случае найдут. Вдруг неожиданно в голове у Джона опять прозвучали эти слова Герба: «Шлюшка Аделин». Джон взял документы и вышел из машины.

Через несколько минут начальник полиции, словно любимый родственник после долгой разлуки, крепко обнимал Джона. Он бесконечно благодарил Миллера за его усердную

работу, но на самом деле за то, что наконец можно уходить на долгожданную пенсию, оставив после себя настоящего полицейского. Затем начальник бережно взял все шесть папок в руки и вышел из кабинета. Миллер сел в кресло, скрестил пальцы рук на затылке, запрокинул голову и закрыл глаза, прикусив губу. Противное чувство, что он поступает неправильно, не отпускало его и давило с новой неистовой силой. Джона как будто накрыло дорожной плитой. Раньше он как ребёнок радовался обещаниям начальства о такой высокой должности. И, кроме того, он задумывал сдать всю группировку, после того как накопит целое состояние, но теперь это как будто теряло всякий смысл. Не щадя его размышления, дверь резко открылась и стукнулась о стену.

– Я сообщил всем нашим. Четверых уже схватили. Остались, эээ... – начальник начал перекидывать папки одну на другую. – Ниеро! Супруги. Их казнят сразу. Максимум пара часов на оформление – и всё. Допроса не будет. Тут доказательств на всех отбросов в Надежде хватит. Ты молодец, Миллер, – трепетал довольный начальник.

– Вы хотите сказать, что Герба Ниеро ещё не схватили? – сказал обеспокоенный Джон. Он встал с кресла, подошёл к эксклюзивному бару и отворил дверцы нараспашку. Раньше он не мог позволить себе прикоснуться к этому алкоголю, а сейчас начальник сполоснул под струёй воды пару бокалов и поставил перед Миллером.

– Ай. Не переживай ты за Ниеро, – сказал начальник, мах-

нув на Джона рукой, – не переживай, сегодня поймал его.

– А я почему-то переживаю, – возмутился Джон, осушив бокал и наливая себе второй. – Наверное, потому что он может отомстить, если узнает, что я коп.

– Да как он может узнать? Сраный отброс. Не парься, – успокоил шеф, похлопав Джона по плечу. – Да ладно тебе. Ты всё-таки через столько проверок прошёл, что, скорее всего, выпал из подозрения Герба в первую очередь.

– А что насчёт полицейских стукачей?

– Арестовывают прямо сейчас. Не волнуйся, Джон. Думай лучше о повышении. Привыкай к моему креслу, – проговорил начальник сквозь смех, а затем разразился диким хохотом, от чего Джон вздрогнул. – Он узнает, что ты полицейский, только в том случае, если увидит тебя с болтающимся полицейским значком на твоей шее. Ну, или когда не увидит тебя рядом с собой, прикованного к стулу в Зале Справедливости.

– Хочу побыстрее покончить с этим, – сухо ответил Джон. – Я сам поеду в дом Ниеро, – сказал Миллер и торопливым шагом вышел из кабинета.

* * *

Герба Ниеро, по счастливой случайности, полиция так и не нашла. Он, возвращаясь из магазина, издали увидел полицейскую машину возле дома и сразу всё понял. Притаив-

шлись за углом, он наблюдал, как выводят из дома рыдающую жену и как Джон Миллер игнорирует крики Рейчел. К своему стыду, он осознал, что чувство страха не позволит ему вмешаться, да и шансы вырвать свою жену из рук полицейских сводятся к нулю. Она кричала изо всех сил, прося, чтобы Джон посмотрел ей в глаза, но Миллер отвернулся и внимательно высматривал по сторонам её мужа. Вдруг он перестал вертеться и уставился в ту сторону, где прятался Герб. Ниеро что есть сил побежал прочь, перепрыгивая ограды между домами бедного квартала. Бросившиеся в погоню полицейские увидели, как его фигура достигла угла и исчезла за поворотом. На бегу обернувшись назад, он убедился, что за ним никто не гонится и, достав из кармана телефон, позвонил своему другу.

– Майк! Это я. Слушай! Джон Миллер – полицейский. Позвони остальным. Он только что арестовал Рейчел, – кричал Герб, и вдруг он, зацепившись штаниной за торчащую проволоку в заборе, упал и выронил свой телефон, разбив его об асфальт. Экран телефона не реагировал на нажатия.

– Несовершенные. Говорит офицер полиции. Повернитесь лицом к проезжающим патрульным карам для опознания, – слышалась бесконечно повторяющаяся речь из полицейского кара со стороны дороги. Эхо этого сурового окрика как гром прокатилось по близлежащим улицам.

Герб, пробежавший ещё какое-то время в противоположную сторону от этого голоса и окончательно выбившись

из сил, спустился в открытый подвал, как ему показалось, нежилого дома. Он закрыл дверь на засов и рискнул высунуться, чтобы посмотреть в горизонтальную узкую щель сверху.

– Вроде никого, – вслух сказал Герб, убедившись, что снаружи никого нет, и тут же вздрогнул от неожиданного вопроса.

– Ты кто, твою мать, такой? – мужской голос прозвучал сзади.

– Тише-тише. Помоги мне, – умоляюще произнёс Ниеро.

– Это тебя ищет полиция? А я тебя сдам. А мне они заплатят, – с какой-то непонятной интонацией, словно хвастаясь своей гениальной мыслью, сказал незнакомец в дряхлом спортивном костюме с вытянутыми коленками и грязными рукавами.

– Я тебе заплачу. Ты дурак, говори тише, – почти шёпотом произнёс Герб, услышав поблизости постепенно нарастающий голос полицейского, приказывающий уступить дорогу.

– А почему это я дурак? Ты, наверное, и есть дурак, потому что тебя ищет полиция. Меня-то полиция не ищет, вот я и не дурак. А ты дурак, получается, – незнакомец говорил невнятно и к тому же раздражающе растягивал слова, как будто вспоминая каждую букву. Герб вынул из кармана бумажник и, раскрыв, протянул ему. Тот, в свою очередь, быстро схватил протянутую вещь и, достав деньги, ловко пересчитал их.

– Тут столько денег, что я могу перебраться в подвал по-

приличнее. Пойдём вниз, – заговорил незнакомец на удивление быстро и чётко.

Когда они спустились, перед Гербом предстала картина самого гнусного и мерзкого жилища, которое только можно себе вообразить. Молодой парень лет двадцати пяти обернулся, и при свете яркой лампы Герб смог во всех подробностях рассмотреть его лицо. Он был вполне привлекательной внешности, особенно когда причесал свои волосы. Ниеро подумал, что, возможно, он, причём вполне правдоподобно, притворяется слабоумным для получения бесплатного трёхразового питания. Этим занимались некоторые несовершенные, которые не желали работать.

– Я Герб, – сказал он и протянул ему руку.

– А фамилия? – спросил незнакомец, приблизив своё ухо к устам Герба.

Ниеро на секунду задумался. Вдруг этот парень позвонит в полицию при первой возможности? Но что было терять? У него ведь уже ничего не было, кроме этого кошелька, и даже он уже был в чужом кармане.

– Ниеро. Спасибо тебе. Если ты мне поможешь, я заплачу ещё столько же, – соврал Герб.

– Меня зовут Норман, – произнёс парень и брезгливо, двумя пальцами осторожно прикоснулся к руке нового знакомого. – А что мне надо сделать? Мне нужен телевизор, – ещё более внятно сказал Норман и махнул рукой в сторону старенького радиоприёмника.

– Ты сможешь купить себе любой телевизор, какой только захочешь, – снова соврал Ниеро.

– У тебя что, нету друзей? – удивился Норман.

– Мне срочно нужно позвонить, – сказал Герб, пытаюсь найти глазами телефон. Норман указал рукой на красную трубку, лежащую на рваном матрасе, и после того как Герб не сумел дозвониться ни до одного из своих друзей, он уронил трубку на пол.

– Уже нет, – ответил Герб, закрыл глаза на пару секунд, сделал глубокий вдох через нос и одновременно стиснул зубы, таким образом пытаюсь сдержать слёзы.

– Ты начал рассказывать, что мне нужно сделать, чтобы получить телевизор, – повторил Норман, и глаза его заискрились.

– Поможешь мне убить человека.

– Какого такого человека? Как его зовут, и что он натворил? – не унимался парень. Его лицо ничуть не поменялось. Он не испугался и даже не удивился. Герб подумал, что если этот чудак начнёт паниковать, то он переведёт всё в шутку, но убийство в обмен на телевизор было для Нормана вполне приемлемо. Ниеро сделал несколько бесцельных шагов и почесал затылок.

– Я знаю, что его смерть ничего не даст, потому что он при жизни никто, но мы убьём его, мы убьём Джона Миллера, – сказал Герб. Теперь же голос его был спокоен и твёрд. Он сел на диван, закинув одну ногу на другую, и опять попытался

сдержанность слёзы.

– Мы должны действовать тихо? Надеть маски и всё такое? – загорелся энтузиазмом Норман и пару раз хлопнул в ладоши.

– Я – нет. Это уже не имеет смысла. Поможешь мне проникнуть в его квартирку и уйдёшь с деньгами. Ты спасёшься, а мне уже всё равно.

* * *

Поздним вечером того же дня приглашённые на казнь медленно вошли в зал тяжёлой походкой. К левой руке каждого из них было прикреплено устройство со смертельной инъекцией, которое активировалось дистанционно. Оно состояло из двух металлических оков-браслетов, один из которых застёгивался выше локтя, а другой ниже. Между ними крепилась маленькая металлическая стойка для шприца, игла которого послушно ждала приказа вонзиться в вену. Судье в случае принятия смертного приговора требовалось всего лишь стукнуть молоточком по нужной кнопке на своём столе, и устройство на руке смертника выдавливало яд в кровь осуждённого. Заблаговременно до процесса преступникам вкалывали сильное успокоительное, чтобы они вели себя подобающе в Доме Справедливости. Пять человек сели на стулья в ожидании своей смерти. Яркие прожектора, направленные на северную группировку, источали белый хо-

лодный свет, чтобы было лучше видно смертников. Они что-то говорили друг другу, искусно владея разговором, не открывая рта, даже несмотря на огромную дозу успокоительного. Этому они научились за годы жизни под одним куполом с совершенными. На некоторых записях с видеокамер было трудно разобрать речь и то, кому она принадлежала, поэтому в полицейском управлении существовал специальный отдел, который безуспешно старался распознавать её. Совершенные из этого отдела крутили записи в поисках нарушений правил, принятых для отбросов, и постоянно их находили.

– Мой муж обязательно что-нибудь придумает, – сказала Рейчел с лицом, выражающим умиротворённость. Она, будучи умной женщиной, понимала, что ничего Герб сделать не сможет, но эта мысль о чудесном спасении успокаивающе накрывала её страх перед смертью. В зале также находилось около полусотни несовершеннолетних. На их лицах застыло глуповатое выражение. Они чувствовали себя неудобно в этом зловещем для них месте и беспорядочно толпились. Их выбирали в случайном порядке, приглашая в Дом Справедливости для демонстрации того, что будет с ними, если нарушить закон.

Двери в зал распахнулись, и по ковровой зелёной дорожке зашагал судья. Шагая медленно, с ненавистью глядя на членов северной группировки и сжимая кулаки, он что-то ворчал про себя. Наконец судья сел в своё большое чёрное крес-

ло. Он постучал молотком, требуя внимания.

– Здравствуйте, уважаемые, – поприветствовал судья исключительно совершенных. – В первую очередь с восхищением хочу рассказать о самом настоящем герое. Его имя – Джон Миллер. Он настоящий добропорядочный гражданин, который собрал колоссальное количество информации о вас и вам подобных. Он разоблачил всех продажных полицейских, которые скоро окажутся на ваших местах, – бросил судья полный презрения взгляд на подсудимых. – Рейчел Нiero, осуждена за участие в хищении государственной пищи, далее статья 1967. Хмм, её муж Герб сегодня не решил почтить нас своим присутствием. Возможно, он чем-то занят, но, без сомнения, его скоро найдут и попросят прийти к нам, – улыбаясь, тихо сказал он. Вся комиссия присяжных, состоящая из Новой расы, сидящая немного ниже, чем судья, находя его речь остроумной, тоже заулыбалась. После непродолжительного шарканья судья вновь постучал молотком по столу, требуя тишины. – Стивен Нолан и Элатива Нолан осуждены по статье 1967, – ещё более внятно проговорил судья. Преступники сидели с опущенными вниз головами, не в силах их поднять. Даже мышинные глазки Элативы теперь не бегали из стороны в сторону. – Эллен Левит осуждена по статье 1967. Хмм, – задумался судья, сделав небольшую паузу. Эллен тихонько всхлипывала, чем рассмешила присяжных. – И наконец Джордж Левит, – раздражённо прервал судья, – осужден по статье 1967, а также по статье 1970,

то есть участие в организованной преступной группировке Белая община, – проговорил он ещё более громко, затем привстал, внимательно оглядел Джорджа и яростно сверкнул глазами на толпу несовершеннолетних. – Приговор прошу исполнить, – прокричал судья, брызжа слюной. Он сел, и в полной мере испытал экстаз от наслаждения своей властью, и наконец успокоился. Ради этого чувства он готов каждый день обречь людей на смерть. Стулья трансформировались в узкие лежаки, приподнятые у изголовья. Тонкие иглы вонзились в вены пятерых осуждённых.

Миллер не присутствовал на казни. В это время на небольшом фуршете в честь поступления нового начальника полиции на службу и ухода старого Джон в раздумьях о не пойманном Ниеро за полчаса сумел так сильно напиться, что, не дожидаясь завершения банкета, его словно труп положили на заднее сиденье кара и отвезли домой к жене.

Глава 11

2075 год

Эффи шла по супермаркету и пыталась разглядеть в других мужчинах своего будущего парня. Она всё ждала, когда он появится. Она уже перестала воображать, что, возможно, Лео всё уладил и выйдет сейчас из-за угла, улыбнётся, обнимет её. Скажет, что всё хорошо. Она снова спросит: «Что с нами будет, если нас разлучат?». А он, не задумываясь, ответит: «Случись что угодно, но я всегда буду любить тебя». Такие мечты, вперемешку со сверлящей сердце потерей привычного ей Лео, приводили Эффи в угнетённое, подавленное состояние. Но знакомство с Эйприл грело душу. Втайне даже от самой себя она наслаждалась мыслями о прошедшей ночи. Неожиданно без колебаний она позвонила и всё рассказала матери. Родители не сильно расстроились, когда узнали о случившемся, но мать без всяких «я же говорила» пыталась всячески поддержать Эффи. Вернувшись домой и набрав всевозможной дряни, девушка осознала, что не может даже купить себе еды, чтобы хорошо поесть.

Ворочаясь в одиночку на диване, как на раскалённых углах, до глубокой ночи, она, долго размышляя, всё же решилась написать Эйприл и попросить приехать. Рядом с ней

скука улетучивалась. Девушка явилась в обтягивающей короткой юбке и в полупрозрачном пиджаке. Эффи взглядом окинула её с ног до головы и мысленно оценила её наряд на все десять баллов. По телевизору шла передача с Адрианно Налетти, в которой он пытался раскрыть правду о том, что же всё-таки на самом деле произошло на заводе «Красота Будущего».

– Говорят, этот Митчелл себе пулю в лоб пустил, после того как нажал кнопку на детонаторе, – после долгого молчания сказала Эффи.

– Никто не знает, что там случилось, – резко ответила Эйприл. Было очевидно, что мнение Эффи её не устраивало.

– Не понимаю, зачем люди это делают? Таких надо лечить, – фыркнула Эффи. Глаза Эйприл вспыхнули яростью. Будучи не вспыльчивым человеком, несправедливые осуждения по поводу Майкла Митчелла были единственным, что могло вывести её из себя.

– Он был абсолютно здоров! Надо учитывать тот факт, что его жена и дочь погибли по вине этого завода! – крикнула вдруг она, заставив Эффи вздрогнуть.

– Я не хотела тебя обидеть. Просто у каждого человека своё мнение на этот счёт, – сказала Эффи, выпрямив спину и приподняв подбородок.

– Ты просто дура, – теперь уже совершенно спокойно сделала вывод Эйприл.

– Следи за языком, – ошарашенно огрызнулась Эффи.

– Тебя там не было. И придурка Налетти, обсасывающего каждую сплетню, тоже там не было. И не надо рассказывать сказки.

– Да какого хрена тебя это так цепляет? Ну, взорвал он завод и умер. Ну и хер с ним!

– Ты, сука, заткнись, – Эйприл вскочила и замахнулась на Эффи, но быстро опустила руку, увидев, как та испуганно закрыла лицо руками. – Ты не понимаешь! – яростно закричала Эйприл со слезами в своих больших красивых голубых глазах. Затем села на мягкий диван и заплакала, потирая большим пальцем букровку «М» на своём золотом кулоне. Эффи ошарашено смотрела на неё и, хлопая ресницами, переваривала произошедшее.

– Прости, – для утешения тихо выдавила из себя Эффи, при всей своей глупости решив вовремя закончить этот спор.

* * *

Эффи смотрела в зеркало. Она видела девушку, потерявшую связь с этим миром. Её здесь больше нет. Она переступила грань разума в своей голове, которую не вернуть. Грань мгновенно стёрлась, и весь мир для неё слился в пугающее единое целое. В ней нет души, нет личности, только страх. Оболочка, заполненная лишь блеклыми эмоциями. Её тошнит от собственного отражения. Её больше не узнать. Вроде черты те же, но прежний вид совершенно потерян. И вот уже

в груди разрастается ком жалости к самой себе. Он рвётся наружу вместе со слезами, но остаётся внутри навсегда. В этот момент она понимает, что сломалась. Эффи схватила лезвие. От сильного сжатия порезала ладонь и пальцы. Она захотела оставить шрамы по всему лицу и телу, чтобы они соответствовали её гнусной душе. Это неправильно – быть омерзительным внутри, а внешне ничем не отличаться от всех остальных. Дрожащей рукой она поднесла лезвие к своему лицу и поняла, что твоё тело тебе не друг. Оно не хочет тебе подчиняться, и как бы ты ни старалась приказать ему надавить лезвием на щеку, оно этого не делает.

– Проще заставить выпить себя таблетки, это не так больно, – произнесла она вслух. Эффи вспомнила про бутылку виски, которую ей подарила мама на Новый год, и решила, что она поможет справиться с дрожью во всем теле. Недолго думая, она сбегала к шкафу мимо спящей Эйприл и взяла оттуда бутылку, набрала тёплую ванну и, выпив примерно половину, наконец расслабилась. Вот она, долгожданная пустота. Теперь руки не дрожат, и прежде чем до мозга дойдут действия, она схватила лезвие и глубоко порезала сначала одну руку, а потом и другую.

В тумане мыслей она слышала грохотанье, противно мешающее скользить. Где-то вдалеке она понимала, что лежит на своём диване в полуобморочном состоянии. Но прийти в себя и пошевелиться тяжело и совсем не хочется. Тарахтенье не прекращалось. Кто-то кричал. Возможно, санита-

ры скорой помощи или Эйприл. Наконец-то на неё обратили внимание. Но мысли опять ускользали. Через какое-то время она открыла глаза. Эйприл сразу подбежала.

– Как ты? – спросила она, присаживаясь рядом. В ответ Эффи несколько раз медленно кивнула. Опять боль, опять этот ком в груди. Она посмотрела на свои руки – остались только шрамы, и то исчезающие прямо на глазах.

* * *

Спустя несколько часов девушки молча ели тосты, запиная их порцией чего-то, отдалённо напоминающего кофе. Когда тосты закончились, Эффи подошла с пустой тарелкой к холодильнику. Она ещё некоторое время, казалось, бессмысленно смотрела на полки, заполненные продуктами, которые купила Эйприл, затем посмотрела на светлеющее за окном искусственное небо и, захлопнув дверку, глубоко вздохнув и улыбнувшись, отнесла посуду в раковину. Только сейчас она заметила, что в её квартире никогда не было так чисто. В этот момент она репетировала уже подготовленную речь того, как скажет своей подруге слова благодарности. Она как будто поняла, что Эйп нужна ей. К тому же её тревожило, что она обидела её. Эффи порхнула к тостеру, и принялась сметать скопившиеся вокруг него крошки, и начала говорить:

– Эйприл, я очень ценю то, что ты мне помогаешь... – не

успела договорить девушка.

– Я поняла, ты хочешь меня выгнать? – уставилась Эйприл на Эффи.

– Нет, ты...

– И это после того, что между нами было? – улыбнулась Эйприл и медленно провела кончиком языка по верхней губе.

– Да ты же меня совратила! Думаешь, я не знаю эффект от этих колёс?! – кричала Эффи, поставив руки на пояс.

– Да ты сама хотела. Я просто помогла тебе расслабиться.

– Я что, попросила снять с меня трусы и начать нализывать?

Словесную перепалку девушек прервал дверной звонок. Эффи открыла дверь, и следом за проникшим в коридор светом из подъезда её ударили прямо в нос чем-то тяжёлым. Ноги подломились. Хлюпая развороченным носом, из которого градом текла кровь, она резко опустилась на колени, обхватив ноги бесцеремонно вошедшего в квартиру мужчины, будто прося о помощи.

– Что вам нужно? – испуганно спросила Эйприл, неуверенно двигающаяся навстречу парню, но вместо ответа Дэнни ударил её сверху по голове кулаком с такой силой, что у неё посыпались искры из глаз, и, теряя сознание, Эйприл легла на пол.

– Глупая скотина, – ненавистно произнёс Дэнни неумолимым жутким голосом. С распущенными волосами и звери-

ным оскалом он был страшен. – Не думал, что их будет две.

В ту же секунду девушек закинули на плечо два отброса и направились к кару на улице. По дороге в отель, который стал уже адом для некоторых совершенных, Эйприл несколько раз приходила в сознание. Она слышала смех похитителей и их фантазии о том, что они собираются сделать.

Глава 12

22 октября 2060 год

Митчелл уселся в кресло, поставил пустую сумку на пол и представил, как Маргарет приносит ему кофе без сахара. Она знала – он любит кофейную вишню. Или чай, чёрный, крепкий. Главное, чтобы из нормального магазина, а не из этого подвала на углу. Майкл принялся размышлять над самым главным заданием всей своей жизни. Через час начался рабочий день. В голове он снова и снова прокручивал свой план мести. Эта мысль сверлила ему мозг – отомстить за жену и дочь. Митчелл плохо ел и, словно тень, бродил ночью по дому, волоча ноги, одержимый мезтью. Он не сможет жить, если не отомстит, и этот план, который придумал сам, воплотит в жизнь, рискуя собственной.

К дочери его не пускали, но он заплатил все оставшиеся деньги для того, чтобы последние дни она прожила в комфорте и заботились о ней лучшие врачи. Укол «Новая жизнь» оказался ненастоящим. Митчелл и сам словно угасал от какой-то неизлечимой болезни. «Папа, я тоже умру, как мама?» – вспомнились ему слова Элис. Как только он закрывал глаза, перед ним появлялась его дочь. Она тоже скоро умрёт, но их мучительная смерть не останется безнаказан-

ной.

Майк, никогда не употреблявший наркотики, купил себе целую коробку валандо, придающего бодрость и непреодолимую жажду деятельности. План заключался в том, чтобы взорвать энергоблок завода. Вначале нужно было украсть большой аккумулятор со склада и притащить его домой. На это ему требовалось два дня – понедельник и среда. Охранник Маркус работает через сутки. Только он не проверяет Майка. В два этапа вытащить с военного завода все необходимые материалы будет непросто, но он сделает это. Нужно отработать всего три дня, и в четверг на работу Майк уже не придёт. Всё, что у него было, – это его семья, и он готов умереть, но сначала нужно взорвать «Красоту будущего». Самое сложное – пробраться на фармацевтический завод. По всему периметру установлены камеры. Единственный путь – через главные ворота, и нужно достать пропуск. План здания лежал на столе перед глазами Майка. На каждом этаже находилось по энергоблоку, и самый большой из них был на первом этаже. Если установить заряд на него, то силы взрыва будет достаточно, чтобы комплекс «Красоты будущего» перестал существовать.

На следующий день Майка больше, чем обычно, загрузили работой. Наконец он смог позволить себе присесть и первым делом проверил телефон. Пропущенных вызовов от врача не было, а значит, состояние дочери осталось неизменным. Он открыл голосовое сообщение от Герба:

– Майк! Это я, – запыхавшись, как будто после пробежки, сказал Герб, который сегодня не явился на работу. – Я не могу долго говорить. Слушай! Джон Миллер – полицейский.

Сообщение резко оборвалось. Никто из северной группировки не отвечал Митчеллу. Времени было мало. Скоро его схватят и казнят. Майка охватила паника и бешено заколотилось сердце. Теперь же, после смены, он должен вынести всё необходимое за один раз. Если успеет.

Во время обеда Майк с конвейера перенёс взрывное устройство в раздевалку, уложив его вместе со взрывателем в спортивную сумку. Теперь нужно было дождаться воя сирены, говорившего об окончании трудового дня, и покинуть территорию самым последним. Чем меньше людей увидят его с увесистой сумкой, тем больше времени у него будет, прежде чем его схватят.

После воя сирены свет в цехе отключили. Майк спускался, стараясь не шуметь, и двумя руками крепко держал тяжёлую сумку. Ремешок, позволяющий повесить её на плечо, лопнул, когда Митчелл доставал бомбу из шкафчика, и на ней остались только маленькие ручки. В темноте было плохо видно ступеньки, и ему ничего не оставалось, кроме как вслепую добраться до аварийного выхода. Он всей душой желал, чтобы дверь внизу была открыта, а не заперта на ключ с обратной стороны. Майк нащупал дверной засов, вытащил его, тихонько положил на пол, коснулся двери и надавил кончиками пальцев. Петли заскрипели. Дверь была открыта. От

волнения струйка холодного пота поползла по спине. Митчелл проглотил капсулу валандо и направился к воротам.

Он старался нести сумку в одной руке, не показывая виду, что она тяжёлая, но ладони жутко потели, и ручка скользила вниз, разгибая пальцы. Мало кто из несовершеннолетних отважился бы пронести большую тяжёлую сумку на глазах у охраны, но Маркус никогда бы не стал проверять его вещи. Смерть грозила ему на каждом шагу. Если Герб сказал правду, то Митчелла уже давно должны схватить полицейские. Учитывая, как быстро работает полиция по делам несовершеннолетних, Майк удивительно долго разгуливает на свободе.

Майк уже подходил к КПП. Оставалось метров десять, когда пластиковая дверь открылась и оттуда вышел не Маркус, а какой-то незнакомый охранник. Оцепенев от ужаса, Митчелл представил, как его после многочисленных пыток, проделанных людьми, не лишёнными фантазии, казнят в Доме Правосудия, и среди сотен зевак стоит его дочь. Он взял себя в руки и огляделся по сторонам – никого не было. Он взял сумку с бомбой в левую руку, а правой крепко сжал рукоятку ножа в кармане. Подойдя ближе, он оглянулся назад, тем самым ещё раз удостоверившись в том, что, кроме них двоих, больше никого нет, и, повернувшись обратно, он чуть было не проткнул горло незнакомому охраннику, как вдруг из-за двери резко выскочил Маркус, и, грубо отодвинув своего напарника в сторону так, что тот чуть не упал, протянул руку и крикнул:

– Майк, привет, я купил его!

Майк разжал ладонь, державшую нож, и протянул руку в ответ, чтобы поздороваться.

– Новый? Какого цвета? – спросил Майк с наигранным восхищением, но голос немного задрожал.

– Почти новый. Стоял в гараже у какого-то старика целый год, пока тот не решился его продать. Быстроходный, жёлтый с чёрными полосками. Зайдёшь посмотреть завтра? – радостно и энергично тараторил Маркус. Он показывал, как садился за руль, искусно изобразил губами все звуки, которые издаёт кар – от открытия двери до полной его остановки.

– Конечно, зайду. Поздравляю, очень рад за тебя, дружище, – ответил Майк и напряг всё тело, чтобы переложить сумку в другую руку и не показать её тяжесть.

– Что у тебя там? Бомба, что ли? – Маркус заливисто рассмеялся.

– Да, я уже несколько таких вынес, – ответил Майк и выдал из себя смех. – Ладно, дружище, я пойду, устал очень.

– Хорошо, Майк, заходи завтра вечером обмыть новый кар. С меня пиво.

– Окей, – ответил Митчелл и, открыв дверь, прошёл по узкому коридорчику вдоль поста охраны. Первая часть плана выполнена. Оказавшись на улице за воротами, он услышал, как зазвонил телефон на посту. «Что если это полиция звонит, чтобы меня схватили?» Майк захотел рвануть к кару со всех ног, но нужно было следовать плану и не вызывать по-

дозрения, к тому же ноги жутко гудели после рабочего дня. Охранники могли догнать его и повалить на землю. Он уже подходил к своему кару, припаркованному недалеко от ворот, как дверь поста со скрипом открылась и оттуда выбежал Маркус. Майк снова сунул руку в карман и крепко сжал рукоятку ножа.

– Стой! – крикнул он вслед Митчеллу. Майк положил сумку на заднее сидение кара и через мгновение ощутил тяжёлую руку Маркуса на своём плече.

– Ты забыл пропуск, – улыбнулся охранник. Майк забрал свой ламинированный кружок со штрихкодом и рукавом вытер пот со лба.

– Спасибо, Маркус, – поблагодарил охранника Майк и наконец сел в машину. Он не разжимал деревянную рукоять холодного оружия до самого завода «Красоты будущего» и не переставал поглядывать на сумку через зеркало. Митчеллу не верилось, что бомба у него.

Через несколько часов поздним вечером Митчелл, сидя в своём каре, выжидал подходящего момента пройти в «Красоту будущего». На данный момент он чувствовал себя в безопасности. Тут полиция не станет его искать. К воротам подъехал небольшой грузовой кар с четырьмя пассажирскими местами. По счастливой случайности охранники отмечали какой-то праздник. Водитель долго сигналил, и когда понял, что никто не выйдет проверять машину на въезде, решил зайти на пост охраны.

Майку вдруг стало страшно умирать здесь одному. Всё героичество в один миг испарилось. «Может, поехать к дочери и просто ждать, пока меня схватят? Умру хотя бы со своими друзьями в Доме Справедливости, а не в одиночку. Если они ещё живы. Интересно, а Аделин – тоже коп?» Он вспомнил, как Герб предложил убить Миллера и его жену, и пожалел, что не согласился. Он представил своих друзей, сидящих на стульях в Доме Справедливости. Идея встретить свою смерть с друзьями казалась ему вполне привлекательной, но её резко вытеснила другая. Она была лучше.

Майк вышел из кара, взял сумку обеими руками и что есть силы побежал в сторону грузовика, открыл заднюю пассажирскую дверь и сел позади водителя. Сутулый лысый мужчина лет шестидесяти, вернувшись на своё место, завёл электрокар и, не заметив Майка, проехал через ворота. Митчелл наконец-то оказался на территории завода. Водитель резко обернулся на шум, но к его горлу уже был приставлен острый нож.

– Тихо, тихо. Я не хочу тебя убивать. Просто поезжай вон туда, – указал Майк пальцем на здание с энергоблоком.

– Я понял, – дрожащим голосом произнёс водитель, повернув в указанном направлении. Внезапно из-за угла одного из многочисленных зданий, находящихся на территории комплекса, вышли два охранника в бордовых костюмах с логотипом «Красоты будущего» на груди и жестом приказали водителю остановиться возле них. Майк убрал нож от горла

и приставил к ребрам водителя.

– Что везёшь? – недовольно спросил охранник таким тоном, каким обычно разговаривает сов с несомом.

– Флаконы для новой серии, уважаемый, – вежливо ответил водитель. Один из охранников очень внимательно что-то высматривал в своём блокноте. Найдя нужную запись, он одобрительно кивнул водителю.

– Наши мужики там на посту день рождения отмечают, я пойду к ним. Ты, это... приходи к нам. Вливайся в коллектив, хорошо? – спросил охранник у своего стажёра.

– Хорошо. Проезжай давай! – ответил он и жестом поторопил водителя.

Доехав, Майк убрал нож в карман, взял сумку и вышел из грузовика.

– Лучше тебе свалить отсюда, – бросил он напоследок водителю.

В шестиэтажном здании с энергоблоками никого не было, но когда Митчелл оказался внутри, сработал сигнал тревоги.

– Надо было связать этого старого козла, – сказал он, устанавливая заряд. В здании сильно пахло краской. Митчелл услышал голоса за дверью и побежал наверх, зажав кнопку на детонаторе. Погибнет он – погибнут все. Охрана комплекса вошла внутрь.

– Не стрелять! – крикнул один из них. – Тут нельзя стрелять. Я сам, – охранник долго целился, направив ствол вверх между лестничными пролётами, после чего плавно спустил

курок. Пуля врезалась Митчеллу в бедро. Майк вскрикнул, нога подкосилась. Не успев ухватиться, он кубарем скатился с лестницы и сильно ударился головой о стену, но кнопку не отпустил. Потирая ушибленное место, он встал и, опираясь на стену, липкую от свежей краски, пошёл наверх по ступеням. Охранники медленно поднимались следом. Майк дошёл до верхних этажей и рухнул. Кровь сильно сочилась из раны, пропитывая штанину. Страшно бледный, он подполз к стене и сел, истекая кровью. Идти не было сил. Он засыпал. Охранник попал в артерию. Громко зазвонил телефон в кармане, разразившись эхом по всем этажам. Это был звонок из больницы.

– Алло. Алло! – кричал в трубку Майк, поглядывая на лестницу. Охранники неумолимо приближались, а он слышал в телефоне лишь помехи. Митчелл положил телефон, подобрал банку с краской, стоявшую рядом, и швырнул вниз с криком:

– Ловите гранату, сукины дети!

Гроыхая, банка катилась вниз по ступеням. Охранники упали и притихли, ожидая взрыва, которого не последовало. Майк с трудом поднялся, хотя остаток сил он уже исчерпал на бросок. Он почти доковылял до окна, рассчитывая, что сигнал улучшится. В одной руке держа самодельный взрыватель, в другой телефон, продолжал слушать помехи. Митчелл упал и начал ползти. Наконец, достигнув цели, он остановился. Снайпер занял позицию на крыше соседнего зда-

ния.

– Алло, – устало процедил он. Глаза закрывались, но он отчаянно пытался сопротивляться. Холод пронизывал его тело.

– Мистер Митчелл, вы что, пьяны? Вы меня слышите? Я перезвоню позже, раз не слышите! – кричал взволнованный доктор.

– Я слышу, – прошептал Митчелл, взглянув на часы на запястье. 22:22.

– Ваша дочь на данный момент хорошо себя чувствует. Только немного истощена. Рак отступил, – восторженно заявил доктор сквозь сильные помехи, и радость увлажнила глаза Майкла. Он встал на колени, а затем попытался встать на ноги. Снайпер, заметив движение, прострелил ему голову. Пуля разбросала остатки телефона по полу. Рука Митчелла разжалась, и взрыв испепелил его тело.

* * *

Утром того же дня, страдая от жуткого похмелья, Джон принимал душ. Он долго стоял под струйками холодной воды, надеясь смыть с себя вину за смерть своих друзей. Отныне он являлся начальником полиции Надежды. Он давно мечтал об этом, но, получив желаемое, не ощущал радости. И только Миллер собирался выходить из квартиры, как Аделин подвела к нему уже одетого маленького Эдварда и за-

ставила взять его с собой. Джон уже давно обещал устроить сыну экскурсию, и в этот раз уже было не отвертеться, потому что отговорки, якобы начальство не разрешает водить маленьких детей в управление, потеряли всякий смысл. По дороге в участок позвонила Айрис.

– Джон, завтра. Это произойдёт завтра, – волнительно проговорила она.

– Я это слышал много раз. Отбросы слишком глупы, чтобы осуществить твой план. Я веду сына в участок на экскурсию. Завтра у меня будет похмелье. Пусть взрывают послезавтра этот чёртов завод, – с сарказмом ответил Джон, залпом осушив бутылку пива, купленную в ларьке возле дома.

– Нет, это произойдёт завтра. Ты с семьёй должен быть здесь, в безопасном месте! Совершенным вирус не страшен, но отбросов на первой стадии заражения нужно бояться!

Джон отключил телефон, чтобы хотя бы сегодня не слушать этот бред про взрыв. «Надо придумать что-то поумнее, вместо того чтобы поручать такое задание тупым несовершеннолетним», – подумал Миллер. Он не верил, что у них хватит ума это сделать. Чувство вины за смерть северной группировки охватило его с новой силой. Оно сопровождалось страхом того, что Герб ещё не пойман. В участке они провели целый день. Миллер чувствовал себя в безопасности в управлении. Джон учил сына стрелять, он познакомил его со всеми сотрудниками, и под вечер уставший и счастливый ребёнок со своим отцом собрались идти домой.

– Джон, нам не терпится узнать подробности. Расскажи про этих дикарей. Они правда кромсали здоровяков у себя на кухне? – задержал Джона на выходе из участка один из детективов, похлопав его ладонью по спине.

– Малыш, ты знаешь, что твои родители – самые настоящие герои? – добавил улыбающийся во все зубы патрульный и удачно запустил пустой стаканчик из-под кофе в урну.

– Что они за люди такие, расскажи, – встал перед Джоном и Эдвардом любопытный детектив.

– Люди как люди, – ответил Джон и, грубо отодвинув полицейского в сторону, направился к выходу.

Неожиданно сирена оглушающе зазвенела. Экраны выдвинулись с потолка.

– Внимание! Террорист на фармацевтическом заводе, – прозвучал голос из дома власти. – Все силы направить на завод!

«Она ведь сказала завтра», – подумал Джон. Вся полиция в одно мгновение исчезла. Они все ринулась к заводу. Джон схватил Эдварда за руку и выбежал на улицу. Сегодня они пришли пешком. Машина осталась возле дома. Весь остальной транспорт уехал. За каких-то пять минут ни одного полицейского не осталось, чтобы сопроводить их домой. Испуганный Миллер включил телефон и набрал номер Айрис. Она не отвечала. Отец с сыном торопливым шагом направились к дому. Через минут двадцать пути улицы уже опустели. Вдали Миллер увидел вспышку от взрыва. Часы на руке

показывали 22:22. На удивление Джона Айрис всё-таки удалось осуществить свой план, но она ведь сказала завтра.

– Что-то пошло не так, – озадаченно произнёс Миллер, глядя на кроваво-красную тучу, которая медленно растягивалась под куполом Надежды и плавно опускалась вниз.

– Я устал. Что происходит, папа? – спросил маленький Эдвард.

Он молча взял мальчика на руки и пошёл быстрым шагом. Джон тоже устал. И как он мог так задержаться? До дома оставалось совсем немного, но скоро начнётся комендантский час, а он забыл разрешение дома. Старый значок у него забрали, а новый ещё не выдали. Проблем в случае, если его остановят, не избежать. Пройдёт уйма времени, пока удастся доказать свою личность.

За соблюдением запрета следили специально выделенные для этой цели войска. Начальника полиции они, скорее всего, в лицо не знали. В любой момент его могли остановить солдаты. «Ваше разрешение. Забыли? Ваши документы совершенного. Где и кем вы работаете? Лицензия на ребёнка. Как будто и так не видно, что я не какой-то отброс с вонючего квартала. Аделин, наверное, уже волнуется, и телефон, как назло, сел в самый неподходящий момент», – подумал Джон.

Они дошли до пешеходного перехода. На противоположной стороне горели слова: «Не переходить». Перед ними остановилась серебристая старая машина с тонированными

окнами, прямо на зебре. Джону даже стало немного не по себе. Он был уверен, что кто-то там за стеклом пристально на него смотрит, и отвёл глаза в сторону. Машина проехала дальше и резко свернула во двор. Перейдя дорогу, спустя несколько минут Джон и маленький Эдвард подошли к своему дому. Около подъезда стояла та же самая машина. Миллера охватило чувство тревоги, и он, держа на руках мальчика, пронёсся вверх по лестнице. На четвёртом этаже дверь номер сорок два была слегка приоткрыта. Сколько раз он говорил закрываться, ведь сейчас вовсе не безопасно. У него устала рука, он опустил Эдди на пол. Джон достал из кобуры новенький двустольный револьвер, подаренный управлением. Услышав движение, начальник полиции быстро оглянулся. Удар кастетом сбил его с ног.

Джон Миллер лежал на полу в гостиной вниз животом. Руки его были связаны за спиной, рот заклеен скотчем. Он открыл глаза. Один глаз залила кровь, сочившаяся из раны на лбу. Эдди лежал рядом без сознания. Мальчик не был связан. Хорошо, что Дэнни оставили с няней у неё дома.

– Он очнулся! – крикнул парень в чёрной бейсболке.

– Отлично, как раз вовремя, – усмехнулся второй, раздвигая Аделин ноги. Джон попытался что-то крикнуть, но усилия были тщетны. Последовал удар ногой по рёбрам.

– Пожалуйста, перестань, Герб, – заплакала Аделин. В глазах Ниеро отражалось безумие. Прямо на глазах у Миллера он начал насиловать её. Эдвард зашевелился.

– Выруби мальчика, Норман! – крикнул Герб. Его грязные волосы торчали в разные стороны, а глаза на выкате напоминали глаза дикого зверя, жаждущего крови.

Норман взял металлическую вазу и стукнул мальчика в затылок. Эдди заплакал, и мужчина ещё раз ударил его, замахнувшись посильнее. Мальчик не вырубился. Норман изо всех сил стукнул Эдварда металлической тяжёлой вазой по голове. На третий раз Эдди без сознания повалился на пол.

– Забери деньги с драгоценностями и жди в машине... Я немного повеселюсь со своими старыми друзьями, – довольно произнёс Ниеро.

– Герб, может, уже хватит, пойдём, а? – буркнул Норман, взял сумку и сделал пару шагов назад к двери, остановился и продолжил смотреть. Герб насилывал Аделин. Закончив, он положил пистолет на журнальный столик, достал тесак из сумки, на котором были видны следы запёкшейся крови, и несколько раз ударил её по голове рукояткой.

– Не люблю, когда остаётся чувство незаконченности, – улыбнулся Герб, посмотрев на Нормана.

– Ты псих, – прокомментировал Норман.

– Ты должна была его остановить, шлюха, – сказал Герб, скривившись как от зубной боли, затем подошёл к Джону и перетянул ему ногу резиновым жгутом. – И всё-таки я сделаю то, что хотел, – сказал Герб, сжав тесак крепче. Последняя фраза была произнесена особо холодным голосом. Удар... Режущая, сильная боль чуть ниже колена. Снова

удар и снова... Скомканный платок выпал изо рта Аделин, и страшный вопль огласил комнату, но Герб не стал затыкать ей рот. Ему уже было всё равно. Тёплые капли крови срываясь с тесака, брызгали в лицо. Ломая кость, он всё-таки отрубил ногу. Боль была невыносимой. Норман бросил сумку и смотрел на это зрелище, пуская слюни, как дикий оскалившийся зверь. Теперь ему нравилось происходящее. Тяжело дыша, Герб пнул отрубленную ногу в сторону своего друга. Норман упал на колени. Он положил сильно дрожащие руки на окровавленную конечность и укусил её. Герб подошёл к Аделин. Схватив её за волосы и немного приподняв, он принялся рубить ей голову. После первого удара жена Джона перестала кричать. Её лицо стало белым как молоко. Удар второй, третий. Джон смотрел, как Ниеро держит голову жены, и начал что есть силы мычать сквозь повязку, пуская соплю из носа. Он стучал головой об пол, пытаясь создать как можно больше шума, чтобы хоть кто-нибудь его услышал.

– Не шуми. Свою ногу и свою жену ты уже просрал, – сказал запыхавшийся Герб. Его руки дрожали. – Полегчало, – прошептал он, перерезав кусок плоти, мешавший окончательно отделить голову от тела. – А говорят, месть только усугубляет, – добавил Ниеро, облизав окровавленный палец.

Мальчик открыл глаза. В этом страшном человеке со звериным оскалом, в одной руке держащем окровавленный тесак, в другой – голову матери, Эдди не сразу разглядел доброго и всегда с шоколадкой в кармане дядю Герба. На дру-

гом конце комнаты незнакомый ему мужчина стоял на четвереньках, кусая отрубленную ногу.

Медленно подняв голову, Норман мощным резким движением запрыгнул на Герба, сбив его с ног, и начал вгрызаться ему в шею. Герб выронил свой тесак и начал судорожно извиваться на полу, умирая от полученной раны. Раздался выстрел, и Норман упал, забрызгав стену своими мозгами. Эдди стрелял в безжизненное тело, пока не закончились патроны, и продолжал нажимать на курок, создавая пустые щелчки. Время как будто остановилось. С улицы слышались нарастающие крики и выстрелы.

* * *

Ровно в 22:22 завод вспыхнул. Айрис открыла шлюзы атмосферных комплексов, выпустив ядовитое облако, которое перемешивалось с испарённым лирием, и Надежда заполнялась «Красной смертью».

– Внимание! Террорист на фармацевтическом заводе. Все силы направить на завод! – громко проговорил Том Джонс, Глава Дома Правления, сидя в своём кабинете. Он повторял снова и снова эти слова в громкоговоритель, вещающий на всё убежище, даже после того как завод был уже взорван. Роберт, его взрослый сын, намеревающийся в будущем занять этот пост, стоял рядом, пытаясь скрыть своё беспокойство. Он старался оставаться невозмутимым как отец, но пот на

лбу выдавал его волнение. Многочисленные мониторы в кабинете свидетельствовали о кровавой резне в городе. Ужас, который показывали экраны, стёр с лица Главы Правления бывшее хладнокровие.

– В этом доме мы в безопасности. Мы здесь как в бункере. Запасов хватит надолго, – сам не веря в свои слова, произнёс Том.

Дом Правления представлял собой выдающееся здание. Ослепляющее своей изысканностью, оно со всеми колоннами и полусферической крышей было похоже на место, где живут боги. Трёхэтажный храм, в котором решаются все важные вопросы, связанные с последним местом обитания людей, был отлично защищён от любых внешних факторов. В этом здании была даже обслуга, состоявшая в основном из несовов. Пальцы застучали по клавиатуре, и за несколько секунд Дом Правления перестроился в монолитную неприступную крепость, но «Красная смерть» была уже внутри.

Неожиданно в кабинет ворвался повар Бен. Его фартук был сильно испачкан кровью, а в дрожащей руке он сжимал длинный нож. Какое-то время повар стоял неподвижно. Все трое стояли неподвижно. Затем Бен быстрым шагом двинулся к Роберту, оскалив зубы. От первого удара сын президента увернулся, отскочив назад, но Бен сделал выпад и полоснул ему живот острым как бритва ножом. Роберт защитил руками свой торс, но горячая кровь начала струиться между пальцев, и живот пронзила острая боль. Роберт поддержи-

вал руками свои внутренности, а Бен уверенно шёл к самому главному человеку в Надежде. Повара остановили несколько пуль, выпущенных из пистолета вовремя подоспевшего телохранителя.

– Сэр, Бен взбесился и начал кромсать всех своим ножом, – начал объяснять он, но обернулся на топот. Горничная бежала на него, и даже выпущенная ей в ногу пуля не остановила эту разъярённую женщину. Телохранитель закрылся руками, вовремя поставив блок, но она, вопя, хлестала его руками. Внизу, на первом этаже, слышался шум драки и женские крики. Телохранитель, защищая своё лицо, наконец открылся, успев получить пару пощёчин, и стукнул женщину в подбородок рукоятью пистолета. Её руки и рот были испачканы кровью. Чёлка на лбу насквозь пропиталась кровью. Женщина, громко лязгнув зубами, упала и захрапела. Телохранитель достал белый платок из кармана, протерев лицо от пота и крови, затем снял пиджак и бросил его на пол. Роберт не удержал свои внутренности, которые бесформенным мешком упали на ковёр. Мужчина упал вслед за ними, пытаясь их собрать, но медленно лёг прямо на свои кишки и больше не шелохнулся. Телохранитель достал из кобуры на ноге второй пистолет и кинул Главе Правления, после чего спустился вниз по лестнице. Он шёл на шум по скользкому от крови полу, держа пистолет наготове. Открыв дверь кухни, перед его взором предстала кровавая баня. В помещении было темно из-за заляпанных мозгами и кровью светильни-

ков на потолке.

– Господи, помоги, – взмолился телохранитель, увидев, как няня, держа за ногу младенца, бьёт его о стену. На кухню вошёл Глава Правления и метким выстрелом снёс полголовы убийце своего новорождённого сына. Послышался звук хлопающих дверей. Кто-то бежал на них с другого конца дома.

– Держитесь меня, сэр. Никуда не уходите, – тихо проговорил телохранитель, направив ствол в сторону двери, из которой вот-вот должен был кто-то выбежать. Глава Правления последовал его примеру. Дверь наконец открылась, и оттуда вышла его жена, скалившись окровавленными зубами. Телохранитель выпустил в неё всю оставшуюся обойму, прежде чем она успела накинуться на них. Глава Надежды приставил пистолет к своему виску и выстрелил.

* * *

Элис спала. На массивной тумбочке возле кровати стояла ароматизированная свеча. Она источала аромат самых разных цветов, которых уже нет. Девочку разбудил врач. Он внимательно осмотрел её. Меланома на щеке, которая с каждым днём увеличивалась, внезапно исчезла, и девочка выглядела абсолютно здоровой. Он несколько раз доставал из своего кармана зелёный носовой платок в крупную клетку, протирая стёкла очков, затем взял у девочки кровь на анализ и поспешно вышел из палаты, по пути пригла-

шая всех остальных врачей пройти вместе с ним в лабораторию. Стрелки часов приближались к 22:00, но Элис не хотела спать. Самочувствие заметно улучшилось. Тёмные круги под её небесно-голубыми глазками прошли. Усталость со слабостью улетучились, и боль вместе с ними. В голове наступила ясность, которую ранее глушили лекарства. Впервые за всё время, проведённое в больнице, ей захотелось есть. После неудачной попытки позвонить отцу, который был вне зоны доступа, Элис, одетая в зелёную больничную пижаму, вышла из палаты. Она прошла мимо толстой спящей дежурной медсестры, которая всхрапывала на вдохе, а на выдохе посвистывала.

Девочка поняла, что рак отступил, но слезы всё сильнее и сильнее наполняли глаза. На смену постоянной головной боли пришла боль душевная. Только сейчас, обретая ясность мысли, Элис с горечью в душе осознала, что мама умерла. Её терзала свежая и кровоточащая рана утраты матери. Она хотела домой, посмотреть и потрогать её вещи, ощутить запах её духов. И вот, когда душевное напряжение достигло своего пика, Элис присела на корточки и заплакала.

Беспорядочно кружившие до этого момента нестройным хором обрывки разговоров отца и доктора Джиллиана выровнялись в определённой последовательности, сформировавшись в один вывод – однозначно в смерти мамы и всех остальных людей в больнице виновата «Красота будущего». Слезы немного сняли боль. Спустившись пешком, девочка

проскочила мимо охранников, играющих в карты, и вышла на улицу. Таксисты стояли напротив входа в больницу недалеко от своих припаркованных машин. Дорогой чёрного цвета кар резко затормозил, напугав девочку. Хорошо одетый молодой человек выскочил из машины, торопливо подошёл к девочке и сказал приятным успокаивающим голосом:

– Элис, меня зовут Артём. Твой отец просил позаботиться о тебе. Ты должна ехать со мной.

– Где мой папа? – спросила она тоненьким голосочком, дрожащим от холода и волнения.

– Расскажу всё по дороге. Мы заберём твои вещи из дома, и я увезу тебя в безопасное место, – уверенно произнёс мужчина. Его доброе лицо расплылось в улыбке, но за ней скрывались тревога и волнение.

У Элис не было ни одной причины доверять этому человеку, но когда вспышка от взрыва на мгновение осветила город, она испугалась и села к нему в машину на заднее сиденье. Мужчина молча стучал пальцами по кожаной оплётке руля, затем поднял глаза и через зеркало посмотрел на Элис. Неожиданный грохот от удара напугал обоих. Девочка зажмурилась и закрыла ладонями уши. Артём хотел заблокировать двери, но они заперлись сами. Обезумевший таксист подбежал к его машине и что есть силы начал долбиться головой о капот машины.

– Не бойся. Сейчас полиция разберётся, – обратился Артём к Элис.

На шум явился охранник. Вальяжной походкой выйдя из дверей больницы, он покручивал в руке дубинку.

– Эй, наркоша, – позвал его охранник. Таксист, задрвав окровавленную голову вверх, оставил капот в покое и побегал на голос. Охранник, по-видимому, не ожидая такой буйной реакции, выронил дубинку и забежал обратно в здание. Таксист вбежал следом, прошибая стекло. Артём с трудом смог совладать с собой, он дрожал. Наконец, собравшись, он надавил педаль и тронулся с места. На следующий день, сидя в роскошной квартире в центре Надежды, из телевизионной программы они узнали, что Майкл Митчелл погиб при взрыве завода «Красота будущего». Опекун Элис оказался добрым отзывчивым человеком. Он тоже потерял свою семью.

Майк воспользовался манерой Герба ставить людей перед фактом – лоб в лоб. Он отдал Артёму новые документы Элис и попросил заботиться о ней. Так иногда делали совершенные, не желающие иметь детей, а людей, которые мечтают о семье, всегда было на порядок больше. Митчелл сделал это на тот случай, если его посадят или казнят.

* * *

Джон посмотрел на настенные часы. Они показывали 2:44. Майк Митчелл в одиночку уничтожил «Красоту будущего». Жуткая депрессия не выпускала его из своих сетей. Миллер чувствовал, что разбит и физически, и морально.

Ещё вчера он был счастлив. У него была любимая жена, дети, друзья, работа, которая за один день приносила больше дохода, чем месяц в полицейском участке. Сейчас он чувствовал вину, что пренебрегал общением с женой, и теперь, когда её не стало, он хотел быть рядом с Аделин больше всего на свете. Они были уверены, что доживут до весьма преклонного возраста. Джон сидел на полу под окном и смотрел на пустую заправленную кровать. Он не успел сказать Аделин, что простил её. Когда рыдания утихали, переходя во всхлипывания, он как будто слышал её шёпот. Он чувствовал холодный пол и представлял, как по нему ходит Аделин.

Миллер вдруг вспомнил про бутылку виски в баре. Почему ему раньше не пришло в голову выпить? Он встал и через пару шагов сел на кровать. Ноги затекли. Точнее, одна нога. Как долго он просидел на полу, он не знал. Джон достал телефон из кармана брюк и попробовал ещё раз дозвониться Айрис. Гудки сменились раздражающим женским голосом: «Абонент недоступен». На улице творилось нечто страшное, леденящее душу. Он боялся смотреть в окно. Он не отвечал на звонки из управления, которое ждало его распоряжений.

Он встал и пошёл к бару. Протез хорошо сел, Джон даже на какое-то время забыл об отсутствии ноги. Пока виски в бутылке становилось всё меньше и меньше с каждым глотком, Миллер думал о Митчелле. Его тело или хотя бы его часть до сих пор не нашли. Должно же было от него остаться хоть что-нибудь. Что если он жив и придёт за ним? Как

Герб. Детей он никогда не найдёт, но этот адрес Джона он точно знает. Майк бывал тут не один раз. Миллер достал револьвер и положил перед собой на барную стойку. И как всё-таки удалось сбежать Гербу? Теперь Джон Миллер был начальником полиции. Как долго он этого ждал, и как же дорого ему обошлась новая должность. Джон опьянел и поднялся обратно в комнату, прямо в одежде и обуви он упал на кровать и уснул.

– Джон, Дома Правления больше нет! Нам нужно на Остров, уже всё готово, самое время браться за дело. Не знаю, каким образом, но Майк Митчелл сделал за нас всю грязную работу, – толкая Джона, говорила Айрис.

– Где ты была? – медленно и тяжело вставая с кровати, спросил Джон.

– Мне пришлось на день раньше открыть шлюзы атмосферных комплексов. Это было проблематично. Вирус выпущен, – быстро проговорила Гринн. Последнюю фразу она сказала с таким выражением лица, словно сомневалась, хотела она того на самом деле или нет.

– Аделин мертва, – потянулся к бутылке Джон.

– Мне сказали. Прости. Я очень хотела, чтобы она была с нами, – Айрис остановила руку Джона на полпути к виски и помогла ему подняться с кровати. Она поморщилась, почувствовав, как от него разит алкоголем и потом. Таким беспомощным она его ещё не видела. Айрис никогда не думала, что мужчина, от которого веяло силой и уверенностью,

может когда-то превратиться в свою полную противоположность.

Нужно было лететь на Остров. Вертолёт уже ждал. По прибытии Миллер и Гринн отправили всех солдат Морали в город для наведения порядка. Отряды солдат рассредоточились по всему городу, отлавливали заражённых и вертолётами отправляли на Остров, где их распределяли по профессиям. В своей первой речи, которую показали по всем телеэкранам в городе, Айрис Гринн в связи со смертью Главы Правления и его сына провозгласила себя единоличным правителем Надежды.

Остров получал подопытных, ряды солдат Морали и персонала пополнялись, и спустя некоторое время в городе воцарился порядок. Придуманная Айрис система установленных на вышках камер по всему городу и дронов работала постоянно, а люди за мониторами на Острове следили за всем городом.

Большинство выживших несовершеннолетних были вынуждены прятаться в полуразрушенном отеле на Кедровой и выбираться только в крайних случаях. Это было начало новой власти.

Глава 13

2075 год

Лео перестал страдать. Он променял слабохарактерную личность на сильное духом сознание абсолютно уверенного в себе человека. И уже напрочь отбросив своё недовольство, ходил на ежедневную беседу к Айрис. Поток информации лился в его мозг подобно струе воды, наполняющей ванну, и это не могло не нравиться. К тому же он начал испытывать чувство верности по отношению к ней. Лео как верная собака приходил в её белоснежный кабинет каждый день в одно и то же время. Только вместо косточки хозяйка угощала его новыми воспоминаниями. В глубине души, на самом её дне он пока ещё мог осознавать, что Гринн превращает его в преданного до безумия слугу, но когда эти мысли всплывали наружу, он утапливал их обратно. Отныне самое главное для Лео – забыть свою прошлую жизнь. Она ему уже не нравилась, и его там никто не ждал. В нём появилось некое ощущение лёгкости из-за отказа от его привычной убогой жизни, и, несмотря на то, что он всё своё время находился взаперти, Лео в первый раз за всю свою жизнь почувствовал себя свободным. Пока он ещё осознавал, что происходит, Лео поблагодарил Айрис, сказав ей кроткое «спасибо».

Гринн села в кресло, сложив руки на коленях.

– Итак, пятьдесят шестой, мы на завершающем этапе, – сказала Айрис. Лео не слышал и не видел ничего, пока Айрис к нему не обратилась. Голос её немного дрожал, и лицо было опухшим после бессонной ночи.

Лео ничего не ответил, но он чувствовал себя уже намного лучше и не мог не согласиться с тем, что переживания растворились и на душе стало легче. Лео перестал страдать, он сдался, смирился с другой жизнью. Родителей он уже почти не помнил. Отец виделся ему неким худощавым мужчиной в очках, а мать – светловолосой пышной женщиной в тёмно-зелёном платье. Он ещё помнил Эффи, но чувства к ней исчезли, и её образ медленно уплывал от него. Пятьдесят шестой лёг на стол, и руки, прятавшиеся над лампой, ввели ему длинную иглу в окуляр. Через пару часов процедура замены памяти полностью завершится и он станет рабом Гринн, пока его не заменят или не убьют.

– Ты должен покончить с этим. Пятьдесят шестой, бери охранников, вооружи их, и отправляйтесь в этот чёртов отель. Уничтожьте всех отбросов, в том числе сыновей Миллера. Ликвидируйте всех, нанесите максимальный ущерб Банде Братьев, – приказала Айрис Гринн.

Через несколько минут Лео с каменным лицом настоящего солдата Морали ехал в военном каре к отелю. Он был готов убивать. Остальные присутствующие смотрели в пол. Стойки в военном каре были увешаны всевозможным ору-

жем. Лео знал название и характеристики всего арсенала, который висел перед ним. Он отчётливо помнил службу в специальных войсках, как теснились солдаты на железных нарах. Помнил, что в местах, где он рос, всегда шла война. На его детство пришёлся довольно продолжительный период жестокой кровопролитной войны со всеми многочисленными подробностями. Помнил свои героические подвиги, когда он спас от воздушного налёта сотни людей, спрятав их в метро, и как восхищённо они смотрели на него, сидя на каменном полу. Всё это – фальшивые воспоминания, которые он впитал и усвоил. Он всецело принял свою новую жизнь, и теперь осколки настоящей прошлой жизни мешали ему делать свою работу.

– Я вижу отель, – крикнул Коул и указал на экран.

Лео, Коул и ещё двадцать охранников на двух военных кадрах подъезжали к месту высадки. Стрельба не прекращалась. Взрывы превращали тёмную ночь в день. Едва подкрепление ступило на землю, кар взорвался от снаряда гранатомёта, раскидав в разные стороны уже не пригодные для лечения спасательные капсулы, крепившиеся по обе стороны военной техники. Лео и ещё несколько охранников откинуло взрывной волной. Один из солдат Морали, увидев подкрепление, ринулся в их сторону, помог Лео подняться и толкнул его за угол здания, но сам спрятаться за укрытием не успел. Его тело пролетело мимо Лео, упало на землю и ещё какое-то время подёргивалось. Лео посмотрел за угол и на

втором этаже примыкающего к отелю здания успел заметить обеспокоенную физиономию Дэнни Миллера. Его лицо показалось в окне и тут же скрылось.

Явилось незванное воспоминание. В мозгу шевелилось что-то знакомое, неуловимые обрывки, вызвавшие тремор. Лео вспомнил последний вечер в клубе, вспомнил лицо Эффи. Вспомнил, как Эдвард ввёл ему вирус, вспомнил Дэнни. Всё началось из-за них. Он вышел из-за угла и расстрелял какого-то отморозка, спрятавшегося за перевёрнутой машиной перезарядить свой автомат. Здесь было полно прихвостней Братьев. Лео двинулся дальше, беспощадно убивая отбросов. Он увидел девушку с рюкзаком за спиной, которая с разъярённым криком бежала ему навстречу. Она сложила ладони вокруг рта, проревев что-то ужасающее. Он выстрелил, когда она свирепо бросилась на него, и пуля вонзилась прямо между её широко поставленных глаз. Рюкзак мгновенно вспыхнул и взорвался, раскидав останки девушки по земле. Её нога упала рядом с Лео, и парень заметил тату с двумя буквами «Б» на бедре.

На белом песке, окроплённом кровью, в изогнутой позе растянулся мальчик лет десяти с застывшим выражением безмерного ужаса на лице. Кого только не было среди членов банды: женщины, старики, мужчины, дети, они отчаянно бросались под пули. Все они сражались за свой отель, за братьев. Жители этой изуродованной части города считали своим родным домом эту клоаку, а Мораль беспощадно уни-

чтожала их всех.

Вся территория была усеяна безвольно раскинувшимися телами или отдельными частями тела. Они лежали как сло- манные марионетки без верёвочек. И вдруг одновременно с выстрелом Лео в очередного отморозка с пулемётом в ру- ках всё стихло. Лишь огонь издавал звуки потрескивания. Из груды горящих обломков с диким воплем поднялся ста- рик, который мгновение назад казался мёртвым. У него не было руки по локоть, из раны на ноге белела кость, но он шёл к Лео с гримасой боли и отчаяния. Он защищал свой дом. Дом, который подарила ему Банда Братьев просто так, без- возмездно. В первый раз он пришёл сюда с целью выжить. Теперь он готов умереть за этот отель. Для него это была вы- нужденная мера, и поступить по-другому он не мог. В нём бурлила ненависть, и больше никакая угроза не заставит его бояться. Совершенные забрали его молодость и всё то, что с ней связано, и смеют покушаться на то, что старик имеет сейчас? Никогда он не будет спокойно смотреть на это, от- сиживаясь в безопасном месте, и даже оторванная рука и ру- чей крови, тянущийся за ним, не помешают дойти до пять- десят шестого солдата Морали и прикончить его. На это у него всегда будут силы. Он поставил благо своего общества превыше своей жизни. Но вдруг он, вопреки своей вере, упал и с громким хрипом выдохнул. И больше не шевелился.

Ещё один отморозок бежал на Лео, но винтовка оказа- лась пуста. Бегущий несов, держа в руке нож, со всех ног

нёсся к Лео, и когда достигнул своей цели, попытался нанести удар, но Лео молниеносно отобрал оружие. Член банды успел лишь немного отклонить голову назад, но это не спасло его от удара. Нож вонзился в щёку и вышел с другой стороны. Несов чувствовал, как тёплая кровь наполняет рот. Он чувствовал языком кусок холодной стали.

– Агррх, – зарычал он, вытащив лезвие. Лео ударил его ногой в живот, от чего тот кувыркнулся назад и остался лежать на спине. Выплюнув кровь вместе с выбитыми зубами, которые упали и прилипли к его подбородку, несов ощутил сокрушительный удар тяжёлым сапогом Морали в свою голову. Носок сапога наполовину вошёл в его череп. Пятьдесят шестой всё ближе подходил к отелю.

Неожиданно верёвка, брошенная возле Лео, издала режущий слух звук трения металла, обвилась и крепко затянута на его ногах. Падая на спину, он увидел бегущего прямо на него Дэнни. Пятьдесят шестой мгновенно прицелился, но Миллер на расстоянии резким движением руки вырвал нацеленное оружие из рук Лео и, добежав, ударил парня ногой по лицу. Затем достал из-за спины свою винтовку и начал бить его прикладом в голову, рассекая кожу, от чего удары приобрели звонкий стук.

– Мой брат уже трахает твою сучку. Закончу с тобой и присоединюсь, – запыхавшись, с улыбкой на лице сказал Дэнни.

Окуляр Лео треснул и начал создавать помехи, из-за ко-

торых появился шум в ушах. Кровь заливала второй глаз. Когда смысл слов дошёл до него и вывел из состояния растерянности, пятьдесят шестой сжал кулак и ударил своего противника в колено. Нога Дэнни выгнулась в обратную сторону, от чего тот вскрикнул от боли, пошатнулся и рухнул на землю рядом. Лео выхватил у него автомат и направил ему в грудь. Руки солдата сильно дрожали, но он стоял слишком близко и не мог промахнуться.

– Номер комнаты.

– Восемь, ноль, два. Подожди! – взмолился Дэнни Миллер. К его лицу прилипли мокрые от пота волосы. Он закрылся руками, как будто это должно спасти его от смерти, и тут же был расстрелян в упор. Дрожащее оружие в руках Лео рассеяло пули, которые прошли сквозь ладони Дэнни и вонзились в грудь. Затем Лео выстрелил в верёвку и высвободил ноги. В голове творилось что-то необъяснимое, боль пронзила всё тело, ударила крупная дрожь. Нужно было ввести таллий. Неиспользованный шприц валялся на полу среди других разбившихся. Лео взял его с собой на случай, если Эффи заражена.

Мёртвая тишина в отеле говорила о том, что живых отбросов не осталось. Лео зашёл в лифт, нажал кнопку восьмого этажа и с грохотом приземлился на колени. Боль пронзила всё тело. Из-за помех он практически ничего не видел, голова трещала, и воспоминания спутались. Теперь он не понимал, какие настоящие, а какие искусственные, хронология

событий нарушилась. Лео попытался избавиться от окуляра, но это вызвало ещё большую боль. Нога по колено превратилась в металл. Двери лифта открылись, и как только пятьдесят шестой поднялся и вышел из лифта, на него набросилась девушка, нанеся удар ножом в живот, но броня защитила парня. Лео выронил последний шприц, который покатился и исчез в щели перед лифтом. Он взял девушку за волосы и ударил об стену. С проломленной головой она сползла вниз и распласталась на полу. Хромающей походкой, которая становилась всё менее и менее уверенной, Лео дошёл до комнаты 802 и с плеча выломал дверь.

* * *

– А ты знаешь, каким острым может быть нож? И какой глупой может быть смерть? – спросил Эдди, проглотив горсть таблеток хрустала. Он надел на розоволосую Эйприл ошейник, пристегнул поводок и начал расстёгивать ширинку. Эффи без сознания, подвешенная за руки, болталась на верёвке в углу комнаты. Эйприл встала перед Эдвардом на колени. От туго затянутого ошейника её лицо посинело. Она не боялась его, она подумала, что если ей удастся протянуть время, то Эффи успеют спасти. Эд приспустил штаны, не убирая нож от горла Эйприл. Она взяла в рот его вялый член и начала сосать. Он ударил её ладонью по щеке, и после того как она упала, стукнул её ногой по лицу. Эйприл вскрикну-

ла, и кровь хлынула из носа. Эдвард всадил ей нож в живот, вытащил и бросил, воткнув острое лезвие в пол. Он намотал её волосы на кулак и пальцами сильно сдавил ей щёки, от чего она покорно открыла рот.

– Подыхай, а я буду тебя трахать, – с наслаждением произнёс он. Эйприл всхлипывала, и от этого звука член у Эда начал твердеть. Девушка бросила свой взгляд на нож. Ей нужно было несколько секунд для того, чтобы полностью сконцентрироваться. Кровь уже текла по внутренней стороне её бёдер. Нож пару раз качнулся, но Эйприл не успела его выдернуть. Эдвард крепко схватил её волосы на затылке, затем резко и до конца засунул свой член Эйприл в рот. Она попыталась освободиться, но Эдвард продолжал медленно входить и выходить. Через минуту он отпустил её и начал бить кулаком по голове. Удар, второй! Он отошёл и начал мастурбировать, наблюдая за ней. Член постоянно падал. Эдди проглотил ещё парочку колёс хрусталя. Эйприл тихо скулила, давясь слезами и истекая кровью. Эдди взял деревянную палку и изо всех сил ударил её по заднице. Она тоненько взвизгнула и заревела. Сладострастно ухмыляясь, Эдвард туго вошёл в неё, но Эйприл сделала рывок вперёд. Её крик перешёл в хрипящий возглас, когда Эдди сильно дёрнул за поводок и начал бить её кулаком в область почек. После четвёртого удара Эйприл упала на живот и обмочилась. Эдвард встал на колени прямо в лужу мочи и снова вставил в неё член. Он посмотрел на Эффи, которая продолжала висеть без созна-

ния, и оскалился в предвкушении. Закатив глаза от удовольствия, он чувствовал, как красивое женское тело извивается под ним. Эйприл подняла голову. Нож торчал в нескольких шагах от неё. Она попыталась сосредоточиться, пока Эдвард продолжал её насиловать. Несколько секунд – и нож поддался, зависнув в воздухе. Ещё секунда – и он медленно повернулся остриём прямо в сторону Эйприл. Она глубоко вздохнула и задержала дыхание. Плотно стиснув зубы, она сделала последнее усилие сквозь головную боль. Нож пролетел над её головой, срезав волосы, которые держал Эдвард, и вонзился ему в шею так, что сантиметр острия сверкнул кровью с противоположной стороны. Он упал набок, задёргался и закричал, выплёвывая изо рта свою кровь.

Эйприл, пошатываясь, поднялась на ноги. Её пронзал холод, слабость мешала двигаться, по лицу текли кровь и слёзы. Наступив Эдварду на лоб, она выдернула нож из его шеи и, придерживая Эффи левой рукой, правой разрезала верёвку над её головой. Беспомощное тело Эффи навалилось на Эйприл, и они вместе упали. Закрыв глаза, Эйприл медленно угасала, чувствуя тепло Эффи.

Дверь с грохотом упала, и в комнату вошёл Лео. Он увидел мёртвого Эдварда и двух девушек, лежащих без сознания на полу среди обломков кирпича и мусора. У одной из них сердце уже не билось. Клок её розовых волос лежал рядом, и к нему медленно подкрадывалась разрастающаяся лужа крови.

Лео посмотрел на Эффи, нащупал пульс на запястье, и что-то необъяснимое дрогнуло в нём. Он не мог вспомнить её голос. Казалось, голова сейчас лопнет, и вторая нога с жутким хрустом обращалась в красный металл. Его мозг безудержно рвался вспомнить её голос, и чем больше он старался, тем выше поднимался хруст. Вот уже до середины бедра. Какое-то время он стоял неподвижно. Когда боль в голове немного утихла, он поднял Эффи и направился к выходу. Снаружи его уже ждал Коул с парой выживших солдат Морали. Возле военного стояли две белые спасательные капсулы.

– Ложись, – крикнул Коул, указывая в сторону капсулы. Парень почувствовал облегчение, когда голова перестала пульсировать дикой болью. Он положил девушку в одну капсулу и направился ко второй.

– Быстрее! Смотри, твои руки! – снова прокричал Коул, увидев, как ладони Лео стали кроваво-красными.

Эффи, тяжело поднимая веки, увидела медленно удаляющегося от неё солдата.

– Лео, – хриплым голосом позвала Эффи своего спасителя. Она попыталась подняться, но сломанное ребро уложило её обратно в капсулу. Она захотела подбежать к нему, броситься ему на шею. Страдания кончились, Лео жив, отныне они всегда будут вместе, но её голос отозвался эхом в его памяти, в одну секунду решив судьбу солдата Морали. И вместо того, чтобы лечь в капсулу, он обернулся и посмотрел ей прямо в глаза. Мозг снова попытался найти недостающий

пазл, и на этот раз успешно. Лео почувствовал облегчение, когда голова перестала пульсировать дикой болью.

– Эффи, – прошептал он и обратился в красную статую.

* * *

Айрис Гринн сидела на холодном полу, прижимая к лицу ладони. Она взяла пачку сигарет и зажигалку из кармана мёртвого Джона Миллера и первый раз в жизни закурила. Закашляла. Теперь город принадлежал только ей. Она встала и направилась в свой кабинет, глядя по сторонам на белые чистые стены и полы. Айрис бросила недокуренную сигарету на пол и открыла дверь своего кабинета. Панорамные окна открывали её взгляду город с настоящим солнцем и облаками, зелёными цветущими садами и парками, где дети играют с собаками. Но вдруг свет прошлого перекрыла тень настоящего. Серый город с озлобленными людьми предстал перед Айрис. Она звонко постукивала своими ноготками по стеклу, раздумывая о дальнейших планах.

* * *

В оформлении обложки использована фотография автора Морис (ID изображения: 8022099) и depositedhar (ID изображения: 216594410, 221437660) с сайта depositphotos.com